

70 лет
СМЕРШ

Н. Н. ЛУЗАН

СМЕРШ
БЕЗ ЛЕГЕНД И МИФОВ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2013

УДК 355.40
ББК 63.3(2)722
Л82

Лузан Н. Н.

Л82 Смерш без легенд и мифов: Сборник документальных очерков и рассказов. — М.: Кучково поле, 2013. — 304 с.

ISBN 978-5-9950-0285-7

В сборнике на документальной основе рассказывается об образовании в апреле 1943 г. и боевой работе Главного управления контрразведки Народного комиссариата обороны (ГУКР НКО) Смерш. Читатель узнает о борьбе контрразведчиков со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок, с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной армии, а также о принятии сотрудниками Смерша различных мер на фронтах, исключающих проход агентами противника через линию фронта.

УДК 355.40
ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-9950-0285-7

© Лузан Н. Н., 2013
© Кучково поле, 2013

От редакции

В тринадцати художественно-документальных очерках и рассказах книги освещается деятельность с апреля 1943 по май 1946 г. отечественной военной контрразведки, носившей в то время грозное название Смерш. В них использован богатый фактический материал из архива ФСБ России.

Открывает книгу очерк «Крепче стали». В нем кратко излагается история образования Смерша, приведены результаты деятельности этой специфической спецслужбы, коротко, но емко показаны образы руководителей.

В очерках «Слово и дело», «И шпионов ловили, и здорово помогали», «Большое сито» Смерш», «Чистилище» объективно и без прикрас — с успехами и трагическими ошибками — отражена деятельность органов Смерша в борьбе с изменниками Родины, паникерами и трусами, а также их повседневная работа, связанная с оказанием помощи командованию Красной армии в поддержании боевой готовности войск. Особую теплоту этим очеркам придают яркие и образные воспоминания ветеранов Смерша и их боевых армейских товарищей.

Из очерка «Враг силен и коварен» читатель вынесет полное представление о силе и мощи главного противника Смерша — спецслужбах фашистской Германии.

В основу последующих семи очерков положены крупные разведывательные и контрразведывательные операции, проводившиеся сотрудниками Смерша.

В ходе одной из них — «Прыжок самурая» — контрразведчики выявили действовавшую с середины 20-х годов на территории Забайкалья, Дальнего Востока и в частях Красной армии мощную шпионскую сеть японской разведки. Руководил ею достойный противник и настоящий профессионал капитан Каймадо; один из его агентов служил переводчиком в разведотделе Забайкальского фронта.

В других очерках — «Несостоявшееся сватовство оберлейтенанта Биттига», «По следу оборотня», «Две истории дневника полковника Бойе», «Капкан для «Арийцев» — показана работа сотрудников Смерша по разоблачению шпионов и военных преступников.

Особое место занимает очерк «Загадка «Смерша». В его основу положена операция «Загадка». Длилась эта операция почти два года. Санкционировал ее 27 июня 1943 г. начальник ГУКР Смерш НКО СССР В. Абакумов. Завершилась она 7 апреля 1945 г. В ходе операции до высшего гитлеровского командования было доведено пять стратегических дезинформаций, оказавшие определенное влияние на ход Курского и других сражений на Восточном фронте. Главный ее герой, блестящий разведчик Виктор Бутырин (оперативный псевдоним «Северов»), «за успешное выполнение заданий» удостоивался личных благодарностей шефа Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрера СС Э. Кальтенбруннера.

Об эффективности работы В. Бутырина лучше всего свидетельствуют показания высокопоставленного сотрудника «Цеппелина» Александра Джона. 26 июня 1945 г. на допросе у следователя Смерша он сообщил: «В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что «Иосиф» — лучшая агентурная группа (такое кодовое название в «Цеппелине» получила группа В. Бутырина. — *Ред.*). До июля 1944 г. группа «Иосиф» давала довольно ценные сведения, которые докладывались шефу службы безопасности Кальтенбруннеру и не исключено, что Гиммлеру».

Ошибался Джон только в одном: группа «Иосиф» действительно работала блестяще, но только на Иосифа Сталина.

Завершает книгу очерк «Охота на комиссара». В нем нашла отражение работа органов Смерша по розыску перебежчика комиссара госбезопасности 3-го ранга Г. Люшкова.

В очерках отсутствуют головокружительные гонки, стрельба, но это нисколько не умаляет достоинства главных героев. Они скромно и мужественно исполняли свой священный долг перед суровой и не всегда справедливой родиной. И когда пришло время, они, как истинные рыцари, тихо ушли в тень истории спецслужб. Они были преданы своим товарищам и чисты перед собственной совестью. Многих из них, к сожалению, уже нет в живых, но остались архивы специальных служб. Сегодня они приоткрыли перед читателем лишь некоторые страницы из трудной, но захватывающей интересной жизни сотрудников Смерша. Жизни освященной короткими и, вместе с тем, такими емкими словами:

«Жизнь — Родине!
Честь — никому!»

А. Аристов

Крепче стали

Весной 1943 года на Восточном фронте, после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе, наступило временное затишье. Оно напоминало затишье перед бурей. Несмотря на поражение, враг — вермахт оставался еще невероятно сильным и жаждал реванша. Рассчитывая вернуть себе стратегическую инициативу, фашистская верхушка бросила на чашу весов войны все резервы рейха и использовала последние достижения науки. На сверх секретных заводах создавалось германское «чудо оружие» — танки «Тигр» и «Пантера», самоходные артиллерийские установки. Этот «бронированный зверинец», как полагали в Берлине, способен был порвать в клочья оборону советских войск и поставить Москву на колени.

Важная роль в обеспечении успеха операции «Цитадель» — предстоящей битвы на Курской дуге, отводилась немецким спецслужбам — абверу и «Цеппелину». Они должны были сохранить в тайне планы вермахта, и одновременно проникнуть под завесу секретности, окутывавшую замыслы командования Красной армия. Несмотря на предпринятые абвером и «Цеппелином» беспрецедентные меры безопасности, утечка данных об операции произошла.

Первая информация о ней поступила к советскому военно-политическому руководству из Лондона в мае 1943 года. Ее источником являлась блестящая группа разведчиков, ныне известная как знаменитая «кембриджская пятерка». На основе разведанных лондонской резидентуры 7 мая 1943 года в Государственный Комитет Оборона (ГКО) из Наркомата госбезопасности (НКГБ) за № 136/М было направлено спецсообщение. В нем говорилось:

«Резидентура НКГБ СССР в Лондоне сообщает полученный агентурным путем текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса в адрес оперативного отдела верховного командования армии...».

Далее раскрывалось ее содержание: *«Для противодействия осуществлению плана «Цитадель» противник (Красная армия. — Авт.) располагает приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород — Курск — Малоархангельск. Наступление частей группы армий «Юг» встретит упорное сопротивление в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия по обороне будут сосредоточены в главном секторе Белгород — Томаровка...».*

Эта, а также другая развединформация, поступавшая в ГКО из разных источников, не оставляла сомнений в том, что летом 1943 года вермахт перейдет в решительной наступление, мощь которого потрясала воображение. В полосе фронта протяженностью 65 и 75 километров планом «Цитадель» предусматривалось сосредоточить до 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, более 10 тыс. орудий и минометов, 2700 танков, свыше 2 тыс. самолетов и около 900 тыс. солдат и офицеров.

Перед лицом смертельной угрозы гитлеровской армады руководители Советского государства вынуждены были принимать энергичные меры, затронувшие не только армию, но и отечественные спецслужбы.

31 марта 1943 года Верховный главнокомандующий И. Сталина принял руководителей Наркомата внутренних дел (НКВД) и НКГБ СССР А. Берия, В. Меркулова и В. Абакумова. По результатам обсуждения вопроса о будущей спецслужбе, которой предстояло надежно защитить замыслы командования Красной армии, а также решительно бороться с иностранными шпионами, изменниками Родине и антисоветскими элемента-

ми, Меркулову было поручено разработать проект постановления о ее создании.

1 апреля Меркулов доложил свои предложения Берия. Тот их утвердил и за № 334/Б от 2 апреля отправил Сталину на рассмотрение. По замыслу Меркулова и Берия, новая спецслужба должна была формироваться на базе Управления особых отделов НКВД СССР и войти в состав Народного комиссариата государственной безопасности под названием «Смеринш» («Смерть иностранным шпионам»).

Сталин проект не утвердил. И Меркулов 4 апреля за № 340/Б представил новый вариант с учетом высказанных замечаний. Структурно в нем ничего не изменил, а предложил усилить будущее управление техническими отделами и подразделением, которые осуществляли бы зафронтовую разведывательную работу. Но и этот вариант не нашел поддержки у Сталина. Как дальновидный политик и стратег, он был выше ведомственных интересов НКВД и НКГБ. В условиях, когда под Курском и Орлом решалась не только судьба важнейшей военной операции, но и страны, концентрация в одних руках сил армии и спецслужбы выглядела вполне логичной.

Нельзя исключать и того, что Сталин, возможно, руководствовался еще одним немаловажным соображением — сохранением в безопасности собственной власти. Жуков, Василевский, Рокоссовский и другие «маршалы победы» — свидетели его грубых просчетов, допущенных летом сорок первого, после разгрома, казалось, непобедимого вермахта под Сталинградом, а потом на Северном Кавказе приобрели непререкаемый авторитет в войсках и почувствовали свою силу. Силу, которая могла представлять угрозу авторитарной власти Сталина. Поэтому за «маршалами победы» требовался глаз да глаз. Сделать это лучше, чем новая спецслужба с ее широчайшими полномочиями, а главное — разветвленным негласным аппаратом, пронизавшим все армейские звенья — от стрелкового отделения до Генерального штаба, вряд ли кто мог.

13 апреля Сталин провел новое совещание с руководителями НКВД и НКГБ. Документальных свидетельств о его ходе не имеется. Но что касается названия будущей спецслужбы, то, как вспоминал ветеран-контрразведчик С. Остряков («Военные контрразведчики», изд. 1979 г.) со слов участников совещания: «...Предложения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы наименование сделать максимально кратким и составить из начальных букв широко известного тогда лозунга «Смерть немецким шпионам!» Получалось что-то вроде «Смернеш». В заключение обсуждения Сталин заметил:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем «Смерть шпионам», а сокращенно «Смерш».

Желающих возразить ему не нашлось. Тем более название было не в бровь, а в глаз.

На последующих встречах Сталина 18 и 19 апреля с Берия, Меркуловым и Абакумовым были согласованы последние детали проекта постановления об образовании Смерша. И тогда же за № 415-138сс Сталин утвердил его как глава правительства (Совнаркома).

Этим решением Управление особых отделов выводилось из состава НКВД и преобразовывалось в Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны (ГУКР НКО Смерш), а его руководитель — Абакумов становился заместителем наркома обороны — Сталина. На Смерш возлагались следующие задачи:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры

противника через линию фронта, с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника), укрывательство шпионов и содействие работе органов Смерш...».

Через двое суток, 21 апреля 1943 года, Постановлением ГКО СССР № 3222 сс/ов было введено в действие Положение о Главном управлении контрразведки НКО Смерш СССР. Новая спецслужба представляла собой строго централизованную организацию, ее подразделения на местах подчинялась только вышестоящим органам. Она наделялись самыми широкими полномочиями, которые диктовались чрезвычайной обстановкой военного времени. При этом строго соблюдались нормы действовавшего Закона — аресты военнослужащих в обязательном порядке согласовывались с прокурором и командиром соответствующего уровня.

27 апреля Сталин утвердил организационно-штатную структуру Смерша. Она была количественно небольшой и лишена промежуточных бюрократических звеньев. Центральный аппарат включал в себя 14 оперативных отделов, секретариат, подразделения, отвечающие за шифросвязь и использование оперативно-технических средств, а также кадровый орган.

Общая численность аппарата составляла 646 человек. Число сотрудников управления Смерш фронта, состоявшего из пяти армий, не превышало 130 человек, отдела армии — 57, в отделе военного округа (в зависимости от его категории) оно колебалось от 102 до 193 человек.

Первым и бессменным руководителем Смерша стал 35-летний комиссар государственной безопасности 2-го ранга Виктор Семенович Абакумов. Родился он в 1908 году в Москве, в семье рабочего фармацевтической фабрики. Русский. В 1921 году окончил городское училище. В том же году в возрасте 13 лет добровольно вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной

армии (РККА). Службу проходил в частях особого назначения ВЧК. В 1923 году уволился и до 1930 года работал упаковщиком, разнорабочим, заместителем заведующего торгово-посылочной канторы. В 1927 году его приняли в комсомол, через три года — в ВКП(б).

Преданность делу революции, организаторские способности и колоссальная работоспособность Абакумова не остались незамеченными. В 1930 году коллектив комсомольцев торгово-посылочной канторы избрал его секретарем первичной организации. Спустя год он был выдвинут на должность заведующим военотделом Замоскворецкого райкома Московского горкома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (МГК ВЛКСМ).

1932 год в судьбе и жизни Виктора Семеновича стал переломным. Его, убежденного коммуниста, партия направила на новый участок работы — на службу в органы Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР (СНК СССР). Там ему, уже сложившемуся руководителю, пришлось начинать все сначала. Азы контрразведки он осваивал в должности оперуполномоченного экономического отдела. В дальнейшем Абакумов последовательно поднимался по служебным ступенькам, и незадолго до войны, 25 февраля 1941 года, был назначен заместителем наркома внутренних дел СССР, а через пять месяцев возглавил Управление особых отделов НКВД СССР (военная контрразведка).

В столь, казалось бы, стремительном взлете Абакумова к вершинам власти могущественной спецслужбы был период, когда его карьера едва не пошла под откос. В 1934 году, в связи с высказываниями антисемитского характера, а также с тем, что «проглядел» в своем начальнике «замаскировавшегося троцкиста» и не проявил активности в его «изобличении», Абакумова отстранили от работы и после служебного разбирательства направили на тупиковую должность «вечного опера» в 3-е отделение охраны Главного управления лагерей (ГУЛАГа).

Спустя 17 лет, 12 июля 1951 года, Абакумов был арестован и по злой иронии судьбы обвинен в том, что якобы являлся организатором сионистского заговора «врачей-отравителей», замышлявших убить Сталина. В течение четырех лет он подвергался зверским пыткам, но своей вины не признал и никого не оклеветал. К следователям-палачам и советским руководителям у него была только одна просьба: прекратить мучения жены, грудного младенца и выпустить их из тюрьмы.

5 марта 1953 года не стало Сталина. 23 декабря был расстрелян заклятый враг Абакумова — Берия. А бывший нарком Смерша продолжал находиться в камере-одиночке. Новые партийные вожди во главе с Н. Хрущевым (сами далеко не ангелы) поспешили избавиться от свидетеля своих прошлых преступлений, и преподнесли ему «подарок». 19 декабря 1954 года бывший руководитель Смерша был расстрелян.

Но тогда, в 1934 году, ничто не предвещало столь стремительного служебного роста, а затем трагического крушения Абакумова. Убийство С. М. Кирова в Ленинграде 1 декабря 1934 года, вызвавшее повальную чистку в НКВД, привело к опустошению их рядов. Поэтому кадровики закрыли глаза на прошлые антисемитские высказывания Абакумова, и 15 апреля 1937 года профессионала возвратили на ключевой участок — в 4-й отдел ГУГБ НКВД СССР. Службу на новом месте ему опять пришлось начинать с должности оперуполномоченного, но благодаря деловой хватке, организаторским способностям, а также очередной чистке 1937–1938 годов в органах госбезопасности, он быстро поднялся по ступенькам служебной лестницы.

Войну Абакумов встретил в качестве руководителя военной контрразведки. Железной, но разумной рукой навел порядок в рядах своих подчиненных, и вскоре Управление особых отделов НКВД СССР, а затем и Смерш, заработали, как хорошо отлаженные часы. За это время рядом с ним выросла плеяда талантливых руководителей — Н. Селивановский, И. Бабич, П. Ивашутин, Н. Королев, И. Устинов, Г. Григоренко, А. Мат-

веев, В. Федорчук, впоследствии занявшие ключевые посты в отечественных спецслужбах.

Выстояв в напряженном противоборстве и победив жестокого и опытного врага, Абакумов, Селивановский, Мешик и другие руководители Смерша не подозревали, что смертельная опасность их поджидала совсем с другой стороны. Они, патриоты и профессионалы до мозга костей, думали, прежде всего, о Родине, а потом — о себе. Вся их жизнь являлась свидетельством служения Отечеству.

Николай Николаевич Селивановский 1901 года рождения. Русский. Родился в местечке Хойники Минской губернии в семье конторщика-кондуктора. Образование: церковно-приходская школа и два класса училища народного просвещения. С 1914 года приступил к трудовой деятельности: истопник, посыльный, рабочий на лесозаготовках. В марте 1920 года добровольно вступил в ряды РККА. Воевал на Западном фронте, затем был направлен на курсы тяжелой артиллерии, после их окончания продолжил учебу в пехотной школе Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), находившейся в Москве. Там на него обратили внимание сотрудники ВЧК и предложили перейти на службу в органы безопасности.

В феврале 1923 года, после окончания ускоренных курсов подготовки оперсостава, Селивановский получил назначение на должность оперуполномоченного 13-го стрелкового корпуса в далекую Бухару. Дальнейшая его служба проходила в особых отделах ОГПУ-НКВД. И будь то Средняя Азия или центральный аппарат, Николая Николаевича всегда отличали вдумчивый, творческий подход к делу и человеческое отношение к людям. В должности заместителя Абакумова их связывала не только профессиональная деятельность, но и крепкая мужская дружба. После выдвижения Виктора Семеновича на должность министра госбезопасности СССР он рекомендовал Селивановского на место руководителя военной контрразведки. Впоследствии Николай Николаевич за это жестоко поплатился. После ареста Абакумова пришел и его черед.

2 ноября 1951 года он оказался в камере на Лубянке, где ему предъявили абсурдное обвинение во «вредительской работе в органах МГБ, направленной на подрыв государственной безопасности СССР».

23 марта 1953 года, уже после смерти Сталина, Селивановский был освобожден и реабилитирован. До последних дней своей жизни ни Николай Николаевич, ни другие ветераны Смерша, кто выжил на войне и вырвался из мясорубки партийно-бюрократической машины, не хули и не кляли советскую власть. Они не связывали ее с переродившимися коммунистическими вождями.

В 1997 году Селивановский ушел из жизни, унося в своем сердце горечь и боль. На его глазах партийные функционеры и ненавистники России в очередной раз цинично и безжалостно растоптали его и других ветеранов войны мечту, пусть, может, и наивную, но возвышенную, о счастливой жизни и справедливой власти.

В октябре 1917 года они, 13–18-летние юноши, призванные под знамена революции, освещенные такими притягательными словами, как Свобода, Равенство и Братство, посвятили ей всю свою жизнь без остатка. Она вырвала их из зловонных, мрачных барачных рабочих окраин, нищеты и невежества деревень, и открыла двери рабочих факультетов университетов и военных курсов «Выстрел». Революция дала им великую идею и надежду на светлое будущее. И они — рабочие, крестьянские парни — со всем пылом, свойственным молодости, вместе со страной выбирались из кровавого омут Гражданской войны, и самоотверженно строили новое государство. Их отличала неуемная жажда знаний и самоотверженная, доходящая до самоотречения, служба Отечеству и идеалам. Они совершали ошибки, порой трагические, но не сытым, благополучным «эффективным менеджерам», или продвинутым блогерам судить их, кто в час испытаний отстоял Отечество, а затем подняли его из руин. Абакумов, Селивановский и их боевые соратники являлись преданными сыновьями своего сурового времени.

«Крепче стали!» — эти слова как нельзя точно отражают дух того революционного и негибнемого поколения. Они принадлежат генерал-лейтенанту И. Л. Устинову. Он, начав службу в трагические для страны и Красной армии июньские дни сорок первого, прошел все служебные ступеньки — от оперуполномоченного особого отдела, Смерша до руководителя военной контрразведки КГБ СССР (1970–1973) и завершил ее в роковом 1991 году, когда не стало страны, которая ему была дорога, и которой он искренне и самоотверженно служил.

С прямокой фронтовика Иван Лаврентьевич так пишет о своем времени, своем поколении и произошедшей трагедии: «Ушедшее из жизни и еще остающееся в ней старые поколения воспринимали советскую социалистическую систему не из страха, а как прогрессивную необходимость, как новый шаг к дальнейшему совершенствованию государственного, общественного устройства. На ее базовой основе советский народ не только формировал образ своего мышления, жизненные принципы, строил великое государство, но и отдал миллионы своих жизней в кровавых боях по его защите».

И далее:

«Для нас, еще оставшихся в живых ветеранов, выходцев из 20 столетия, подобные события (крушение СССР. — *Авт.*), изменившие весь раннее сложившийся ход исторического развития, никаким объяснениям не поддаются и человеческим сознанием не воспринимаются. Печально, что все это было разрушено недругами прогрессивного человечества... В наш старей век каждый жил, используя свои природно-человеческие и нервно-психологические возможности, заложенные повседневным трудом, постоянно сопровождавшими жизнь сложно решаемыми проблемами, наконец, тем немалым воздействием, которое оказывало на советского человека настойчиво прививаемое ему общественное сознание»¹.

В этой оценке советского государственного устройства Устинов, Абакумов, Селивановский и миллионы граждан того негибнемого и героического поколения не заблуждались. С ней

соглашался непримиримый ее противник, видный деятель белой эмиграции В. Шульгин — тот самый, который принимал отречение императора Николая II и боролся против большевиков.

В декабре 1925 года по нелегальному каналу он въехал в Россию, чтобы найти сына, и побывал в Ленинграде, Москве и Киеве. Его поездка проходила под оперативным контролем сотрудников контрразведки, но они не закрывали ему глаза и не затыкали рот. Шульгин, при всей своей ненависти к большевикам, сумел разглядеть то, что не хотели видеть многие из его единомышленников.

В 1919 году ему пришлось бежать из истерзанной войной и разваливавшейся на части, некогда могущественной империи. Спустя всего шесть лет Шульгин снова увидел отблески ее будущего величия. Среди ужасающей разрухи и бедности, смотревших на него их всех углов, он узрел то, что не суждено было увидеть сотням тысяч русских, выброшенных на задворки империи и ставших игрушкой могущественных сил, которые и поныне спят и видят, как бы прибрать к своим рукам огромные природные ресурсы России.

Перед Шульгиным была новая Россия, гигантскими стройками поднимавшаяся из мглы невежества, разрухи и дерзновенно устремившаяся к новым высотам. Как истинно русский человек, он почувствовал сердцем ту могучую народную энергию, что пробудила революция в людях. Страна на глазах сосредотачивалась для фантастического рывка. Впоследствии, по возвращению в Западную Европу, он в своей книге «Три столицы» вспоминал: «Я думал, что я еду в умирающую страну, а я вижу пробуждение мощного народа... Я был глубоко потрясен всем тем, что увидел на первых порах, и той громадной разницей, которая произошла в культурном отношении».

Трудно заподозрить в симпатиях к советской власти и такого ее заклятого врага, как Б. Савинков. 27 августа 1924 года на судебном заседании, носившем открытый характер, он полностью признал свою вину. Его последнее слово по своему содержанию не похоже на выступление подсудимого, скорее,

оно может быть названо завещанием всем тем, у кого нет, и не может, быть другой Родины, кроме России: «Я полностью и безоговорочно признаю только советскую власть и никакую другую. Каждому русскому, кто любит свою страну, я, прошедший весь путь этой кровавой, тяжелой борьбы против вас, я, отрицавший вас как никто другой, я говорю ему: если ты русский, если ты любишь свой народ, ты поклонись в пояс рабоче-крестьянской власти и безоговорочно признаешь ее...».

Нет оснований не верить в искренность слов Савинкова. Русский патриот и борец против любой диктатуры, не единожды смотревший смерти в глаза, он вряд ли кривил душой. В отличие от Ленина с его соратниками, ее будущее Савинков — один из самых активных деятелей белого движения — видел не в красно-розовых тонах.

Можно соглашаться и не соглашаться с оценками Шульгина и Савинков, но не вызывает сомнения то, что революция породила патриотов своей страны, людей дела и действия. Абакумов, Селивановский, Устинов являлись яркими представителями того стального поколения.

В условиях жесточайшего противоборства с врагом и лимита времени им и сотрудникам новой спецслужбы пришлось решать важнейшие задачи, связанные с защитой советских войск от гитлеровской разведки и обеспечением в сохранности плана контрнаступления войск Красной армии под Курском и Орлом. И они, контрразведчики и разведчики Смерша, во взаимодействии с сотрудниками других органов государственной безопасности, проявив высочайший профессионализм и самоотверженность, выполнили ее успешно.

Во многом благодаря их эффективной работе вермахт накануне Курской битвы оказался «слеп» и «глух».

В Берлине терялись в догадках о том, когда и на каком направлении ударят русские. Ставка же Верховного главнокомандующего заблаговременно знала о тайных замыслах противника, и ранним утром 5 июля 1943 года советские войска нанесли упреждающий удар. Он явился полной неожиданно-

стью для гитлеровских генералов. Готовившаяся вермахтом в глубочайшем секрете стратегическая наступательная операция «Цитадель» не достигла поставленной цели. На «огненной дуге» сгорели надежды фашистской верхушки Германии взять реванш за унижительное поражение под Сталинградом и переломить ход войны в свою пользу.

Спустя два года на допросе у следователей Смерша фельдмаршал Кейтель вынужден был признать: «Данные нашей агентуры касались только тактической зоны, и ни разу не было получено сведений, которые бы оказали серьезное воздействие на развитие военных операций».

В то жаркое лето сорок третьего свой первый экзамен на зрелость сотрудники Смерш сдали успешно. В дальнейшем они подготовили и осуществили множество сложнейших по исполнению и длительных по времени разведывательных и контрразведывательных операций. Одних только радиоигр центральным аппаратом и его фронтовыми управлениями было проведено 186. В ходе них на нашу территорию удалось «вывести» свыше 400 кадровых сотрудников и гитлеровских агентов, захватить десятки тон грузов. При этом ни один патрон, ни один килограмм взрывчатки не выстрелил и не взорвался. Подобного размаха не знала ни одна спецслужба мира.

Одна из радиоигр, получившая кодовое название «Загадка», велась в течение двух лет с гитлеровской спецслужбой «Цеппелин». Блестящая работа разведчика Виктора Бутырина (оперативный псевдоним «Северов») была и остается вершиной оперативного искусства и профессионального мастерства как его самого, так и руководителей операции капитана Г. Григоренко, генералов Г. Утехина, В. Барышникова и В. Абакумова, непосредственно курировавшего ход операции. В этом сходятся не только их боевые товарищи, а и противники.

26 июня 1945 года бывший высокопоставленный работник «Цеппелина» А. Джон в своих показаниях следователю Смерш о «работе» на фашистскую разведку Бутырина и его помощника Н. Юрьева — «Дуайта», так отзывался о ней:

«В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что «Иосиф» — лучшая агентурная группа. До июля 1944 года группа «Иосиф» давала довольно ценные сведения, которые докладывались шефу службы безопасности Кальтенбруннеру и не исключено, что Гимmlеру».

Группа «Иосиф» — такое кодовое название советские разведчики Бутырин и Юрьев-«Дуайт» получили в «Цепелине», действительно добывала «ценные сведения». Ошибался Джон только в одном: она работала блестяще, но совсем на другого Иосифа — Иосифа Сталина.

К середине 1944 года в результате масштабной и четко скоординированной работы Смерша с другими органами безопасности деятельность большинства разведывательно-диверсионных подразделений фашистской Германии не составляла большого секрета на Лубянке. В руководстве многих абверкоманд и абвергрупп, а также подразделений «Цепелина» действовали советские разведчики. Они своевременно добывали и передавали в «Центр» ценную информацию о готовящихся гитлеровскими спецслужбами диверсионных, террористических и других подрывных акциях.

Один из них — зафронтовой разведчик Петр Прядко (оперативный псевдоним «Гальченко»), сумел не только внедриться в абвергруппу-102, не и занять ключевой пост в ее руководстве. За 22 месяца работы он добыл данные на 18 официальных сотрудников, 101 агента и 33 фотографии из их личных дел, а также ценные разведывательные сведения для советского командования. И таких разведчиков, как Петр Иванович, были десятки.

С каждым месяцем Смерш наращивала свою мощь. Только за период с 1 октября 1943 по 1 мая 1944 года в зафронтовой работе задействовалось 343 разведчика. Из них 57 удалось выполнить самую трудную задачу: внедриться в абверкоманды, абвергруппы, специальные центры «Цепелина» и закрепились в их кадровом составе.

К концу 1944 года деятельность гитлеровских спецслужб фактически оказалась парализованной. За все время войны

абверу и «Цепелину» не удалось завербовать или склонить к измене ни одного кадрового сотрудника Смерша и проникнуть в крупные армейские штабы Красной армии. «Большое сито» военных контрразведчиков рано или поздно отсеивало даже самых матерых шпионов и не позволило им добыть значимой разведывательной информации.

Эти весомые результаты во многом были обеспечены организаторским способностям и железной волей Абакумова, Селивановского, Бабича, талантом и профессионализмом их подчиненных. Новая спецслужба за короткий срок стала той самой знаменитой Смерш, к истории которой в наши дни все чаще обращаются писатели и кинематографисты.

«Смерть шпионам!» — под таким грозным названием военная контрразведка просуществовала чуть больше трех лет. В мае 1946 года в процессе очередной реорганизации органов государственной безопасности Смерш вошел в состав Министерства государственной безопасности в качестве 3-го Главного управления. Возглавил министерство не Берия или Меркулов, а Абакумов, что являлось признанием его заслуг в борьбе с гитлеровскими и другими иностранными спецслужбами.

Несмотря на столько короткое время существования, Смерш оставил заметный след в истории отечественных органов безопасности. Военными контрразведчиками было выявлено и разоблачено более 30 000 шпионов, свыше 6000 террористов и около 3500 диверсантов, привлечено к уголовной ответственности более 80 000 военных преступников, проведена фильтрация 5 016 935 военнопленных и 5 290 183 советских граждан, оказавшихся в плену и угнанных на работу в Германию. Подобных результатов не смогла добиться ни одна спецслужба мира.

В тот суровый для страны и народа час испытаний время выдвинуло на передний край борьбы с жестоким и опытным врагом именно эту силу — Смерш, надежно защитившую армию и флот от вражеских агентов, террористов и диверсантов. И не росчерк пера вождя Сталина, а они — бывшие летчики,

пограничники, артиллеристы, пехотинцы и моряки, военные и гражданские, мобилизованные войной в органы безопасности, — своим беззаветным служением Отечеству, создали легендарную контрразведку Смерш. Ту контрразведку, которая заставляла в страхе трепетать врага и укрепляла веру командиров и бойцов в то, что в их ряды не проникнет измена.

Враг силен и коварен

28 июня 1919 года закрылась последняя кровавая страница в истории Первой мировой войны. В тот день во Франции, в Версальском дворце, был заключен мирный договор между странами-победительницами — «союзными и объединившимися державами»: Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией и другими странами, с одной стороны, и побежденной Германией — с другой.

Договор низвел Германию до уровня третьесортной колонии. Она была разоружена. Артиллерия подверглась полному уничтожению. Флот потоплен в Скапа-Флоу — в гавани Оркнейских островах (Шотландия). Ей запрещалось иметь военную авиацию и подводные лодки. Общая численность армии сократилась до 100 тысяч, а ее функции свелись к полицейским — поддержанию внутреннего порядка. Кадровый состав, офицеры, — костяк армии был распущен. Воинственный германский дух, казалось бы, на долгие годы был наглухо запечатан в урезанных границах рейха.

Об экономическом положении Германии У. Черчилль писал так: «Экономические статьи договора были зловны и глупы до такой степени, что становились бессмысленны. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций... До 1931 года победители, и в особенности Соединенные Штаты, сосредоточили свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарационные платежи, для чего ее подчиняли раздражающему иностранному контролю»².

В то же время политики стран-победительниц, продолжая публично заявлять о том, что заставят Германию заплатить

«все до последнего пфеннига», за кулисой делали обратное. Взаимные интересы транснациональных компаний перевесили ценность миллионов человеческих жизней. И когда страсти по прошедшей войне утихли, в Германию потекли огромные по тем временам денежные потоки. Этот факт признавал весьма осведомленный человек того времени У. Черчилль: «Германии было предоставлено, главным образом Соединенными Штатами и Великобританией, более полутора миллиардов фунтов стерлингов, что дало ей возможность быстро ликвидировать разрушения, причиненные войной»³.

Но деньги не решили главной проблемы Германии — Версальский договор продолжал держать ее в подполье политической и экономической жизни. А там, как известно, водятся крысы — разносчики бацилл чумы. До поры до времени под удушающей крышкой Версальского договора она — фашистская чума — множилась в прокуренных подвалах мюнхенских пивных. Великая депрессия 1929–1932 годов сорвала ее. Германия, униженная прошлым военным поражением и опутанная кабальными финансово-экономическими путями, почувствовала, что хватка ее противников ослабела, и не преминула воспользоваться ситуацией. Фашисты при финансовой поддержке воротил бизнеса, умело спекулируя на униженном национальном достоинстве немецкого народа, пришли к власти 30 января 1933 года. А. Гитлер стал рейхсканцлером, и за короткое время совершил невозможное — вывернул наизнанку Германию степенных и рассудительных гертруд и гансов. Рожденные его безумием идеи пещерного национализма, подобно тифозным вшам, заразили нацию.

Страна под грохот барабанов, пока еще штурмовых отрядов нацистов, становилась на рельсы войны. Гитлер и его рупор — министр пропаганды Й. Геббельс, уже не стесняясь, во всеуслышание заявляли о несправедливости существующего миропорядка и требовали от США, Великобритании и Франции выпустить Германию из «подполья» экономической и политической изоляции.

Но не столько их воинственные речи, сколько растущая не по дням, а по часам мощь ее экономики, первой выбравшейся из трясины мирового кризиса, и все громче звучащая поступь штурмовых отрядов, заставили политиков и финансово-промышленные круги ведущих держав Запада пойти на уступки реваншистским требованиям Гитлера.

И он не замедлил воспользоваться этим. 12 марта 1938 года механизированные колонны вермахта вторглись в Австрию под предлогом объединения германской нации. Красавица Вена безропотно легла под фашистский сапог. Вашингтон, Лондон и Париж ограничились лишь ритуальными заявлениями-протестами, что еще больше разожгло захватнический аппетит фашистской верхушки. Не прошло и полгода после захвата Австрии, как наступил черед Чехословакии.

Летом фашистская верхушка развернула оголтелую античешскую кампанию в «защиту трех с половиной миллионов «несчастных» судетских немцев, стонущих под игом чехов». Скрытые мины, заложенные в Версальском договоре, — отобранные у Германии земли, спустя 19 лет начали взрываться. В воздухе запахло порохом и кровью. В тот решающий для Европы момент, когда еще сохранялась возможность остановить фашизм и большую войну, Советский Союз твердо и решительно заявил, что готов выполнить свои союзнические обязательства перед правительством и народом Чехословакии.

17 марта 1938 года в интервью представителям зарубежных СМИ министр иностранных дел СССР М. Литвинов сделал заявление. Он предложил: «Трем заинтересованным великим державам — Франции, России и Великобритании — выступить с совместной декларацией, которая бы стала наилучшим путем предотвращения войны».

В Лондоне и Париже не захотели его услышать. Более того, ничего не сделали, чтобы повлиять на позицию руководителей Польши и Румынии, отказавшихся пропустить через свою территорию части Красной армии, которые советское правительство намеривалось направить на помощь Чехословакии. Вместо

этого британский премьер Н. Чемберлен своим потворством только разжег захватнические аппетиты фашистов.

16 сентября 1938 года под Мюнхеном, в резиденции рейхсканцлера Германии Берхтерсгадене, в ходе переговоров Чемберлен решил умиротворить Гитлера, и согласился на расчленение Чехословакии. В Лондон Чемберлен вернулся, сияя белозубой улыбкой, и громогласно, прямо с трапа самолета, объявил: «Я привез вам мир!». «Мир», который, спустя три года, обернулся десятками миллионов безвинных человеческих жертв

«Английский премьер сам нанес визит Гитлеру в момент, когда они (руководители Чехословакии. — *Авт.*) впервые оказались хозяевами внутреннего положения в Судетской области... Когда известие об этом было в Праге, руководители Чехословакии не могли поверить ему... Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы... Позиция Польши, связанная с отказом пропустить советские войска через свою территорию, была такова: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу», — позже с горечью вспоминал об этом позорнейшем акте будущий «железный» премьер У. Черчилль⁴.

Очередная уступка западных стран еще больше укрепила Гитлера в его мысли о мировом господстве. Германия начала подготовку к новой мировой войне. Нещадно эксплуатируя идею национального реванша и исключительности, фашисты, активно возрождая былую мощь армии, не забывали и про спецслужбы. В захватнических планах им отводилась особая роль. Гитлер одним из первых политиков того времени в полной мере оценил, а затем умело использовал уникальные возможности спецслужб в реализации агрессивных замыслов. При его непосредственном участии разведка вышла из тени вельможных кабинетов, армейских окопов и превратилась в важнейший инструмент политики, с помощью которого разыгрывались грандиозные мистификации и провокации, устранялись неудобные политики и свергались национальные правительства.

Ранее, в начале 30-х годов, в вольном городе Данциге в ходе секретной встречи с президентом данцигского совета Г. Раушнингом и начальником данцигской тайной полиции Гитлер, касаясь будущей войны и роли в ней спецслужб, говорил: «Нужен новый способ ее (войны. — *Авт.*) ведения... совершенно новый. Стратегия должна быть такой, чтобы она позволила победить врага его же собственными руками... А для этого нужны надежные люди, которые, не надевая военной формы, сумеют проникнуть всюду и в нужный момент забрать в свои руки все ключевые пункты во вражеских столицах, во всех органах, куда мы будем готовы вступить с оружием в руках.

Когда я поведу войну... я сделаю так, что мои войска однажды появятся среди бела дня прямо на улицах Праги или Варшавы, Парижа или Лондона. На них будет чешская, польская, французская или английская форма. И никто их не остановит. Они войдут в здания Генштаба, министерств, парламента. В течение нескольких минут Франция ли, Польша ли, Австрия или Чехословакия окажутся лишенными своих руководителей. Все политические лидеры будут обезврежены. Смятение будет беспрецедентным.

У меня найдутся такие люди, которые сформируют новые правительства, удобные мне. Мы сумеем заключить мир, даже не начав войны... Невероятное всегда удается легче. Самое необычное оказывается самым надежным. Я знаю людей. Это просто смешно, когда думают, что не найдется добровольцев. У нас их будет достаточно — молчаливых, упорных, готовых на все.

Мы перебросим их через границы еще в мирное время... Туристы, коммивояжеры, технические специалисты и мало ли кто еще! Нас не сдержат никакие линии обороны. Наша стратегия будет заключаться в том, чтобы уничтожить врага изнутри...»⁵.

И когда Гитлер пришел к власти, он приступил к реализации своей идеи создания такой спецслужбы. Началась коренная перестройка разведывательных и контрразведывательных органов Германии. Велась она не на пустом месте. В 1919 году на правах отдела военного министерства Германии был создан

контрразведывательный орган абвер (в переводе на русский язык — «отпор», «защита»). В 1938 году, когда окончательно сформировалась захватническая военная доктрина фашистской верхушки Германии, произошла реорганизация абвера. Его штат и функции были значительно расширены. Он стал головным органом, который осуществлял разведывательно-подрывную деятельность за границей и одновременно обеспечивал контрразведывательную защиту армии. Возглавил абвер опытный профессионал адмирал В. Канарис.

В состав созданного управления «Абвер-заграница» вошли отделы со следующими функциями:

«Абвер-1» — сбор развединформации об иностранных армиях и флотах, подготовка агентов-радивов, радиоперехват, изготовление документов прикрытия и оперативной техники (руководитель — половник Г. Пиккенброк).

«Абвер-2» — подготовка диверсантов и террористов и их заброска в тыл противника, разработка и изготовление средств террора и диверсий, организация диверсий и терактов, захват стратегических объектов (руководитель — полковник Э. Лахузен).

«Абвер-3» — контрразведывательная работа в вооруженных силах Германии, военно-хозяйственных учреждениях и на объектах оборонного назначения (руководитель — генерал-лейтенант Ф. Бентевиньи).

Иностранный отдел «Аусланд». На него возлагались задачи по изучению состояния экономики, внешней и внутренней политики иностранных государств на основе сведений, поступающих от военных атташатов и других официальных учреждений за границей (руководитель — адмирал Л. Брюкнер).

Центральный отдел. В его функции входило: комплектование кадрами, обеспечение материальными и финансовыми средствами разработка мобпланов на военное время (руководитель — генерал-майор Г. Остер).

Практическую разведывательную, контрразведывательную и диверсионную деятельность осуществляли низовые органы

абвера — абверштелле, существовавшие при каждом военном округе.

15 октября 1939 года при «Абвер-2» была создана рота специального назначения, получившая кодовое название: «Строительная учебная рота для специальных применений 800», место дислокации — г. Бранденбург. Чем занимались эти «строители», вскоре узнали в Чехословакии, Польше, Дании, Бельгии и Франции. В состав роты вошло сто лучших боевиков из расформированного спецподразделения «Эб-бингауз».

Один из первых руководителей роты, обер-лейтенант Хиппель, так определил задачи своих подчиненных: «Вы не будете регулярными солдатами. Мне солдаты не нужны. Солдат у фюрера хватает. Вы станете особой частью абвера, его руками, его пальцами. Мне наплевать, если ваш внешний вид будет не безупречным, но горе тому, кто не сумеет, как положено, носить чужую форму, какую угодно...»⁶.

Вскоре рота была преобразована в батальон, который 12 октября 1940 года стал базой для формирования полка «Бранденбург-800». В ноябре 1942 года полк развернули до штата дивизии в составе пяти полков. Укомплектованное отборными головорезами, это военное формирование предназначалось для осуществления диверсионно-террористических акций, ведения разведки и выполнения специальных заданий высшего командования в тылу противника.

Осенью 1941 года отдел «Абвер-2» создал еще одно спецподразделение — батальон «Бергман» («Горец»). Его костяк составляли выходцы с Северного Кавказа, и предназначался он для проведения диверсий, терактов и организации повстанческого движения в этом регионе.

Позднее, весной 1943 года, на базе одного из полков дивизии «Бранденбург-800», 805-го полка, было образовано новое подразделение — учебный полк «Курфюрст». Он стал основным учебным центром по подготовке диверсантов и террористов абвера.

Наряду с абвером для проведения разведывательной и диверсионно-террористической деятельности против СССР в марте 1942 года в составе Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА) было сформировано новое специальное подразделение — «Унтермен Цеппелин» («Предприятие «Цеппелин»).

На дальневосточных рубежах отечественным спецслужбам противостояла многоопытная японская разведка. Координатором в проведении разведывательно-подрывной работы против СССР выступал 5-й (русский) отдел 2-го разведывательного управления Генерального штаба Японии и его структурные подразделения в воинских частях, вплоть до полка. В этих же целях японская разведка широко использовала возможности различных министерств, ведомств, торговых представительств на территории СССР, а также многочисленные русские эмигрантские организации: «Российский фашистский союз», «Главное бюро эмиграции в Маньчжурии» и т. д., действовавшие на территории Китая и Маньчжурии.

К началу войны с Советским Союзом спецслужбы Германии и ее союзников подошли, имея за своей спиной богатый опыт проведения разведывательно-подрывных операций и отработанные почти до совершенства организационно-управленческие структуры. Немаловажную роль в успехе их деятельности играла безусловная поддержка со стороны высших руководителей государства, а также чувство уверенности и превосходства над противником, которые сформировались как у руководителей, так и рядовых сотрудников.

Практически ни одна из операций, разработанных с немецкой тщательностью и осуществленных с иезуитским коварством, не дала сбоев. Задачи, поставленные высшим руководством Германии, ее спецслужбы выполняли безукоризненно.

Первая по-настоящему серьезная проверка спецслужб состоялась при подготовке агрессии против Польши. Им предстояло разыграть грандиозную мистификацию, которая должна была послужить предлогом для начала войны. Операция полу-

чила кодовое название «Гиммлер». Все ее нити держал в своих руках будущий руководитель Главного управления имперской безопасности (РСХА) — Г. Гейдрих.

Замыслом операции предусматривалась инсценировка вооруженного захвата немецкой радиостанции в г. Глейвиц «польскими партизанами» с их последующим призывом по радио к полякам об уничтожении немцев. Для придания большей достоверности на поле боя должно было остаться несколько трупов «партизан» в польской военной форме. Эту незавидную роль предстояло выполнить уголовникам, приговоренным к смертной казни. Непосредственное осуществление акции возлагалось на гауптштурмфюрера СС А. Нуйокса. Еще несколько боевых групп, переодетых в польскую форму, должны были спровоцировать перестрелку на участке Пиченского лесничества и таможене в Хохленде. Польскую форму, оружие и снаряжение обеспечивал абвер. Наряду с этой задачей его спецподразделениям предстояло осуществить ряд диверсий на стратегических объектах в Польше.

В 20.00 31 августа 1939 года группа Нуйокса захватила радиостанцию в г. Глейвице и вышла в эфир с обращением: «Граждане Польши! Пришло время войны между Польшей и Германией. Объединяйтесь и убивайте всех немцев!».

Гитлер получил повод для войны — миру были продемонстрированы свидетельства агрессивных действий польской стороны. Но прежде чем военная машина Германии пришла в движение, первым вступил в бой спецназ абвера. В ночь на 1 сентября 500 диверсантов-фольксдойче, набранных из числа боевиков «Немецкой компании» и «Добровольческого корпуса судетских немцев» (боевая группа «Эббингауз»), переодетые в одежды польских горняков и железнодорожников, просочились через границу и приступили к выполнению задания.

Группа обер-лейтенанта З. Граберта ранним утром проникла в Катовице — крупнейший железнодорожный узел на юго-западе Польши. Сея панику среди персонала и граждан-

ских лиц и отдавая противоречивые распоряжения, диверсанты полностью парализовали работу всех служб и затем вывели под прямую наводку танков 10-й армии вермахта эшелон с 800 польскими военнослужащими.

Другая диверсионная группа захватила Яблунувский перевал, железнодорожную станцию и ведущие к ним мосты. Еще одна группа диверсантов практически без боя взяла стратегически важный мост через Вислу под Диршау. Дорога для наступления вермахта была расчищена — спецназ контролировал почти все мосты через реки Висла, Брахау, Нотец и Варта.

1 сентября 1939 г. вермахт перешел границу с Польшей. В истории человечества открылась очередная и самая кровавая ее страница — началась Вторая мировая война. Дезорганизованное Войско польское не могло противостоять мощи вермахта и сдавало одну позицию за другой. Отчаянные призывы правительства С. Сладковского к союзникам — Великобритании и Франции — прийти на помощь не были услышаны.

3 сентября Лондон объявил войну Германии, вслед за ним то же сделала Франция. Дальше слов они не пошли. На что Гитлер не без насмешки заявлял: «Если они нам и объявили войну... то это еще не значит, что они будут воевать»⁷. Он знал, что говорил. Неверные союзники Польши — Великобритания и Франция — мелко и постыдно предали ее, ограничившись ритуальными заявлениями. Они, видимо, рассчитывая, что колесо войны покатится дальше на восток. И жестоко просчитались.

После короткой передышки Гитлер развернул свои дивизии на запад. 5–8 мая 1940 года в рамках операции «Утренняя заря» бойцы батальона «Бранденбург-800» и разведчики из «Абвер-1» под прикрытием туристического агентства «Сила через радость» провели разведку фортификационных сооружений на территории Люксембурга и Бельгии. Их турвоаж радости бельгийцам и люксембуржцам не доставил. Спустя сутки головорезы из 3-й роты батальона «Бранденбург-800», усиленные боевиками из спецподразделения «Нидерланды», переодетые в форму голландских военнослужащих, по навод-

кам разведчиков приступили к захвату важнейших мостов и переправ.

В дальнейшем, смешавшись с беженцами, пряча оружие в детских колясках и грузовиках, в которых якобы находились домашние вещи, боевые группы абвера просочились в Гаагу и блокировали резиденцию королевы и министерства. По пути они выводили из строя средства связи и транспортные коммуникации.

10 мая диверсанты, переодетые во французскую форму, почти без выстрелов захватили, казалось бы, неприступный форт Эбен Эмаль, а затем мосты через реку Шильда. Прошло еще несколько суток, и серии взрывов прозвучали в Абвиле, Реймсе, Дувре и самом Париже. Французам, бельгийцам и голландцам, потерявшим головы от страха, неуловимые и вездесущие гитлеровские диверсанты теперь чудились повсюду. Охватившая их паника сметала с линии фронта целые дивизии.

Гордая Франция продержалась всего полтора месяца, и 22 июня 1940 г. капитулировала. Чтобы окончательно ее унижить, гитлеровцы разыграли издевательскую сцену — условия перемирия французской стороне вручили в том самом вагоне, в котором 11 ноября 1918 года маршал Фош принимал капитуляцию кайзеровской Германии. Довершил этот акт национального позора парад войск вермахта в Париже. Германия отыгралась за унижение Версаля.

«Британскому льву» повезло больше. Военная операция вермахта «Морской лев» против Великобритании не увенчалась успехом. Гитлер, потрепав, как следует, шкуры сэров и пэров, решил оставить их на закуску, и снова обратил свои взоры на Восток — на Россию с ее несметными природными богатствами и юг Европы — через Грецию и Югославию отрывался путь к теплым морям и мировой нефтяной кладовой — Среднему Востоку.

Зимой 1941 года вермахт начал готовиться к броску на Балканы. Впереди него, как всегда, шли спецслужбы. 3 февраля отделение абвера в Вене получило приказ: сформировать спец-

подразделение диверсантов для осуществления операций на территории Югославии и Греции (план «Марита»).

25 марта была завершена разработка плана «Специальные операции на Ближнем Востоке». Им предусматривалось создание агентурных сетей в Турции, Египте, Сирии и Ираке с целью инспирирования антибританских восстаний в Палестине, Трансиордании и Ираке.

28 марта отделение абвера в Будапеште приступило к нелегальным поставкам оружия через венгерско-югославскую границу для «пятой колонны» в Югославии. Одновременно командование полка «Бранденбург-800» начало масштабную заброску групп диверсантов в Грецию и Югославию.

Незадолго до этого в лагерях британских военнопленных сотрудники абвера завербовали свыше ста ирландцев «для выполнения заданий, лежащих в сфере немецких и ирландских интересов».

2 апреля с помощью сотрудников абвера бывший премьер-министр Ирака Рашид Али-аль-Гайлани поднял антибританское восстание и провозгласил себя главой правительства «национальной обороны». В Танжере (Марокко) в спешном порядке создавались опорные базы для агентов-диверсантов для последующего проведения спецопераций в Северной и Северо-Западной Африке.

На Ближний Восток (Ливан, Сирия и Ирак) началось перемещение Арабской бригады особого назначения, сформированной на базе полка «Бранденбург-800». В ее задачу входило проведение разведывательно-диверсионных операций в этом регионе.

С этой же целью в Анкаре было сформировано командование «Ближний Восток». Все эта деятельность абвера была нацелена на то, чтобы при нападении вермахта на Грецию и Югославию сковать британские оккупационные войска.

5 апреля пробил час операции «Марита». В ночь на 6 апреля в ходе молниеносной атаки два батальона полка «Бранденбург-800» захватили Железные ворота — сужение долины реки Дунай на румыно-сербской границе.

В тот же день боевая группа главаря «пятой колонны» в Югославии и давнего агента абвера З. Янко присоединилась к отряду особого назначения «Юпитер», просочившемуся через границу. В дальнейшем в результате предпринятой ими атаки переправы через реку Драва и военный аэродром Землине перешли под их полный контроль. Другая группа диверсантов абвера отбила у югославов баржу, на которой находился секретный архив, содержащий документы, раскрывающие планы обороны.

Также стремительно и дерзко действовал спецназ абвера и в Греции. Всего одна рота полка «Бранденбург-800» сумела захватить стратегически важный мост через реку Вардар и затем удерживала его до подхода авангарда танковой дивизии вермахта.

21 апреля 2-й батальон полка «Бранденбург-800» высадился в глубоком тылу греческих и британских войск — на острове Эвиа, в заливе Волос. После коротких и ожесточенных боев потомки славных эллинов и британцы там, где 300 спартанцев остановили армаду персидского царя Дария Второго, потерпели поражение и оставили Фермопилский проход.

В это же время отряд особого назначения «Гамбург» проник в Афины и с помощью своего агента в Морском министерстве добыл важные секретные документы, раскрывавшие планы греческой армии. В дальнейшем его диверсанты совместно со 2-м батальоном полка «Бранденбург-800» сеяли в столице Греции хаос и панику.

21 июня 1941 г. были подавлены последние очаги сопротивления греков, а остатки потрепанного британского экспедиционного корпуса едва смогли унести ноги с островов Эгейского моря, перебрались в Северную Африку и там мучительно усыхали в песках Сахары.

Следующим и самым серьезным препятствием на пути фашистов к мировому господству оставался Советский Союз. К этому времени Гитлер располагал блестяще отлаженной и не знающей поражений военно-шпионско-диверсионной ма-

шиной и мог приступить к осуществлению давно задуманного грандиозного захватнического плана.

Ранее, 18 декабря 1940 г., им была подписана зловеще знаменитая директива Верховного главнокомандования № 21 (план «Барбаросса») — план захвата СССР. Исходя из стратегического замысла разгрома и покорения Советского Союза в ходе летне-осенней кампании 1941 года, руководство абвера основной упор сделало на оперативно-тактическую разведку и масштабную подготовку диверсионно-повстанческих подразделений. Именно последним, по замыслу Канариса, в первые дни войны предстояло выполнить одну из важнейших задач: парализовать главный нерв любой армии — систему боевого управления войсками, посеять панику среди отступающих частей и тем самым облегчить частям вермахта достижение стратегических целей.

Для реализации этих замыслов на базе существующих разведывательно-диверсионных групп, прошедших обкатку при захвате Польши, Франции, Югославии и Греции, началось развертывание сверх штата полка специального назначения «Бранденбург-800». Но одних этих сил для решения столь масштабных задач на будущем Восточном фронте явно не хватало, и потому гитлеровские спецслужбы задействовали националистов всех мастей, начиная с ОУН — Организации украинских националистов и заканчивая армянской «Дашнакцутюн». Их планировалось использовать не только для проведения повстанческой и террористической деятельности в ближайших тылах Красной армии, но и осуществления крупных диверсий в глубоком тылу на стратегически важных объектах — нефтепромыслах Баку и Майкопа, а также для организации восстаний в национальных республиках.

Накануне войны, 20 июня, начальником отдела «Абвер-2» полковником Лахузеном было издано распоряжение «О создании из числа грузинских эмигрантов диверсионно-подрывной организации «Тамара». Им предписывалось:

«Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования

нефтяных районов обеспечить разложение Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи:

1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии.

2. Руководство организацией возложить на оберлейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель Хауфе (контрразведка 2).

3. Организация разделяется на две оперативные группы:

а) «Тамара 1» состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединенных в ячейки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург-800», ЦБФ 800, 5-я рота);

б) «Тамара 2» представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается оберлейтенант Крамер.

4. Обе оперативные группы, «Тамара 1» и «Тамара 2», предоставлены в распоряжение 1-ЦА ОК (главного командования армий).

5. В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара 1» избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы «Тамара 2» — треугольник Браилов — Калараш — Бухарест.

6. Вооружение организаций «Тамара» производится отделом контрразведки 2.

С подлинным верно. Лахузен».

В те же дни форсированно формировались и другие разведывательно-диверсионные подразделения. В частности, из числа выходцев из республик Северного Кавказа было организовано так называемое «предприятие Шамиля» под командой капитана В. Ланге. Перед ним были поставлены две основанные задачи: вывод из строя нефтепромыслов под Майкопом и организация восстаний в республиках Северного Кавказа. Позже в этих же целях был создан так называемый «калмыцкий легион».

Главную же ставку гитлеровские спецслужбы сделали на украинских националистов и их лидера — Бандеру. После оккупации Польши он был освобожден из тюрьмы, где отбывал наказание за подготовку террористического акта против министра внутренних дел Польши Б. Перацкого. Выйдя на свободу, Бандера начал энергичную борьбу за власть в ОУН с ее руководителем, полковником А. Мельником, «унаследовавшим» ее после ликвидации в 1938 году прежнего лидера и яркого врага советской власти Е. Коновальца. Опираясь на поддержку «молодых» националистов и проявив недюжинное мастерство в «подковерной борьбе», Бандера 11 февраля 1940 года на партийной конференции ОУН в Кракове сумел переиграть потерявшего «политический нюх» старого агента германской разведки Мельника (псевдоним «Консул-1»). Спустя девять месяцев, 11 ноября, на совете «Революционного провода ОУН» был утвержден ее новый состав: Бандера — руководитель, члены: Р. Шухевич, оставивший о себе в Украине и Польше зловещую память организацией массовых убийств евреев и лиц, заподозренных в связях с партизанами, а также Н. Лебедь, В. Стецько и другие.

Гитлеровским спецслужбам такая грызня между вождями украинских националистов была только на руку. Придерживаясь старого и испытанного принципа «Разделяй и властвуй», они не оставили без работы и Мельника. С их помощью он создал «Национальную раду Украины», боевики которой с не меньшей жестокостью, чем бандеровцы, осуществляли террористическую деятельность на территории СССР.

Но главная ставка была сделана на Бандеру и его головорезов.

Осенью 1940 и весной 1941 года в Берлине с ним был проведен ряд конспиративных встреч заместителем начальника отдела «Абвер-2» полковником Э. Штольце. На них была достигнута договоренность о формировании «повстанческой армии для борьбы с большевизмом». Получив такую мощную поддержку, Бандера и его единомышленники рьяно взялись за выполнение поставленных перед ними задач. Они готовы были

сотрудничать не только с фашистами, а и с самим дьяволом ради вожденной власти.

О теснейших связях лидеров ОУН с фашистами и их прямым участием в подготовке агрессии против СССР и собственного украинского народа красноречиво свидетельствует запись беседы адмирала Канариса с рейхсляйтером Розенбергом о планах захвата и расчленения территории Советского Союза и порабощения его народа в предстоящей войне. В первой части беседы, которая состоялась 30 мая 1941 года, говорится «о расчленении русского пространства на четыре государства... чтобы раз и навсегда освободить Германию от кошмара возможной угрозы с Востока».

В пункте 4 Канарис подтверждает готовность к сотрудничеству: «Я обещал рейхсляйтеру Розенбергу полное содействие в этом деле со стороны моего ведомства и, в частности, упомянул о том, что я мог бы из состава моих агентов, работающих на абвер, назвать соответствующих лиц из числа эстонцев. Далее, я обещал распорядиться о том, чтобы также из состава учебного полка особого назначения «Бранденбург-800», а также украинских добровольческих формирований были выделены люди, которые в нужный момент могли бы использоваться в качестве переводчиков, управляющих служащих, уполномоченных и тому подобное...»⁸.

О том, как они должны были управлять, лучше всего говорят скупые строчки многочисленных докладных записок руководителей органов государственной безопасности Украинской ССР, которые накануне войны поступали в НКВД СССР и высшие партийные инстанции.

В апреле 1941 г. в докладной записке НКГБ УССР секретарю ЦК ВКП(б) Украины Н. Хрущеву «О ликвидации базы ОУН в западных областях Украины» сообщалось:

«Материалами закордонной агентуры и следствия по делам перебежчиков устанавливается, что немцы усиленно готовятся к войне с СССР, для чего концентрируют на нашей границе войска, строят дороги и укрепления, подвозят боеприпасы...»

Известно, что при ведении войны немцы практикуют предательский маневр: взрывы в тылу воюющей стороны («пятая колонна» в Испании, измена хорватов в Югославии). Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников Организация украинских националистов (ОУН), в том числе и воззвания в листовках организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН. Эта «пятая колонна» может представлять собой серьезную опасность, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии. Так называемый Революционный провод ОУН, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организует активное противодействие мероприятиям советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины. Об этом свидетельствует ряд известных Вам террористических актов против сельских активистов, работников милиции и советских работников. Основную силу ОУН составляет ядро нелегалов, которых в настоящее время в западных областях УССР учтено около 1000 человек.

Население некоторых сел настолько терроризировано, что даже советски настроенные люди боятся выдавать нелегалов. Например, террористический акт против председателя сельского совета села Лапишин Бережановского района Тарнопольской области Ковара В. М. был совершен в его собственной хате двумя бандитами в присутствии шести соседей. Эти соседи не только не воспротивились убийству, но даже «не опознали» бандитов. Председатель сельсовета с. Козивка того же района Тарнопольской области Гороховский, преследуемый бандитами, вбежал в хату своего родного брата, где и был зверски убит. Будучи запуган, брат Гороховского не выдал бандитов...».

Нарком государственной безопасности УССР Мешик»⁹.

И чем меньше времени оставалось до роковой даты — 22 июня 1941 года, тем все чаще в докладных записках органов государственной безопасности приводились подобные страшные примеры. Даже спустя много лет невозможно без содро-

гания читать их скупые строчки. Тысячи заживо сожженных, закопанных в землю, распятых на крестах сельских активистов, партийных функционеров, работников милиции, сотрудников НКВД стали жертвами националистов. Лютую смерть от их рук приняли сотни агентов органов государственной безопасности и кадровых работников, внедренных в банды, на которых пала тень подозрений.

Собственно, чего было ожидать от Бандеры, Мельника, Шухевича, если их наставник, заместитель начальника «Абвера-2» полковник Штольце, которого трудно заподозрить в обиде или ненависти к своим наиболее удавшимся «ученикам», во время допроса в Международном военном трибунале о связях лидеров ОУН с фашистской разведкой рассказал: «В марте 1941 года, выполняя указания своего руководства, лично отдал приказ руководителям украинских националистов, германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении Советского Союза».

Далее Штольце дает характеристику главарию ОУН: «Бандера по характеру — энергичный, карьерист, фанатик и бандит»¹⁰.

Именно такие и требовались гитлеровским спецслужбам: грязные дела в белых перчатках не делаются.

Второй мощный удар по Красной армии гитлеровские спецслужбы планировали нанести с помощью прибалтийских националистов в Литве и Латвии. Тот же Штольце в показаниях Международному военному трибуналу поведал: «Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в прибалтийских советских республиках. Например, германской агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а германские дивер-

сионные группы, предназначенные для Литвы, должны были захватить мосты через реку Западная Двина. Все захваченные таким образом не разрушенные противником стратегические объекты должны были удерживаться нашими диверсионными группами до подхода регулярных германских войск»¹¹.

О размахе диверсионно-повстанческой деятельности гитлеровских спецслужб в Прибалтике накануне войны красноречиво свидетельствует отчет НКГБ Литовской ССР от 14 мая 1941 года. Так, органами государственной безопасности Литовской ССР за период с июля 1940 года по 14 мая 1941 года было «...вскрыто и ликвидировано 75 нелегальных антисоветских организаций и групп, созданных литовскими националистами, которые ставили своей задачей подготовку вооруженных антисоветских выступлений к моменту возникновения войны между Германией и СССР». Координатором этой деятельности выступал «Фронт литовских активистов», созданный «...в начале 1941 года литовскими буржуазными националистами по заданию германской разведки. «Фронт» ставил перед собой задачу восстановления в союзе с Германией «независимого» литовского фашистского государства, и в этих целях организовывал по всей Литве повстанческие банды, именовавшие себя партизанами»¹².

Эти и многие другие разведывательные данные, поступавшие из берлинской, лондонской, швейцарской и токийской резидентур НКВД, не оставляли сомнений в близкой войне с фашистской Германией. Большинство из них было известно Сталину, и он, как опытный политик, видимо, не строил иллюзий на этот счет. О неизбежности войны с фашистской Германией он говорил еще 21 мая 1937 г. на закрытом совещании руководства наркоматов НКВД и обороны: «Необходимо полностью учесть урок сотрудничества с немцами, Рапполо¹³, тесные взаимоотношения создают иллюзию дружбы. Немцы же, оставаясь нашими врагами, лезли к нам и насадили свою сеть»¹⁴.

Однако в мае — июне 1941 г. Сталин продолжал упорно верить, что провидение отпустило ему еще полгода до

решающей схватки с фашизмом. В этом его убеждала тонко сработанная специалистами гитлеровских спецслужб дезинформация, которая умело доводилась по различным каналам: разведывательным, дипломатическим и иным. В определенной степени этому способствовали и существенные противоречия в разведсводках, поступавших к нему из НКВД и Разведывательного управления (РУ) Генштаба Красной армии, по срокам нападения, силам и средствам, сосредоточенным вермахтом вдоль границ с Советским Союзом. Сталин, видимо, все еще надеялся, что два «капиталистических хищника» вцепятся смертельной хваткой друг в друга.

Но стойкость британцев и ее лидера, премьера У. Черчилля, не позволили «Морскому льву» (кодовое название военной операции вермахта) перепрыгнуть пролив Ла-Манш. Позже, в августе 1942 года, Сталин при встрече с Черчиллем признался в этих своих заблуждениях. Тот так вспоминал о том разговоре: «В беседе со мной Сталин заметил: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»¹⁵.

Роковые иллюзии вождя дорого обошлись советскому народу. 22 июня 1941 года хрупкую предрассветную тишину на западной границе СССР взорвали залпы десятков тысяч орудий. Полностью мобилизованная и вооруженная до зубов гитлеровская армада в считанные часы смяла оборону дезорганизованных бригад, дивизий и целых корпусов Красной армии. Удар фашистских войск оказался настолько силен, а наступление столь стремительно, что уже на шестые сутки после начала войны танки генерала Гудериана грохотали гусеницами по центральной площади столицы советской Белоруссии — Минска.

Не последнюю роль в этом первом успехе вермахта сыграли разведывательно-диверсионные подразделения абвера, прежде всего полк специального назначения «Брандербург-800». Наряду с ним при основных военных группировках действовали четыре оперативные группы (айнзатцгруппен) А, В, С и D. Структурно в них входили особые команды (зондеркомандо)

и оперативные команды (айнзатцкомандо). Численность оперативной группы составляла 600–700 человек начальствующего и рядового состава. Для большей мобильности ее подразделения зондеркомандо и айнзатцкомандо обеспечивались передвижными и переносными средствами связи, легковыми, грузовыми, специальными автомобилями, мотоциклами, в том числе и советского производства. В своем составе они насчитывали 10–20 офицеров, 40–60 унтер-офицеров и 60–80 рядовых.

Помимо этих элитных спецподразделений, на западной границе с СССР были сосредоточены многочисленные диверсионные отряды, сформированные из числа украинских, белорусских, прибалтийских националистов и белоэмигрантов. Большинство их участников прошло обкатку в составе боевок — спецподразделений службы безопасности националистических подпольных организаций, действовавших в западных областях Украины, Белоруссии и республиках Прибалтики.

Перед полком «Бранденбург-800», оперативными группами и бандами националистов руководством Абвера были поставлены первоочередные задачи:

«В зоне боевых действий и ближнем тылу противника захватывать и обыскивать служебные здания и помещения партийных и советских органов, НКВД, воинских штабов и ведомств, всех других учреждений и организаций, где могли храниться важные оперативные или секретные документы, архивы, картотеки и тому подобные материалы.

Осуществлять диверсии на транспортных коммуникациях, выводить из строя линии связи, проводить террористические акции против командиров, политработников Красной армии, сотрудников НКВД и партийных функционеров.

Производить розыск и физическое уничтожение оставшихся в тылу сотрудников НКВД, партийных функционеров и их агентов».

Вооруженные самым современным оружием и имевшие за плечами большой опыт проведения спецопераций в Югославии, Греции, эти ударные разведывательно-диверсионные фор-

мирования гитлеровских спецслужб достаточно эффективно решали поставленные перед ними задачи. Мобильные, хорошо организованные и четко координировавшие свои действия с наступающими частями вермахта, они вовремя оказывались в нужном месте и в нужный час. Пользуясь неразберихой и растерянностью, царившими в рядах советских войск, диверсанты вели себя дерзко и решительно: взрывали и разрушали транспортные коммуникации, безжалостно уничтожали командный состав частей Красной армии и сеяли панику в ее рядах. Уже в первый день войны им и авиации удалось вывести из строя основные каналы и пункты связи в приграничной полосе и передовом эшелоне обороны. В результате был парализован основной нерв любой армии — система боевого управления войсками.

Все это в полной мере испытала на себе отечественная военная контрразведка. Обескровленная репрессиями 1937–1938 годов, она вступила, в, казалось бы, безнадежную схватку с могущественными спецслужбами Германии. К чести военных контрразведчиков ни один человек не перешел на сторону врага. Они предпочли смерть позорному плену. Пережив вместе с армией лихолетье первых месяцев сорок первого года, военная контрразведка быстро восстановила свою боеспособность и перешла в контрнаступление. К моменту образования Смерша она на равных вела борьбу с абвером и «Цеппелином». Впереди ее ждали новые испытания и заслуженная слава.

Слово и дело

«Борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной армии...» — эта задача постоянно находилась в центре внимания органов военной контрразведки. Особую остроту она приобрела летом — осенью 1941 года. «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед...», как пелось в песне тех лет, Красная армия, которая по заверениям партийных вождей должна была бить противника на чужой территории, терпела одно поражение за другим на собственной земле. Это стало страшным потрясением для советского руководства и многострадального русского народа.

Вдвойне испытали его сотни тысяч бойцов и командиров Красной армии, оказавшихся в окружении. Одни, раздавленные этой, казалось, несокрушимой мощью германской военной машины, теряли волю к сопротивлению и сдавались в плен, другие — сражались до последнего патрона, который оставляли для себя, третьи — наперекор всему упорно пробивались на восток для соединения с регулярной армией.

В те роковые месяцы лета 1941 года казалось, что катастрофа СССР неизбежна. Какая еще страна, потеряв за три месяца почти половину своей армии, многие индустриальные центры и территорию, где проживало около 40 % населения, могла выстоять? Только та, что сильна своим несгибаемым духом.

То, что произошло 5 декабря 1941 года, для тех, кто не знал русского человека, могло показаться чудом. Обескровленная, прижатая к Москве Красная армия перешла в контрнаступление, нанесла вермахту первое серьезное поражение и положила конец мифу о его непобедимости. Затем последовали победы

под Сталинградом и на Северном Кавказе. Но весной 1943 года чаши весов в войне на Восточном фронте вновь на время застыли. Противники готовились к решающей схватке — Курскому сражению.

Под Белгородом и Курском гитлеровское руководство надеялось взять реванш за унижительное поражение под Сталинградом и вернуть себе утраченную стратегическую инициативу. Лучшие силы вермахта были сосредоточены на этом участке фронта. Их основу составляло самое современное на то время оружие — танки «Тигр» и «Пантера», броня которых, по замыслу конструкторов, должна была выдержать удары мощных советских снарядов, а также тяжелые самоходные штурмовые орудия «Фердинанд», обладавшие огромной разрушительной силой.

Но исход сражения под Курском и Орлом, как показал последующий его ход, зависел не столько от состояния боевой техники, сколько от силы духа людей. Их стойкость и мужество становились решающими слагаемыми будущей победы. Это прекрасно понимали обе стороны, и потому развернули массированную информационную атаку, призывая солдат и офицеров к сдаче в плен.

Накануне и в первые дни боев на позиции Брянского, Центрального и Воронежского фронтов сыпались не только бомбы, но и тонны листовок и других агитационных материалов. В листовке «Правда о военнопленных в германском плену» и брошюре «Для них уже кончилась война» содержались примеры о якобы хорошем обращении с советскими военнопленными, и призывы к солдатам и офицерам Красной армии переходить на сторону немецкого командования.

В другом пасквиле, обращении так называемого «Русского комитета», его вожди — предатели Власов и Малышкин — с голоса своих гитлеровских хозяев пели «о необходимости участия русского народа в единой семье народов «новой Европы», обещая ему сохранение «жизненного пространства и национальной индивидуальности». О том, что это за «семья»

и в чем заключается «национальная индивидуальность» русского народа, он узнал, когда открылась страшная правда гитлеровских концлагерей.

Это стало известно позже, а тогда, в летние месяцы 1943 года, советские командиры и контрразведчики хорошо понимали: в сражении победит тот, у кого нервы окажутся более крепкими. Те из них, кто пережил трагедию лета сорок первого года, когда паника превращала полки и дивизии Красной армии в обезумевшие, неуправляемые толпы, сдававшиеся на милость врага, делали все возможное и невозможное, чтобы не повторить трагического прошлого. А его угроза в первые дни гитлеровского наступления под Курском и Орлом была более чем вероятно.

Ранним утром 5 июля 1943 года казалось, что небо обрушилось на землю, и в огненном смерче из огня и свинца, неистовавшем на передовых позициях, не могло уцелеть ничего живого. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, гитлеровцы яростно атаковали, и все глубже вгрызался в глубокошелонируемую оборону советских войск.

«Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение на Курской дуге. В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31 «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 километрах. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникала страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки», — вспоминал маршал Советского Союза Г. К. Жуков о нанесении упреждающего удара по немецким войскам, изготовившимся к броску на наши позиции¹⁶.

И если человек с железными нервами, Георгий Константинович, был так потрясен всем увиденным и услышанным, то

чего говорить о психике людей, состоящих из плоти и крови и находившихся в эпицентре земного ада.

Ответный удар вермахта не уступал по своей силе. А когда закончилась артподготовка, на позиции советских войск двинулась бронированная армада «тигров» и «пантер». Отдельные командиры и красноармейцы дрогнули: одни в панике бежали с поля боя, другие сдавались в плен. Об этом бесстрастно свидетельствовали доклады органов Смерша с мест боев.

В справке «О реагировании отдельных частей 13-й армии на прорыв немецких войск», подготовленной старшим оперуполномоченным контрразведывательного отдела капитаном Заичевым для начальника ГУКР Смерш НКО СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга В. Абакумов, отмечалось:

«Во время боевых действий, начавшихся на участке 13 армии 5 июля 1943 г., 15-я стрелковая дивизия армии оказалось малоустойчивой, при этом 47-й и 321-й сп дивизии не оказали должного сопротивления противнику. Без приказа командования оставлены занимаемые рубежи, и только после принятых мер заградслужбой и командованием полков личный состав был собран...

Низкую боеспособность показал 47-й сп. Второй батальон этого полка во главе с командиром батальона Ракитинским самостоятельно оставил свой рубеж, другие батальоны, поддавшись панике, также оставили рубежи.

321-й сп, находившийся во втором эшелоне, через боевые порядки которого отступали подразделения 47-го сп, вместо ликвидации образовавшейся брешки также оставил свой рубеж без приказа командования.

Командиры 47-го сп — подполковник Карташов и 321-го сп — подполковник Волошенко растерялись и, потеряв боевое управление батальонами, должных мер к восстановлению порядка не приняли...

Командир 203-го сп майор Гацук в начале боя первым оставил КП и действиями полка не интересовался, впоследствии, взяв с собой телефонистку Ганиеву, уехал в тыл полка, где пьянствовал, и в полк вернулся только 7.07.1943 г.».

Такие тревожные сообщения поступали в ГУКР Смерш НКО СССР и с других участков Брянского, Центрального и Воронежского фронтов. Устрашающая тень паники поднималась над позициями частей Красной армии. И чтобы ее остановить, заградотрядам и спецгруппам Смерша приходилось приводить в чувство потерявших от страха голову бойцов и командиров. Бытующее ошибочное мнение о том, что большинство военнослужащих, покидавших поле боя, якобы подвергались аресту или расстреливались, не соответствует действительности. Документы из архива ФСБ России, опубликованные в открытой печати («Смерш», «Лубянка в дни битвы за Москву», «Огненная дуга» и др.), опровергают эти измышления.

Людям военным, прошедшим испытание войной, объяснят не надо, что более опасного оружия, чем паника и измена, не существует. Они, подобно чуме, в считанные часы превращают батальоны, полки, а в первые месяцы 1941 года — целые бригады и дивизии, в неуправляемую толпу. Ослепление стадным страхом, даже трезвые головы теряли разум. В таких случаях, чтобы сохранить жизни тысячам людей и удержать фронт, приходилось забирать ее у десятков. К сожалению, такова была, есть и будет жестокая логика любой войны.

В критические июльские дни Курского сражения, когда под устрашающей мощью вермахта некоторые охваченные ужасом командиры и красноармейцы бросали свои позиции, сотрудники Смерша вынуждены были таким способом приводить их в чувство и организовывать оборону. При этом каких-либо массовых, с применением пулеметов, расстрелов отступающих не производилось. Подтверждением тому являются докладные и спецсообщения органов военной контрразведки.

12 июля 1943 года при докладе в ГУКР Смерш НКО СССР начальник УКР Смерш Воронежского фронта генерал Н. Осетров в спецсообщении «О работе контрразведывательных подразделений фронта с 5 по 10 июля 1943 г.» сообщал:

«В ходе боевых действий наших частей отделы контрразведки НКО Смерш с помощью подразделений заградительной

службы за период с 5 по 10 июля с. г. задержали 1870 человек военнослужащих.

Большинство из них в ходе маневренных действий теряли связь со своими подразделениями и возвращены в строй, однако в процессе фильтрации их выявлено и арестовано: дезертиров — 6 человек, членовредителей — 19 человек, трусов и паникеров, бежавших с поля боя, — 49 человек.».

Всего 74 человека из 1870, и только шесть понесли суровое наказание — их расстреляли перед строем, на остальных материалы расследования контрразведчики передали в военные трибуналы.

Борясь с паникерами и трусами, сотрудники Смерша ни на минуту не ослабляли работы на таком важнейшем участке, как противодействие измене Родине. Она представляла наибольшую угрозу для боевой готовности частей и подразделений; даже отдельные случаи перехода красноармейцев на сторону врага наносили двойной ущерб их боеспособности. Они оказывали негативное влияние на морально-психологическое состояние бойцов и командиров — подрывали их веру в собственные силы. Одновременно изменники служили для гитлеровцев ценнейшим источником информации о реальном состоянии противостоящих им советских войск.

Особое значение эта работа органов Смерша приобрела накануне и в период проведения оборонительных и наступательных операций и, в частности, Курского сражения. Наглядное представление о ней дает докладная записка отдела контрразведки Смерша 63-й армии начальнику Управления контрразведки Смерш Брянского фронта генералу Н. Железникову «О работе органов Смерш армии в период подготовки и начала наступательных операций с 9 по 18 июля 1941 г.».

В ней полковник А. Михайлов докладывал:

«Перед началом наступательных боевых операций в период с 9 по 18 июля 1941 г. на переднем крае обороны 63-й армии проходила перегруппировка войск: 5-я стрелковая дивизия была отведена во 2-й эшелон, 129-я стрелковая дивизия заняла уча-

сток обороны 5-й сд, 250-я и 348-я стрелковые дивизии заняли оборону в боевых порядках армии. Кроме того, к линии фронта были подтянуты отдельные полки различного рода войск.

Этот период мог быть использован изменниками для осуществления своих намерений — перейти к противнику.

В целях предотвращения фактов измены Родине, с тем чтобы противник не мог разгадать характер и цель перегруппировки наших войск, КРО Смерш были проведены следующие мероприятия:

1. Весь подучетный элемент, проходящий по делам как изменники, при наличии достаточных материалов был подвергнут аресту.

2. Отдельные подучетники, на которых не было достаточных материалов для ареста, были отведены из стрелковых подразделений в тыловые и частично направлены в 228-й запасной стрелковый полк. Все лица, отведенные из стрелковых подразделений в тыловые, а также и направленные в 228-й запасной стрелковый полк, намечались в последующем использовать в самый разгар боя.

3. На переднем крае батальонов, расположенных в обороне, в ночь на 12 июля 1943 г. были выставлены парные секреты из бойцов взводов отделов контрразведки корпусов и дивизий.

На секреты возлагалась задача не пропустить ни одного человека к противнику, не останавливаясь перед применением оружия.

Вуказанный период по дивизиям было арестовано и отведено из стрелковых подразделений следующее количество подучетного элемента.

Арестовано по изменникам: 37. Отведено в тыловые подразделения и частью направлено в 228-й сп: 186.

В результате проведенных мероприятий в период перегруппировки войск не было ни одного случая измены Родине.».

Основанием для ареста или отвода в тыловые подразделения так называемого подучетного элемента служили агентурные данные, материалы перлюстрации корреспонденции бойцов

и командиров Красной армии, в которых они высказывали изменнические суждения, а также сообщения должностных и других лиц, указывающие на подготовку к переходу на сторону противника отдельных нестойких красноармейцев.

Ведущая роль в борьбе с изменниками принадлежала негласному аппарату органов Смерша: осведомителям, агентам и резидентам. С их помощью контрразведчиками проводилась постоянная предупредительно-профилактическая работа: выявлялись и оперативно разрабатывались лица, допускавшие упаднические, изменнические высказывания. При подтверждении первичных оперативных материалов через командование части они отводились в тыловые подразделения, где продолжалась их углубленная проверка.

О высокой эффективности предупредительно-профилактической работы свидетельствует докладная записка помощника начальника ГУКР Смерш НКО СССР полковника В. Ширманова, совершавшего инспекционную поездку по частям Центрального фронта в наиболее кульминационный период Курского сражения.

Он докладывал:

*«Совершенно секретно.
Начальнику ГУКР Смерш НКО СССР
комиссару госбезопасности 2-го ранга
В. Абакумову*

Согласно Вашему распоряжению мною и ст. оперуполномоченным отделения Главного управления Смерш капитаном Зайцевым за время пребывания в отделах Смерш 13 и 70 армий и им подчиненным органам контрразведки корпусов, дивизий и бригад с 12 по 30 июля с. г. проделана следующая работа:

а) Проверено состояние агентурно-оперативной работы в отделах контрразведки Смерш (перечисляются 75, 5, 6, 70, 3-я сд, 17-й ск, 9-й тк, ряд других частей, находящихся на линии фронта. — Авт.) в разрезе лично полученных от Вас указаний и Вашей директивы за № 34723 от 18 июля с. г.».

Далее в докладной записке Ширманов отчитывается по другим задачам, которые ставил ему Абакумов, и приводит обобщенные данные о результатах работы органов Смерша Центрального фронта:

«С 1 по 28 июля с. г. на Центральном фронте (по неполным данным) органами Смерш арестовано 517 человек, из них:

<i>шпионов.....</i>	<i>29</i>
<i>диверсантов.....</i>	<i>3</i>
<i>террористов.....</i>	<i>6</i>
<i>изменников Родине.....</i>	<i>56</i>
<i>за изменнические настроения.....</i>	<i>80</i>
<i>дезертиров.....</i>	<i>78</i>
<i>членовредителей.....</i>	<i>102</i>
<i>трусов и паникеров.....</i>	<i>20</i>
<i>антисоветского элемента.....</i>	<i>114</i>
<i>участников к[онтр]р[еволюционных] организаций....</i>	<i>2</i>
<i>и групп за бандитизм.....</i>	<i>1</i>
<i>пособников оккупантов.....</i>	<i>6</i>
<i>за другие преступления.....</i>	<i>20</i>
<i>Итого:.....</i>	<i>517</i>

За это же период осуждено 384 человека, из них к ВМН — 65, в том числе повешено 4 человека...».

И далее:

«Одной из положительных черт в работе органов Смерша 13-й и 70-й армий в период оборонительных и наступательных действий наших частей следует отметить профилактическую работу, проведенную органами контрразведки по линии борьбы с изменой Родине.

В результате своевременного ареста и отвода в тыл лиц с изменническими намерениями с 5 по 31 июля с. г., т. е. начала боевых действий, не отмечено случаев перехода на сторону противника военнослужащих».

В целом положительно оценивая работу руководства и оперативного состава Управления Смерш Центрального фронта в

борьбе с изменой Родине, Ширманов отдавал должное в первую очередь их главному «оружию»: осведомителям, агентам и резидента. Они, находившиеся в боевых порядках, являлись глазами и ушами контрразведчиков. Их своевременная информация позволяла предотвращать уход изменников на сторону противника.

Но эти результаты были бы невозможны без профессиональной подготовки негласного аппарата органов Смерша. Те, кто вынашивал изменнические намерения, отдавали себе отчет, чем им грозило разоблачение, и всячески маскировали свои действия. Одним инструктажем осведомителя, агента или резидента, который бы сводился к примитивному «нюхай-нюхай, слухай-слухай», предателя не выявить, а тем более не вывести на чистую воду. Поэтому в ходе явок с негласными помощниками оперативные сотрудники самое серьезное внимание уделяли их патриотическому воспитанию и обучению контрразведывательным навыкам.

За два года войны органы военной контрразведки накопили достаточный опыт в выявлении и пресечений действий изменников. Он был обобщен и затем изложен в специальных методических указаниях, ориентировках и памятках. В них содержался подробный перечень признаков в поведении лица, склонного к изменническим проявлениям: наличие судимости в прошлом по так называемым антисоветским статьям; хранение гитлеровских листовок, содержащих предложения по переходу на свою сторону; высказывание негативных суждений о боеспособности Красной армии; восхваление германской военной мощи и т. д. Эти методички и памятки широко использовались оперативными сотрудниками во время явок с негласным аппаратом для их инструктажа и обучения.

Вопросы обучения и профессиональной подготовки агентов и резидентов занимали центральное место в работе оперативного состава и находились на постоянном контроле у руководителей органов Смерша. Подтверждением тому является докладная записка начальника Управления Смерш

Центрального фронта генерала А. Вадиса от 11 сентября 1943 г., направленная Абакумову. В ней на первые позиции вынесен именно этот вопрос.

*«Совершенно секретно.
Начальнику ГУКР Смерш НКО СССР
комиссару госбезопасности 2-го ранга
В. Абакумову*

*Об агентурно-оперативной работе органов Смерш
за август 1943 г.*

В отчетном месяце агентурно-оперативная работа органов Смерш соединений и частей фронта проводилась в условиях более сложных, чем в предыдущие месяцы, так как успешно наступающие войска по всему фронту часто переходили из одной армии в другую, а некоторые армии перебрасывались с одного участка фронта на другой...

В результате систематической работы и правильного воспитания агентуры оперативным составом со стороны последней отмечено много случаев проявления высокого патриотизма в боях. На поле боя агентура решительно и инициативно действует по пресечению паникерства, бегства с поля боя и измены Родине.

22 августа 1943 г. в бою пытался перейти на сторону немцев красноармеец 137-й сд Гладышев. Резидент того подразделения расстрелял изменника.

Во время боя за населенный пункт Самодуровка рота автоматчиков 209-го стрелкового полка 19-го стрелкового корпуса оставила занимаемый рубеж и начала беспорядочно отходить. Резидент «Валентинов» — старшина другой роты того же полка, видя это, под ураганным огнем противника бросился навстречу бегущим с поля боя, приостановил бегство роты, восстановил порядок и повел эту роту в бой. Рота отбила контратаку противника и вернула утраченный рубеж.

В боях за дер. Философоново Орловской области резидент роты 391-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии «Ку-

дашев» — командир взвода и осведомитель из его резидентуры «Мендыбаев» с небольшой группой бойцов ворвались в сильно укрепленный узел противника. Противник предпринял на этом участке наступление, обошел этот узел, и они остались в тылу. Указанная группа бойцов под руководством «Кудашева» и «Мендыбаева» в течение двух суток отбивалась от немцев. Немцы несколько раз предлагали окруженной группе сдаться и после каждого отказа штурмовали этот узел сопротивления, но безуспешно. Группа продержалась до прихода наших частей. «Кудашев» представлен к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза, «Мендыбаев» награжден орденом Красного Знамени».

Эти подвиги негласных помощников во многом определялись их характерами и мировоззрением. Значительную роль в его формировании играл сам акт сотрудничества с органами госбезопасности и систематическое общение с сотрудниками контрразведки. В глазах большинства бойцов и командиров они выступали наиболее верными охранителями социалистического государства и его идейно-политических ценностей.

Сам процесс привлечения красноармейцев и офицеров к сотрудничеству в качестве осведомителей, агентов и резидентов, их последующее обучение контрразведывательным навыкам в боевых условиях, где каждый человек находился на виду, организовать было непросто. Оперативным сотрудникам приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы провести явку с негласным помощником и при этом не допустить его расшифровки не только перед шпионами, изменниками, но и сослуживцами.

Разведка и контрразведка только тогда эффективна, когда ее действия остаются в тайне. Все это требовало от сотрудников Смерша колоссального напряжения сил и высочайшего профессионализма. С учетом того, что на одного оперативного работника приходилось не менее полусотни негласных помощников, он вынужден был спать по несколько часов в сутки и большую часть времени проводить на передовой в постоянном

общении с военнослужащими, чтобы своевременно получать оперативную информацию об обстановке в подразделениях и настроении личного состава. Одновременно ему приходилось решать массу других вопросов: проводить опросы военнопленных, расследовать факты дезертирства, членовредительства, нарушений в секретном управлении войсками, разбираться со случаями разгильдяйства отдельных должностных лиц, по вине которых несвоевременно поставлялись боеприпасы, пища, медикаменты и т. д.

«Все это надо было решать не в кабинетных условиях, а в боевой обстановке, в окопах и землянках, в лесных и других укрытиях, разрабатывать правдоподобные легенды, сохранять конспирацию и в то же время нести равный груз ответственности за решение конкретных боевых задач.

От оперативного работника требовались не только профессиональные качества командира-единоначальника, но и, прежде всего — постоянная аналитическая работа по поиску надежных негласных помощников и методов установления доверительных отношений, изысканию способов обеспечения необходимой конспирации. Этот, далеко не полный, объем работы требовал документального оформления, отчетности, в том числе и по вопросам боевых действий.

Таковыми мы были в те далекие времена. Немало было и ошибок, так как многое приходилось решать впервые, к тому же в сложной боевой обстановке. На ошибках учились, жили с постоянным стремлением совершенствовать свою работу в пределах законности и нравственности.

Контроль за работой оперативного состава был требовательным, с повышенной персональной ответственностью», — вспоминал ветеран Смерша И. Устинов¹⁷.

«Ты — за все в ответе» — крылатая фраза, распространенная среди контрразведчиков, как нельзя точно отражает его роль в воинском коллективе. Но, в первую очередь, он отвечал за работу с негласным аппаратом. В любое время дня и ночи, в любых условиях обстановки по ее сигналу ему надлежало

прибыть на явку. Так же поступали осведомители, агенты и резиденты. Их отношения с оперативным работником представляли собой особое, скрепленное духовным родством и взаимным доверием боевое братство.

На передовой, перед лицом смерти все они — рядовые, командиры и контрразведчики — были равны. Там имели значение дела и поступки. И потому подавляющее число бойцов и командиров шло на сотрудничество не из-за пресловутого страха перед органами, а, прежде всего, руководствовалось высоким чувством патриотизма и уважением к конкретному сотруднику военной контрразведки. Подавляющее их число до перехода в Смерш было им хорошо знакомо по совместной армейской службе. Вчерашние командиры стрелковых взводов, рот, экипажей танков, самолетов, проявившие себя в боях с лучшей стороны, являлись основным резервом пополнения органов военной контрразведки. Они — бывшие командиры Красной армии — оставались ее верными и надежными бойцами, но уже на другом, не менее ответственном участке фронта. Они по-прежнему, словом и делом, помогали своими бывшими сослуживцами выстоять в борьбе с врагом и победить его. И когда наступали критические минуты боя, контрразведчики вместе с ними занимали один окоп и в одном строю поднимались в атаку.

«Оперативный состав в период боевых действий в 13-й и 70-й армий показал себя безукоризненно преданным своему делу и долгу Родине. Были случаи, когда отдельные оперативные работники из-за выхода из строя командиров в критический момент принимали на себя командование подразделениями и выполняли поставленные задачи», — отмечал в своей докладной записке Абакумову полковник Ширманов.

Многие контрразведчики удостоились высоких правительственных наград за мужество, проявленное на поле боя, трое из них стали Героями Советского Союза.

6 ноября 1943 года оперуполномоченный ОКР Смерш 71-й механизированной бригады старший лейтенант П. Жид-

ков в составе 3-го мотострелкового батальона в числе первых форсировал Днепр, в дальнейшем при штурме населенного пункта Хотов гранатами забросал огневую точку противника и поднял в атаку бойцов батальона. Тот бой для контрразведчика стал последним.

10 января 1944 года Петру Анфимовичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Исполнилось ему 39 лет.

14 января 1945 года оперуполномоченный ОКР Смерш 374-й отдельной армейской штрафной роты лейтенант Г. Кравцов, находясь в боевых порядках, после ранения командира роты принял на себя командование. Восстановив порядок, он повел роту в атаку. В ходе штурма позиций противника Григорий получил два ранения, но не вышел из боя и продолжал им руководить, пока не погиб от прямого попадания снаряда. Ранее, 9 октября 1944 года, Кравцов в составе передовой группы ворвался во вражескую траншею, вступил в рукопашную и уничтожил шесть фашистов.

6 апреля 1945 года Григорию Михайловичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Исполнилось ему 23 года.

13 августа 1945 года оперуполномоченный ОКР Смерш островного сектора береговой обороны Владивостокского морского оборонительного района лейтенант М. Крыгин в составе группы автоматчиков высадился в порту Сейсина и вступил в бой с японцами. После гибели командира десантников он принял командование на себя. Противник быстро опомнился и принялся атаковать. Силы оказались неравны. Михаил приказал десанникам возвращаться к катерам, а сам с небольшой группой остался прикрывать отход. Неравный бой длился около суток. Горстка советских бойцов выдержала двенадцать атак. Все они погибли. 15 августа после разгрома японцев было обнаружено исколотое штыками и изрезанное ножами тело отважного контрразведчика.

14 сентября 1945 года Михаилу Петровичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Исполнилось ему 27 лет.

Ранее, осенью 1941 года, будущий руководитель военной контрразведки СССР старший лейтенант И. Устинов, в июне начавший службу в органах государственной безопасности, находился в районе станции Кардымово Смоленской области и проводил допросы трех пленных немецких офицеров. В это время гитлеровцы начали наступление; часть попала в окружение, боевое управление было потеряно, и строй превратился в неуправляемую толпу.

«На поле царил ад. Над ним с воем носились на низких высотах самолеты противника. Они сбрасывали бомбы, непрерывно строчили из пулеметов по обезумевшим людям, разбрасывали листовки с призывом о сдаче в плен, которые падали на трупы погибших, стонущих раненых и обезумевших людей.

Попытки организовать огонь по самолетам из стрелкового оружия встречались враждебно, даже с угрозой расправы. Самое страшное в подобных условиях — всеобщая паника, она непредсказуема; каких-либо осмысленных действий не жди.

Наконец удалось сформировать группу военнослужащих из 10–15 человек и попытаться прорваться из окружения в сторону лесистой местности»¹⁸, — писал И. Устинов.

Спустя несколько недель под Вязьмой Устинов вновь оказался в окружении. Попытки разрозненных частей Красной армии пробиться к своим потерпели неудачу. Управление подразделениями было дезорганизовано, часть личного состава поддавалась панике, а некоторые, как вспоминал Иван Лаврентьевич, «...и не скрывали, что готовы побежать к противнику, до которого было не более 500–800 метров»¹⁹.

В этой критической ситуации старший лейтенант-контрразведчик взял командование на себя: «Я громко объявил, что являюсь представителем военной контрразведки, и потребовал прекратить панику, а тех, кто попытается сдаться в плен, рас-

стреляю на месте. Мое «пламенное выступление» возымело действие. Удалось объединить вокруг себя довольно значительную группу лиц, готовых пойти на прорыв окружения...

В это время подошла еще одна группа военнослужащих... Один из прибывших заявил, что он — бригадный комиссар Николай Алексеевич Лебедев...

Мы решили — из оставшихся военнослужащих сформировать отряд... наиболее боеспособных назначить на командные должности и с наступлением темноты начать прорыв.

Бригадный комиссар Н. А. Лебедев, как старший по званию, объявил себя командиром отряда. Меня, старшего лейтенанта военной контрразведки, назначил своим первым заместителем и начальником штаба, и приказал провести все организационные мероприятия по подготовке к прорыву»²⁰.

Но радость встречи оказалась не долгой. В тот же день измотанных бойцов бросили на защиту деревни Бородино. И какие же слова понадобились Ивану Лаврентьевичу, чтобы снова поднять на ноги людей и занять места в промерзших окопах.

«Даже сейчас, спустя много лет, приходится удивляться, как в то время удалось всю эту массу ослабевших и озлобленных людей вновь вывести на холод из тепла и почти домашнего уюта, поставить в воинский строй и заставить двигаться дальше к неведомой цели»²¹, — писал И. Л. Устинов о тех тяжелых днях.

Так же решительно, как Иван Лаврентьевич, действовали не только рядовые сотрудники контрразведки, находившиеся на передовой, а и руководители. Там же, под Смоленском, в районе Соловьевской переправы через Днепр, был настоящий ад. Спасаясь от гитлеровцев, беженцы и бойцы 16-й армии стремились прорваться на левый берег реки. Комендатура потеряла контроль над движением, и перед мостом возникла гигантская пробка. В этот момент к переправе подъехал начальник отдела военной контрразведки 16-й армии полковник В. Шилин. В архивных материалах армии говорится: «Он незамедлительно решительными действиями приостановил неразбериху, организовал оборону, создал условия для уничто-

жения прорвавшихся сил наступающего противника, обеспечил восстановление необходимой переправы»²².

Так командование 16-й армии оценило действия Василия Степановича. До победы он не дожил несколько месяцев. Зимой 1945 года, будучи уже заместителем начальника Управления Смерш 3-го Белорусского фронта, генерал-майор Шилин погиб во время боев в Восточной Пруссии.

И таких примеров самоотверженных действий сотрудников Смерша насчитывалось сотни.

Во время боев под Москвой военные контрразведчики потеряли убитыми около четверти личного состава — свыше 100 человек. В начальный период Курского сражения с 5 по 8 июля их потери были сопоставимы с потерями в армейских подразделениях.

9 июля 1943 года начальник УКР Смерш Воронежского фронта генерал Осетров в спецсообщении Абакумову скупно писал:

«Во время боевых операций попали в окружение с подразделениями оперуполномоченные 229-го сп Жуков и Цикое.

Не установлено место нахождения оперуполномоченных 224-го сп Гаврилович и Сотникова».

Потери Смерша по 63-й армии, по докладу начальника отдела полковник А. Михайлов, составили:

«5-я стрелковая дивизия

1. Никулин, старший лейтенант, оперуполномоченный — ранен.

287-я стрелковая дивизия

2. Оперуполномоченный, старший лейтенант Зинченко — ранен.

3. Цыдыбон, оперуполномоченный, лейтенант — ранен.

129-я стрелковая дивизия

4. Старший оперуполномоченный, капитан Лягин — ранен.

28 зад

5. Следователь, лейтенант Федоров — ранен.

6. Оперуполномоченный, младший лейтенант Абитов — убит».

Не меньшие потери несли и другие отделы и управления Смерш Брянского, Воронежского и Центрального фронтов. Но кропотливый труд контрразведчиков с негласными помощниками не пропал даром: они, осведомители, агенты и резиденты, оставшись без связи со своим кураторами, продолжали выполнять их задания и обеспечивали боеспособность частей Красной армии.

До недавнего времени мало, что говорилось об этой важной роли агентуры военной контрразведки и ее вкладе в успех операций. Нет и, наверно, не найдется таких весов, на которых можно определить вес «тихого подвига» осведомителей, агентов и резидентов. Сегодня становятся известны их псевдонимы, но вряд ли когда будут названы имена. Правило любой спецслужбы — хранить тайну сотрудничества вечно. Главным же остается то, что благодаря самоотверженной работе контрразведчиков и их негласных помощников удалось сохранить жизни многих бойцов и командиров Красной армии, обезвредить тысячи шпионов, предателей, а также снять клеймо изменника с тех, на кого пало тяжелое подозрение.

Они, осведомители, агенты и резиденты, когда наступал критический момент, решительно пресекали попытки перехода на сторону врага изменников и малодушных, останавливали панику в своих подразделениях, а в тех случаях, когда объёты ужасом командиры бросали подчиненных и бежали в тыл, принимали на себя руководство боем.

Десятки подобных примеров содержатся в докладах и спецсообщениях руководителей органов Смерша.

13 августа 1943 года начальник УКР Смерш Центрального фронта генерал А. Вадис в докладной записке «Об итогах агентурно-оперативной работы органов Смерш фронта за июль 1943 г.», адресованной Абакумову, сообщал о героическом поведении агентуры:

«Агентурно-оперативная работа органов Смерш, входящих в состав Центрального фронта, в июле месяце в отличие от июня месяца в основном проходила в боевой обстановке, в связи с чем и

была направлена главным образом на своевременное выявление и пресечение практической вражеской деятельности со стороны подучетного и враждебного элемента, с учетом обеспечения в частях фронта стойкости оборонительных, а затем наступательных боев...

Активность и работоспособность агентурного аппарата в июле месяце характеризуется также фактами массового проявления героизма в боях со стороны нашей агентуры, инициативными и смелыми действиями по предотвращению измены Родине, сдачи в плен, трусости, паникерства и бегства с поля боя...

15 июля группа военнослужащих стрелковой дивизии, где начальником отдела Смерши майор Рябцев, в количестве 5 человек — Кочеров, Лашков и др. — в начале боя пыталась перейти к немцам. Осведомитель «Симонов» заметил их бегство, оповестил по цепи бойцов и командиров, по изменникам открыли огонь, и все 5 были убиты.

25 июля с. г. пытались изменить Родине красноармейцы штрафной роты стрелковой дивизии, где начальником отдела Смерши майор Моисеенок, Немченко и Клейменов. Заметив их подозрительное поведение, резидент «Жук» и осведомители «Дяхов» и «Майский» установили за ними наблюдение, одновременно сообщили командиру роты. Перед вечером Немченко и Клейменов вышли в рожь, чтобы пробраться к противнику. «Жук» и «Дяхов» окликнули их, после чего они по ржи бросились бежать к противнику. «Жук» и «Дяхов» расстреляли их из автоматов. При наступлении роты трупы их были найдены и опознаны.

27 июля с. г. противник предпринял контратаку на участке стрелковой дивизии, где начальником отдела Смерши подполковник Михайлов. Во время боя командир взвода ст. лейтенант Михайлов трусил, выскочил из окопа и бросился бежать в тыл. За ним пытались бежать и другие бойцы. Осведомитель «Автомат», увидев бегство командира и замешательство во взводе, огнем из своего автомата заставил Михайлова вернуться во взвод

и руководить боем. Порядок был наведен, и Михайлов руководил до конца боя, отбив успешно атаку противника».

В этой же докладной записке Вадиса содержится убедительный фактический материал, начисто опровергающий мнение отдельных недоброжелателей отечественных спецслужб о том, что человек, однажды попавший под подозрение органов, а тем более по такой «тяжелой» статье, как «Измена Родине», да еще во время войны, неминуемо был обречен на расстрел или заключение в лагерь.

В действительности дело обстояло иначе. Первичная информация, поступавшая к военным контрразведчикам от осведомителей, агентов, резидентов, других источников, и содержащая признаки изменнических проявлений в поведении военнослужащего, перепроверялась, уточнялась, и только потом руководство органа Смерш принимало окончательное решение. При этом главным критерием оценки благонадежности проверяемого служило его поведение в бою. Там перед лицом врага он предстал в своем истинном свете.

Об этом коротко и убедительно писал Вадис во второй части докладной записки. Он сообщал Абакумову о пересмотре ряда дел оперативной разработки на военнослужащих с окраской «измена Родине»:

«Фигурант дела по окраске «измена Родине» Чечен, 1917 г. р., уроженец (далее приводятся полные установочные данные), в Красной армии с 1938 г., рядовой танковой бригады, где начальником отдела Смерш танкового корпуса майор Дорфман, ранее проявлял изменнические намерения.

Так, в мае месяце, выражая недовольство питанием, среди кр-в высказывался: «Хлеба не хватает, да с такой баландой, которую нам дают, можно сдаваться в плен».

Затем, узнав, что его хотят перевести в мотострелковый батальон, Чечен заявил: «Если так получится, то я руки кверху и к немцам — чай пить».

В конце июня месяца Чечен, высказывая недовольство службой в Красной армии, говорил: «Служу в Красной армии уже шестой

год, и надоела мне эта служба. Пусть служат другие. Немцы сильнее нас, а союзники наши не заинтересованы, чтобы СССР победил, поэтому надеяться на них нечего, а сами мы не в силах окончательно его разбить».

Находясь на передовой линии фронта и участвуя в оборонительных июльских боях, во время налета авиации противника наши минометчики попрятались по щелям. В это время командир роты приказал открыть огонь из минометов по наступающему противнику. Чечен начал кричать минометчикам: «Вы куда прячетесь в щели, надо выполнять приказ командира. Открывай огонь по приближающимся немцам».

Своим героическим поведением Чечен увлек минометчиков вылезти из щелей и открыть минометный огонь по противнику...

Проходящий по связям, разрабатываемый по окраске «измена Родине», сержант воздушно-десантной дивизии (начальник отдела Смерш майор Данилов) Рожков, 1910 г. р., (далее приводятся полные установочные данные), за период боев показал себя исключительно стойким в борьбе с фашистами.

Рожков спас жизнь зам. командира батальона по политической части Винокурову; в рукопашной схватке убил 7 немцев и из автомата расстрелял еще 30 солдат противника. В то же время спас жизнь танковому экипажу, находившемуся в горящем танке на поле боя.

Рожков командованием представлен к званию Героя Советского Союза».

В заключение докладной записки Вадис информировал Абакумова:

«Дела оперативных учетов на военнотружениках, проявивших преданность в боях за Родину, пересматриваются на предмет их прекращения».

Активно противодействуя изменническим проявлениям в войсках, контрразведчики изыскивали различные формы борьбы с ними. Одна из них была найдена и использовалась в управлениях Смерш Брянского, Центрального фронтов, и получила кодовое название «Инсценировка «Измена Родине».

Первые операции такого рода провели сотрудники Брянского фронта 2 и 3 июля 1943 года на позициях, которые обороняли 415-я и 356-я стрелковые дивизии. Этот выбор не был случайным. В мае контрразведчики отмечали: «Наиболее пораженными изменой Родине были 415-я и 356-я сд 61-й армии и 5-я сд 63-й армии, из которых перешли к противнику 23 военнослужащих».

Подготовкой и осуществлением операции занимались наиболее опытные сотрудники контрразведки. Сам ее замысел разрабатывался в Управлении Смерш фронта. Им предусматривалось: несколько групп военнослужащих под видом перебежчиков проникнут в расположение противника и при вступлении в контакт уничтожат его гранатами и пистолетным огнем. Планируя подобные операций, контрразведчики преследовали несколько целей: в глазах гитлеровцев скомпрометировать изменников Родины, и одновременно остановить тех советских военнослужащих, которые вынашивали намерения перейти на сторону противника. Как полагали разработчики операции «Инсценировка «Измена Родине», после ее проведения у гитлеровцев должна надолго пропасть охота принимать перебежчиков и вынудит их на жесткие ответные меры, теперь уже по отношению к настоящим изменникам.

После утверждения замысла операции в ГУКР НКО Смерш СССР руководители УКР Смерш Брянского и Центрального фронтов вместе с подчиненными приступили к ее подготовке. Основной риск операции заключался в том, чтобы инсценировка измены не превратилась в ее действительное продолжение. В этом случае ее инициаторам было не позавидовать. Поэтому при подборе исполнителей контрразведчики исходили в большей степени не столько из их способности действовать решительно и дерзко в критических ситуациях, сколько из надежности. В не меньшей степени рисковали и будущие участники операции. В темноте была велика вероятность подорваться на mine либо получить пулю от «заведенного» фрица. К участию в операции привлекались только добровольцы.

Основная группа формировалась из бывалых, проверенных в боях и не один раз лицом к лицу встречавшихся с гитлеровцами военнослужащих — армейских разведчиков. При комплектовании второй и третьей групп контрразведчики пошли на определенный риск — в их состав включили штрафников. Сотрудников Смерша не смутило клеймо «штрафника»; они полагали, что доверие может стать высшей наградой для человека, один раз уже совершившего ошибку.

О той тщательности, с какой осуществлялся подбор кандидатов и формирование групп, свидетельствует спецсообщение УКР Смерш Брянского фронта от 10 июля 1943 года Абакумову «Об итогах проведения оперативно-чекистского мероприятия под кодовым названием «Измена Родине».

В нем сообщалось:

«Подготовка к инсценировке и проведение операции проходило следующим образом.

1. Подбор и подготовка боевых групп

С 26 по 28 июня с. г. оперативный состав совместно с командованием производили подбор кандидатур для участия в инсценировке.

Всего было отобрано 15 человек, физически развитых, волевых, смелых военнослужащих. Отдельные из них являлись разведчиками полков. Почти все ранее участвовали в боях на фронте Отечественной войны.

В состав 15 человек входили 8 военнослужащих из 15-й армейской штрафной роты, ранее судимые за разные преступления, а 2 из них направлены в штрафную роту на два месяца по приказу командования соединения.

Для участия в инсценировке были отобраны следующие военнослужащие:

Поплаухин, 1915 г. р., уроженец (далее следуют установочные данные). Участник боев на Карельском перешейке, в Чернигове, Киеве, Харькове, Сталинграде. В боях получил ранение, ранее

награжден орденом Красной Звезды, но по решению суда отобран, осужден по ст. 193-17 УК сроком на 7 лет.

За время пребывания в штрафной роте Поплаухин показал себя дисциплинированным, требовательным младшим командиром.

Работая в должности пом. командира 2 взвода, проявил исключительную заботу о своих бойцах, активно помогал командному составу роты крепить воинскую дисциплину.

В мае с. г. Поплаухин, рискуя жизнью, подполз к немецкому проволочному заграждению с целью задержания изменников Родины — Пинчука и Митрофанова.

Загорский, 1916 г. р., (далее следуют установочные данные) летчик-истребитель, во время боя сбил немецкий самолет Ю-88.

За время нахождения в штрафной роте Загорский показал себя дисциплинированным, бдительным бойцом, честно и добросовестно выполнявшим приказания командиров.

Работая командиром отделения, был требователен к подчиненным.

Брюханов, 1922 г. р., (далее следуют установочные данные).

За время службы в 142-м стрелковом полку Брюхов показал себя дисциплинированным красноармейцем, в боях — стойким и смелым, участвовал в ночных поисках по захвату контрольного пленного...

Все участники инсценировки были зачислены в группы после личной беседы с каждым и получения положительных отзывов о них через агентуру.

Им были созданы хорошие условия и улучшенное питание.

Для тренировок по метанию гранат был выделен капитан Кашулин-пши 1-го отделения. Занятия и тренировки их проводились с 28 июня по 2 июля 1943 г.

Ежедневно оперативный работник контрразведки фронта проводил беседы с участниками групп и обучал их как действовать».

2 июля группы заняли места в передовых траншеях. После изучения местности и наблюдения за противником они начали продвижение к его позициям. Отважные бойцы имели на вооружении по шесть гранат, пистолеты ТТ и ножи. Группа, возглавляемая Поплаухиным и состоявшая из штрафников, смогла без потерь преодолеть нейтральную полосу, проволочные заграждения перед окопами гитлеровцев, и при сближении с ними забросала гранатами. В результате их смелых действий были уничтожены дзот, пулеметный расчет и более 10 солдат.

Аналогичным образом действовала вторая группа. В 3.00 она сосредоточилась на исходном рубеже, к 4.00 вышла к проволочному заграждению перед вражескими окопами. Гитлеровцы заметили «изменников» и стали звать к себе. Назвав часовому пароль — «штык в землю» и показав агитационные листовки, в которых содержался призыв к советским солдатам сдаваться, группа вышла на вражескую позицию. К тому времени на ней собралось около 20 человек во главе с офицером. Пустив в ход гранаты и пистолеты, отважные бойцы их уничтожили. При отходе два человека получили легкие ранения.

3 июля на участке 356-й стрелковой дивизии еще одна группа, состоявшая из разведчиков, успешно выполнила свою задачу и без потерь возвратилась в расположение советских войск.

Удача не всегда сопутствовала операциям «Инсценировка «Измена Родине»». Досадные случайности, несогласованность между ее участниками порой приводили к срыву и потерям среди личного состава.

2 июля при проведении операции на участке 142-го стрелкового полка заместитель начальника штаба по разведке капитан Пономарев, не согласовав с сотрудником Смерша, дополнительно поставил перед группой Мусорина задачу — добыть «языка». В дальнейшем положение группы усугубило то, что командование выделило в ее распоряжение двух неопытных саперов, плохо знавших позиции противника. Это внесло не-

рвзность в действия группы и ее командира Мусорина. При подходе к вражеским позициям он окончательно запутался в маршруте и дал команду на возвращение.

Другая группа, возглавляемая Барановым, была обнаружена гитлеровцами на подходе к позиции и встречена пулеметным огнем. Один из ее участников — Загорский получил тяжелое ранение и впоследствии скончался.

Несмотря на отдельные неудачи, операция «Инсценировка «Измена Родине» в целом оправдала себя. Подтверждением тому является реакция гитлеровцев. После подобных «переходов», в результате которых они несли существенные потери, «русские изменники» стали для них настоящим проклятием. Пытаясь найти от них противоядие, командование вермахта в листовках, которые разбрасывались над позициями советских войск, а также в радиообращениях и по громкой связи, агитируя за переход на свою сторону, разъясняло будущим изменникам: *«Избегайте перехода группами, так как группы будут уничтожаться. Переходите одиночками, и не утром, как мы принимали до сих пор, а ночью».*

Таким образом, военные контрразведчики надолго отбили охоту у гитлеровцев принимать перебежчиков. Наряду с этим в ходе операций «Инсценировка «Измена Родине» решалась и другая немаловажная задача. Подобные операции являлись сдерживающим фактором для отдельных красноармейцев, которые в силу тех или иных обстоятельств падали духом и замыслили сдаваться в плен. Теперь они знали: на той стороне линии фронта их ждал не «теплый прием» — обещанные гитлеровцами «баня и горячий кофе», а пулеметные очереди.

Организуя подобные операции, в управлениях Смерш не забывали о тех, на плечи кого ложилась основная тяжесть исполнения их замысла — рядовых, младших командиров и штрафников. Контрразведчики ходатайствовали перед армейским командованием о награждении их правительственными наградами, снятии судимости и возвращении штрафников в строй. Эти награды были самого высокого достоинства.

3 июля 1943 года командование 5-й стрелковой дивизии «за образцовое выполнение боевого задания» наградило Поплаухина, Крицина, Коломоеца, Шевякова (бывших штрафников) орденом Красной Звезды, Пономарева, Цыганкова и Чуприкова (также бывших штрафников) — медалью «За отвагу», со всех снята судимость. Награждение проводилось в торжественной обстановке.

Загорский награжден был посмертно.

И шпионов ловили, и здорово помогали

По книгам и кинофильмам широкому читателю и зрителю военная контрразведка Смерш известна как спецслужба, успешно боровшаяся со шпионами, диверсантами и террористами. Наряду с этим ее сотрудниками решалась и еще одна важная задача, связанная с оказанием помощи советскому командованию в поддержании высокой боевой готовности частей и подразделений. До недавнего времени она не находила должного освещения в открытой специальной литературе, тем более в художественной, и оставалась в тени.

В опусах некоторых авторов, не нюхавших пороха, она представлена в искаженном свете. В их болезненном воображении сотрудники военной контрразведки выглядят не иначе, как омерзительно-гадкими и патологически подозрительными типами. К сожалению, среди них попадались и такие. Тут, как говорится, в семье не без урода. К счастью, не они определяли лицо Смерша, а бывшие боевые командиры рот, расчетов и экипажей, призванные в органы безопасности самой войной. Они были плотью от плоти, кровью от крови армии, и не понаслышке знали цену жизни и цену смерти. Перейдя на службу в Смерш, бывшие армейские офицеры продолжали самоотверженно служить Отечеству, но уже на новом, тайном фронте.

Воспоминания участников Великой Отечественной войны — командиров и красноармейцев, бок о бок воевавших с военными контрразведчиками против одного общего врага — фашизма, а также документальные материалы из архива ФСБ России ярко и убедительно рассказывают об этой важной составляющей работы военных контрразведчиков.

Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны полковника Евгения Ивановича Орлова: «За время войны мне пришлось служить с семью сотрудниками особых отделов, с 1943 года — Смерша. По привычке мы их долго называли особистами. Службы наши как бы разные, а, по сути, мы делали одно общее дело — защищали Родину. И еще нас роднило то, что все мы были как бы из одного окопа. Трое особистов перешли на службу в контрразведку из пехоты, один являлся артиллеристом, другой, кажется, был танкистом и только двое начали войну как кадровые.

Все они были людьми разными. Кто-то жестче, кто-то мягче, но захребетников и тех, кого, как сейчас некоторые, не нюхавшие пороха, берутся утверждать: только тем и занимались, что в тылу на продкладах отъедались, а по ночам нашего брата мордовали, мне среди них не попадалось. Обстановку в подразделениях контрразведчики знали не хуже, а то и лучше меня. Порой это задевало, когда подчиненные докладывали не мне, а им: кто из бойцов фашистскую листовку читает, кто на ту сторону косится, а кто советскую власть ругает. Потом, когда опыта набрался, перестал обижаться. Каждый должен заниматься своим делом: командир — командовать, а контрразведчик — шпионов ловить. И ловили! На моей памяти нескольких мерзавцев поймали. Как на них вышли и разоблачили, мне не докладывали, у каждого свои секреты, но о другой стороне работы контрразведчиков могу судить компетентно — их помощь мне и другим командирам в вопросах поддержания боевой готовности была неоценимой.

Случилось это, когда мы вели бои под Витебском. Командование полка поставило перед батальоном задачу: скрытно форсировать реку и завладеть плацдармом. Я вызвал ротных и довел ее, а через час о ней знал последний «Ванька-взводный». Дошло и до Александра Ивановича — нашего особиста; у нас состоялся нелicenseприятный разговор — мне нечем было крыть. Окажись среди моих бойцов мерзавец, и перебеги он к фашистом, то сколько жизней из-за одного болтуна загубили.

Кончился наш разговор с Александром Ивановичем тем, что я промыл мозги ротному».

Подобных эпизодов в службе армейских командиров были десятки. Жесткая позиция сотрудников Смерша диктовалась суровой боевой обстановкой. Фраза «Болтун у телефона — находка для шпиона», ставшая крылатой, как нельзя точно отражает цену неосторожно оброненного слова. Ставшее достоянием противника, оно приводило к срыву операций и оборачивалось сотнями, а порой тысячами, загубленных человеческих жизней.

В огромном, находящемся в постоянном противоборстве с жестоким и коварным врагом, организме, который представляла Красная армия, где хватало разгильдяйства и беспечности со стороны отдельных должностных лиц, органы Смерша выступали суровым стражем тайн.

В тех случаях, когда в системе обеспечения сохранности секретов возникали сбои, сотрудники контрразведки действовали решительно и, не оглядываясь на воинские звания виновников разглашения секретных сведений, утрат документов, принимали к ним суровые меры.

Накануне подготовки к Курскому сражению военно-политическое руководство СССР, понимая всю его важность для хода войны, потребовало от командования Красной армии принятия беспрецедентных мер по сохранению в тайне от противника замысла операции и обеспечению скрытности подготовки войск к отражению гитлеровского наступления. Контроль за выполнением этих мер был возложен на органы Смерша.

С помощью агентов-специалистов оперативные сотрудники тщательно изучали достаточность и надежность мер командования по защите секретов в местах, где осуществлялась разработка планов боевых действий, выявляли возможные каналы их утечки к противнику.

Без оперативного внимания Смерша не оставались даже высшие органы боевого управления Красной армии, в которых по определению не должно быть шпионов, болтунов и людей

безответственных. На основе информации, поступающей от осведомителей и агентов из числа должностных лиц штабов, постоянно отслеживался не только круг лиц, допущенных к особо охраняемым сведениям, но и то, к каким именно документам они получали доступ и в каком объеме знакомились.

В частности, агент «Кудрявцев», офицер штаба Центрального фронта, по результатам выполнения задания сотрудника контрразведки сообщал:

«К разработке наступательных операций из работников оперативного отдела, кроме Антропова, никто не допускается. Планы и директивы в армии не высылаются (последняя директива Сталина категорически запрещает это делать).

Таким образом, планы наступательной операции известны строго ограниченному кругу лиц (командующий, начштаба, начальник оперотдела и военные советы армий).

О предстоящих действиях работники оперотдела могут догадываться о сосредоточении войск (возвышение 63-й армии, усиление ее мощными средствами артиллерийского и танкового подавления). Частично привлекаются для разработок заместители начальника оперотдела в лице Макарова, Маслюкова и Войтко.

По срокам никто из людей отдела не знает.

Частные операции (разведок) известны Макарову как первому заместителю. Оборонительные операции, поступающие из армий, известны начальникам направлений Кузмичеву, Зубареву... мне и всем заместителям.

Фронтальная оборонительная операция разрабатывалась Антроповым и его заместителями, и хранится в сейфе заместителей.

«Кудрявцев».

10.06.1943 г.».

Такого рода информация обобщалась в органах Смерша и представлялась армейскому командованию, военным советам для принятия необходимых мер по устранению недостатков.

В тех случаях, когда реакция соответствующих командиров была недостаточной или нарушения в сохранности тайны могли нанести серьезный ущерб боеспособности не только конкретного соединения, но и взаимодействующим с ним воинским формированиям, спецсообщения направлялись вышестоящему командованию, вплоть до Ставки.

Так, в период подготовки к Курскому сражению органами Смерша Брянского фронта были выявлены серьезные, к сожалению не единичные, случаи расконспирации плана советского контрнаступления. Более того, в ряде объединений они приобрели систематический характер, и Абакумов вынужден был доложить об этом председателю ГКО И. Сталину и председателю Ставки А. Василевскому:

*«Совершено секретно.
Председателю ГКО И. Сталину
Председателю Ставки А. Василевскому*

*О причинах расконспирации предстоящих наступательных
действий на участке Брянского фронта.*

По сообщению Управления Смерш Брянского фронта, проводившаяся в мае и в июне с. г. подготовка к наступательным действиям на участках 61-й и 63-й армий была проведена без достаточного соблюдения военной тайны и маскировки при сосредоточении войск, что дало возможность противнику догадаться о проводимых нами мероприятиях на этом участке фронта.

Так, например, начальник артиллерии 61-й армии генерал-майор Егоров, будучи осведомлен о подготовке к операции по прорыву обороны противника на участке и предупрежден командованием фронта о соблюдении строжайшей тайны, сообщил об этом некоторым командирам, в том числе подполковнику Лазареву и майору Сергеевскому.

4 мая с. г. на участке прорыва Егоров организовал военную игру «Наступление» с начальниками артиллерии дивизий и командирами артполков. Для разработки плана прорыва обороны

противника Егоров привлек весь оперативный отдел штаба армии, в том числе машинистку Домнину и чертежника Афонина.

27 мая с. г. Егоров раздал план наступления командирам корпусов, бригад и артиллерийских полков.

Несмотря на указания командования фронта не выводить на огневые позиции прибывающие вновь артиллерийские части, не усиливать артиллерийского огня на участке армии, Егоров приказал командирам артиллерийских частей занять огневые позиции, произвести пристрелку одним орудием от батареи.

В результате пристрелки орудий на участке армии образовался массированный артиллерийский огонь.

Это дало возможность противнику догадаться о мероприятиях наших частей».

Вывод руководителя Смерша основывался не только на информации армейской агентуры из числа штабных работников, таких как «Кудрявцев», но и других источниках информации. Виктор Семенович достаточно долго прослужил в органах государственной безопасности, и потому хорошо знал цену слова, тем более того, что докладывалось Сталину. При подготовке спецсообщений и докладных, как для высшего военно-политического руководства СССР, так и для командующих фронтами и армий, он требовал от подчиненных включать в доклады только те материалы, которые перепроверены через зафронтовую агентуру, нашли подтверждение при допросах шпионов, военнопленных, а также через другие источники информации.

В вышеприведенной докладной, адресованной Сталину и Василевскому, Абакумов подкреплял свой вывод о расконспирации предстоящих наступательных действий на участке Брянского фронта ссылками именно на эти источники:

«Так, радиоперехватом зафиксировано, что в период с 29 мая по 6 июня с. г. авиаразведкой противника на участке Гудовищи — Поляны — Тшьыльково (севернее Мценска) обнаружено 62 артиллерийских и 30 минометных позиций. В районе Задушное — Новосель авиаразведка противника обнаружили 17 артиллерийских батарей.

В мае с. г. на участке Новосель — Орловка — Гвоздяное противник обнаружил 5 наведенных мостов...

Кроме того, арестованные при переходе на нашу сторону агенты германской разведки, а также захваченные в плен нашими войсками немцы показали, что противнику стало известно о подготовке наступления наших войск на участке 61-й и 63-й армий.

Так, арестованный 29 мая с. г. при переходе линии фронта на нашу сторону агент немецкой разведки Стрелков показал, что среди немецкого командования и солдат идут разговоры, что русские готовят наступление, о чем рассказывают сами русские, захваченные немцами в плен.

Фельдфебель 110-го пехотного полка 112-й пехотной дивизии германской армии Кроноуэр, взятый в плен нашими войсками в июне с. г., показал: «В отношении наступления Красной армии на данном участке я услышал от ротного командира Рейнгольца...».

Абакумов».

Подобная жесткая, но вместе с тем объективная оценка недоработок и грубых просчетов, не говоря уже о фактах халатности и безответственности со стороны отдельных должностных лиц Красной армии в организации боевого управления войсками, являлась характерным стилем в работе органов Смерша. Даже в тех случаях, когда упущения или проступки виновных лиц, пусть даже и не умышленно, не приводили к тяжким последствиям, сотрудники контрразведки не шли на компромиссы. Попытки некоторых командиров договориться, чтобы не выносить сор из избы или замазать дело, как правило, не приносили результата. Ротозейства, расхлябанности и минутных слабостей, которые допускали они или их подчиненные, в Смерше не прощали. Контрразведчики хорошо усвоили горькие уроки лета и осени сорок первого года, когда нераспорядительность, растерянность одного должностного лица оборачивалась смертями тысяч, и потому оперативно и жестко реагировали на малейшие нарушения в вопросах сохранности тайны.

В частности, в период наиболее напряженных боев Курского сражения начальник штаба 31-го танкового корпуса подполковник Гандыбин, чтобы избежать захвата гитлеровцами штабной документации, дал указание заведующему делопроизводством секретной части лейтенанту Мельникову вывезти ее в расположение второго эшелона обороны.

8 июля 1943 года по пути следования Мельников попал под бомбежку, спасаясь бегством, бросил планшет с документами, в том числе приказ Ставки Верховного главнокомандования, и об этом не доложил. Гандыбин, в свою очередь, исполнение приказа не проконтролировал.

К счастью, документы, утраченные Мельниковым, к гитлеровцам не попали. 12 июля их обнаружил оперативный источник и передал в отдел контрразведки Смерш 1-й танковой армии. В течение суток было проведено расследование, в ходе которого стали известны все обстоятельства происшествия. Несмотря на то что ущерба от действий Мельникова не наступило, а командование приняло к нему меры административного воздействия — отстранило от должности, начальник Управления Смерш Воронежского фронта генерал Н. Осетров проявил принципиальность.

14 июля по результатам расследования он доложил Абакумову:

*«Совершено секретно.
Начальнику ГУКР НКО Смерш СССР
комиссару госбезопасности 3-го ранга
В. Абакумову*

*О результатах проведенного расследования по факту утери
секретных документов 31-го танкового корпуса*

12 июля 1943 г. в отдел контрразведки Смерш 1-й танковой армии были доставлены совершенно секретные документы штаба 31-го тк, найденные в районе боевых действий дер. Зоринские Дворы.

Среди документов были:

1. Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 0296...

Произведенным расследованием установлено, что виновным в утере совершенно секретных документов оказался заведомо-производством секретной части штаба 31-го тк лейтенант интендантской службы Мельников...

14 июля 1943 г. Мельников был арестован. При личном обыске у него обнаружено и изъято 10 неотправленных пакетов, находившихся у него с 8 июля 1943 г., среди них весьма срочные в адрес начальника штаба 1-й танковой армии.

*Начальник Управления контрразведки
НКО Смерш Воронежского фронта
Осетров*

21 июля 1943 г.»

Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны гвардии старшего сержанта Александра Александровича Дроздова: «На фронте хуже фрицев была только страшная антисанитария. Порой так заедала, что уже думал не о жизни или смерти, а о том, чтобы хоть на минутку забраться в нашу русскую баньку и хлестаться, хлестаться березовым веничком, потом холодного, ядреного кваса, а после этого хоть на заведенного фрица, хоть на черта, хоть на тот свет.

И еще доставали юбилейные даты. В календаре они красным цветом окрашены, а на передовой нашей кровью. Пока отступали, не до дат было. После Сталинграда, когда немца обратно погнали, наверху вспомнили и к очередной годовщине или юбилею вождей требовали подарка — взять высоту, форсировать речку, освободить хутор. Дорогие те подарки получались — цена им была наша жизнь. Хорошо, если командир нормальный попадался, а если горлохват и дуболом, то молись Богу, чтобы тебя пронесло.

На дворе стоял ноябрь. В Москве собирались отмечать 26-ю годовщину Октября, а нам на передовой предстояло готовить подарок. Накануне 7 ноября перед батальоном по-

ставили задачу: выбить фрицев с хутора. Два раза пытались его взять — потери понесли большие и вынуждены были отступить. Не успели прийти в себя, а тут снова приказ: «Ознаменовать 26 годовщину Великого Октября освобождением советской территории от немецко-фашистских захватчиков — выбить из хутора».

Командир батальона матерится. А что ему еще оставалось? За невыполнение приказа — трибунал. Про нас, рядовых, и говорить нечего. Кому охота идти на убой, большинству не исполнилось и 26. Слава богу, отменили приказ — особист помог! То ли от пленного фрица, то ли от кого другого узнал: немцы подтянули к хутору артиллерийскую батарею. Так что 7 ноября в батальоне действительно выдался праздник — Иван Ильич отвоевал нам еще один день жизни. Из наших был, из пехоты».

Подобных примеров на памяти Орлова, Дроздова и других ветеранов тех суровых военных лет, когда информация органов Смерша, прямое участие в подготовке тех или иных операций способствовали их успеху, а в конечном счете сохраняли жизни тысяч бойцов и командиров, имеются десятки. Возможно, в деталях и по времени ветеранов подводит память, слишком много лет минуло с той поры, но, к счастью, есть архивы отечественной спецслужбы. Они — бесстрастные свидетели нашего героического и трагического прошлого — сохранили на своих страницах суровую правду войны. Докладные и спецсообщения органов Смерша говорят о том, что более важной задачи, чем защита Красной армии от гитлеровских спецслужб и всемерное содействие командованию в поддержании ее боеготовности, для них не существовало.

В конце апреля — начале мая 1943 года, за два месяца до Курского сражения, Управление Смерш Брянского фронта через зафронтовую агентуру получило исключительно важную разведывательную информацию о подготовке гитлеровцами операции «Цитадель».

Об этом 11 мая генерал А. Вадис немедленно информировал Абакумова и Военный совет Брянского фронта.

В частности, он сообщал:

«...Наш зафронтовой агент, перевербованный германской разведкой, дислоцирующейся в районе Орла при штабе 2-й танковой армии и переброшенный на нашу сторону, сообщил, что он получил задание после перехода линии фронта осесть в одно из районов Елец — Ефремово или Малиново, где заняться сбором данных о передвижении войск Красной армии.

Этот же агент сообщил, что в Орел недавно прибыли бронетанковая дивизия «Мертвая голова» и подразделения СС. При чем танки и машины тщательно маскировались. 4 мая того же года через Орел прошли большие механизированные колонны. В тот же день жителям города было запрещено появляться на улице. Кроме того, в г. Орел в последнее время почти ежедневно прибывают железнодорожные эшелоны, груженные боеприпасами, особенно снарядами крупного калибра».

7 июля 1943 года в ходе допроса штурмана люфтваффе фельдфебеля П. Иоахима контрразведчики получили важные данные о запуске в серийное производство модернизированного самолета Ю-88 «Юнкерс-118», обладавшего более высокой скоростью и значительным потолком подъема.

23 июля в результате радиоперехвата и последующей дешифровки содержания переговоров разведотдела группы армий «ЛАНЦ» со своим агентом Олафом, действовавшим в тылу Воронежского фронта, удалось установить осведомленность гитлеровцев о составе советской группировки и направлениях ее движения, а также определить ответные меры вермахта.

Спустя неделю в распоряжение Управления Смерш Центрального фронта попал важный штабной документ — «Отчет о состоянии на Восточном фронте с 16 июня по 30 июля 1943 года». В нем содержались оценки вермахта обстановки, складывающейся на советско-германском фронте, и давался прогноз ее развития. Эти данные, а также другая добытая контрразведчиками информация о противнике и его планах оперативно передавалась командованию Красной армии и, как правило, получала положительную оценку.

О той важной роли органов Смерша и советской разведки, которую они сыграли в раскрытии секрета плана «Цитадель», убедительно свидетельствовал маршал А. Василевский. Он, начальник Генерального штаба Красной армии, как никто другой знал все тайные и явные пружины, приводившие в движение одно из величайших сражений.

В книге «Дело всей жизни» он писал: «В этот ответственный момент, в преддверии Курско-Белгородского сражения, советское командование предъявляло особые требования к органам разведки, и нужно сказать, она была на высоте и неплохо помогала нам. Как ни стался враг держать в тайне планы своего наступления, как ни отвлекал внимания советской разведки от районов сосредоточения основных своих ударных группировок, нашей разведке удалось не только определить общий замысел врага на летний период 1943 года, направления ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления».

Вместе с тем, когда развединформация, и в частности Смерша, не получала должной оценке со стороны военно-политического руководства страны и высшего состава Красной армии, это приводило к тяжким, порой трагическим последствиям.

Весной 1942 года пренебрежение со стороны командования Юго-Западного направления маршала С. Тимошенко и представителя ЦК ВКП(б), члена Военного совета Н. Хрущева к разведанным, добытым отделом военной контрразведки Юго-западного фронта, привело к чудовищной трагедии, которая поставила страну на грань бытия.

Первый успех под Москвой зимой 1941–1942 года вскружил головы некоторым военачальникам и породил уверенность в том, что гитлеровцев можно чесать и в хвост, и в гриву. Казалось бы, опытнейший, прошедший «огонь, воду и медные трубы», маршал Тимошенко, обжегшись летом сорок первого в Белоруссии, должен был сто раз все взвесить, прежде чем убеждать руководство Ставки в возможностях соединений Юго-

Западного направления нанести поражение гитлеровцам под Харьковом. Но, видимо, лавры Г. Жукова, под командованием которого Красная армия разгромила вермахт под Москвой, не давали Тимошенко покоя. Ему вторил член Военного совета Н. Хрущев, позже признавшийся: бес попутал. Он был не первым и не последним советским вождем, отринувшим Бога и при неудачах все спихивавших на черта.

Начальник отдела военной контрразведки Юго-западного фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга Н. Селивановский не согласился с оценками Тимошенко и Хрущева о возможностях войск Юго-Западного направления успешно осуществить наступление. И для того у него имелись веские основания. Данные зафронтовой агентуры, материалы допросов немецких военнопленных, а также аналитические выкладки начальника оперативного отдела штаба фронта полковника Рухле, который, не найдя понимания у своих непосредственных начальников, поделился ими с контрразведчиком — майором Белоусовым, а тот — с Селивановским. Эти данные говорили: Тимошенко и Хрущев жестоко ошибаются в своих расчетах. Опытнейший контрразведчик Селивановский высказал им свои опасения, но они посчитали его аргументы несостоятельными, Рухле обозвали паникером, и через Сталина продавили в Ставке Верховного главнокомандования свой план операции.

Селивановский не остановился и изложил свою позицию в докладной, направленной Абакумову. В ней он писал:

«Планируемая операция преждевременна. Наступление из Барвенковского выступа опасно. Оттуда вообще следовало бы вывести 57-ю армию. Вокруг выступа немцы за зиму создали глубоко эшелонированную оборону и подтянули к его основанию значительное количество войск, которые в любую минуту могут нанести удар в тыл ударной группировки, парировать такой удар мы не сможем — нет достаточно сильных резервов.

Ошибочно вводить в Барвенковский выступ конные и танковые корпуса, немецко-фашистское командование только того

и ждет. Оно с умыслом не усиливает своего левого фланга в районе Славянска. Оно умышленно провоцирует нас на наступление. Как только в Барвенковском мешке окажутся наши ударные группировки, немецкая танковая армия, расположенная южнее, нанесет удар в северном направлении на Изюм. Вывод: подготовленное сражение мы проиграем и этим развяжем руки противнику для крупного наступления на Сталинград и Кавказ».

Абакумов, получив ее, не решился поставить в известность Сталина, а позвонил по ВЧ-связи Хрущеву, и высказал озабоченность возможными негативными результатами предстоящей операции. Член Политбюро ЦК ВКП(б), смотревший свысока со своего политического олимпа на какого-то там особиста, четыре года назад ходившего в капитанах, с ходу отмел аргументы Абакумова и обвинил Селивановского в том, что тот раздувает из мухи слона. В действительности муху раздул он с Тимошенко, убедив Сталина и Ставку в том, что превосходство частей Юго-Западного направления над противником обеспечит успех наступления.

Голос контрразведчиков не был услышан. Тимошенко с Хрущевым, утвердившись в своем самомнении, сосредоточили в Барвенковском выступе все наличные резервы.

12 мая ударная группировка Юго-Западного направления начала наступление. К 16 мая на отдельных участках гитлеровцы отступили на 25–50 километров. Об этих успехах Тимошенко и Хрущев бодро рапортовали в Москву и предлагали подключить к наступлению части Брянского фронта. Казалось бы, Селивановский и Рухле с их «страхами» посрамлены. И тут начал сбываться наихудший прогноз Селивановского: авиация противника, завоевав господство в воздухе, лишила части 6-й и 9-й армий возможности совершать маневры. Тимошенко с Хрущевым забились тревогой, и бросили в бой последние резервы, не предполагая, что все самое худшее впереди.

За спиной наступающих советских войск, на левом фланге, над 57-й армией генерала Подласа, нависла, подобно дамочкову мечу, мощная группировка противника. Ее костяк составляла

1-я танковая армия. Гитлеровцы, отступая, специально заманивали в ловушку войска Юго-Западного направления.

18 мая наступление советских войск захлебнулось. Вермахт перешел в контр наступление. Отражать его было нечем — Тимошенко и Хрущев исчерпали все резервы. 23 мая кольцо окружения замкнулось, и спустя пять дней, 28 мая, ударная группировка Юго-Западного направления перестала существовать. Ее потери составили 85 тысяч погибших и 230 тысяч пленных. Для гитлеровской войск открылся, как о том предупреждал Селивановский, прямой путь на Сталинград и Кавказ.

За провал операции ответили, конечно, не Тимошенко с Хрущевым, а «стрелочники». Главным виновниками стали командующий 9-й армией генерал Ф. М. Харитонов и полковник Рухле. Последний был обвинен в сотрудничестве с гитлеровцами.

Из воспоминаний Е. Орлова: «Командиру на фронте, кроме личного мужества, надо еще иметь трезвую голову на плечах. Бежать впереди цепи бойцов большого ума не надо, хотя бывают такие моменты, когда вопрос «Кто, если не ты?» просто не возникает. У всех нас только одна жизнь и другой не будет. На передовой у командира власть не меньшая, чем у Бога, и потому ею необходимо распорядиться с умом, чтобы потом не было стыдно смотреть в глаза бойцам. Если подчиненные знают: для командира они не разменная монета, то с ними не страшен и сам черт.

Но на войне, будь ты хоть семи пядей во лбу, всего не предусмотреть. Идеальных командиров не бывает, да и откуда им столько взяться. После боев в ротном и батальонном звеньях потери командного состава порой достигали 40 %. Текущая колоссальная; приходилось назначать на должности тех, кто находился под рукой. Ошибки дорого обходились. Чванливый бездарь с амбициями, приспособленец, оказавшийся на командной должности, — хуже фашиста. Страшнее нет, когда по глупости или тупости старшего начальника наступасешь про-

тив своих, когда наша авиация или артиллерия превращает твои позиции в братскую могилу. Охотников признаться в ошибках, а точнее — в преступлениях, я что-то не наблюдал. Если бы не сотрудники контрразведки, которые выводили на чистую воду подобных горе-воjak, то они бы немало дров наломали».

Горькая и жестокая правда войны, прозвучавшая из уст Орлова, Дроздова и других ветеранов Великой Отечественной войны, содержится в докладных органов Смерша, которые направлялись командованию Красной армии. Невзирая на лица и их попытки замять, скрыть допущенные просчеты в боевом управлении войсками, тыловом и медицинском обеспечении личного состава, сотрудники контрразведки, опираясь на информацию осведомителей, агентов и резидентов, оперативно проводили проверки по происшествиям, разбирались с упущениями в организации службы войск и добивались от командования принятия мер к виновным. В тех случаях, когда действия должностных лиц несли существенный ущерб или являлись следствием их трусости и разгильдяйства, органы Смерша проводили расследование и затем передавали материалы дел в военные трибуналы. Никакие высокие воинские звания или прошлые заслуги виновных лиц сотрудников контрразведки не останавливали.

Орлов отмечал: «Смерша, чего греха таить, побаивались. Шашкой направо и налево там не махали, но если виновен, то не отвертишься. В принципиальных вопросах договориться с ними и спустить дело на тормозах было невозможно».

Свидетельством тому являются докладные и спецсообщения органов Смерша.

В период Курского сражения, когда инициатива в нем полностью перешла в руки командования Красной армии, казалось бы, отдельные просчеты на фоне звука победных фанфар не должны были омрачить общей благостной картин. Но не в случае со Смершем. Поступавшая к контрразведчикам оперативная информация с передовой свидетельствовала: не все так благополучно в боевых порядках, как это звучало в

официальных докладах армейских начальников. Вследствие несогласованности и головотяпства ряда командиров советские войска несли неоправданные потери. Случалось так, что артиллерия и авиация подвергали обстрелам и бомбардировкам позиции своих частей.

Такие инциденты имели место во время наступления частей Брянского фронта. После тщательной перепроверки поступавшей оперативной информации начальник Управления Смерш фронта генерал Н. Железников информировал командующего М. Попова и члена Военного совета А. Мехлиса:

«Совершенно секретно.»

О недочетах во взаимодействии войск в ходе боевых действий

В ходе боевых действий частей и соединений Брянского фронта отмечен ряд случаев, когда в результате отсутствия должной увязки во взаимодействии стрелковых частей с танковыми, артиллерийскими и авиационными соединениями производился обстрел и бомбежка передовых позиций и тылов наступающих наших войск.

Вследствие этого в отдельных частях и соединениях нарушалась система управления войск[ами], несли большие потери в живой силе и технике.

23 июля с. г. около 21.00 противник силою 38 танков и бронемашин предпринял контратаку на позиции 2-го стрелкового батальона 53-го гсп 18-й гксд, оборонявшего дер. Узкое.

Контратака противника была отбита, и батальон, перейдя в наступление, начал успешно продвигаться вперед на дер. Богдановка, которая уже частично была занята 1-м батальоном 58-го гсп. В это время командир 51-го гсп 18-й гксд, не зная положения наших войск на передовой линии фронта, дал заявку установкам РС 53-го миндивизиона открыть огонь по дер. Богдановка. Огонь был открыт без корректировки, и двумя залпами накрыл стрелковые батальоны, находившиеся в дер. Богдановка. В результате было убито и ранено 148 человек...

На протяжении всего периода боевых действий имели место неоднократные случаи обстрела и бомбардировки своей авиацией боевых порядков, штабов и тылов наступающих войск.

12 июля с. г. в 6.30 из группы самолетов Пе-2, идущей по боевому курсу, отделился один самолет (правый за ведущим) и сбросил 2 бомбы на части 10-й гв. отд[ельной] танковой бригады, расположенные на исходных позициях западной окраины дер. Крутиково, после чего догнал остальные 23 самолета и вошел в боевые порядки группы. В результате из числа танковых экипажей и личного состава мсб убито 4 человека и ранено 25 человек.

В 17.00 22 июля с. г. 6 штурмовиков Ил-2 обстреляли опушку леса, что восточнее 1 км дер. Крутина. Огнем выведено из строя 12 автомашин и 10 человек убито.

31 июля с. г. в 19.50 6 штурмовиков Ил-2 и 4 истребителя в районе дер. Кузьминка атаковали огневые позиции артиллерийского полка 3-й ад. Огнем повреждено орудие и выведено из строя 3 орудийных расчета...

6 августа с. г. в 16.00 группа наших самолетов Ил-2 обстреляла из пушек и бомбила расположение первого эшелона дивизии и тылы, находящиеся в дер. Львово.

В 19.00 такая же группа штурмовиков обстреляла пушечным огнем командный пункт 18-й гсд и огневые позиции штабной батареи восточнее дер. Львово. Имеются жертвы.

Сообщаю для сведения.

*Начальник Управления контрразведки
НКО Смерш Брянского фронта.
генерал-майор Железников*

6 августа 1943 г.».

Позже, 31 августа 1943 года, Железников вновь обратил внимание командование фронта на продолжающие иметь место недочеты в ходе выполнения боевых задач частями и соединениями 2-го гвардейского кавкорпуса, а именно: «...Отсутствие достаточной четкости и оперативности в управлении войсками в ходе боя, недостаточную непосредственную связь

с подчиненными частями и подразделениями, в частности в звене полк-дивизия».

Свои выводы он подкрепил конкретными фактами:

«19.08.43 г. 189-й тп 20-й гвд, будучи придан 4-й гвд, получил боевую задачу и в составе 20 танков Т-34 и роты танков Т-70 пошел в атаку. Ввиду того, что предварительной рекогносцировки местности и разведки не было, танки наскочили на минное поле. 20 танков Т-34 подорвались на минах, а танки Т-70 завязли в болоте и были расстреляны прямой наводкой артиллерии противника...»

В самих наступательных операциях частей и соединений кавкорпуса нет должной напористости, стремительности вперед. Незнание обстановки, безынициативность, нерешительность и медлительность в боевых действиях частей прикрывается их командирами необоснованными ссылками на якобы упорное сопротивление противника и дезинформацией вышестоящих штабов об истинном положении и обстановке на занимаемом участке фронта, а именно:

Командир 10-го гвп 3-й гвд гв. подполковник Филиппов, находясь с частями полка на подступах к дер. Яровицина, доносил штабу дивизии о том, что деревню обороняет батальон пехоты противника и три артиллерийские батареи. Как впоследствии оказалось, Яровицину обороняла всего одна рота без каких-либо средств усиления.

18.08.43 г. гв. майор Холюшкин информировал части дивизии о занятии 9-м гвп дер. Гряды, тогда как последняя занята не была. В этот же день Холюшкин донес штабу корпуса о занятии дер. Чернец, что также не соответствовало действительности».

Наряду с выявлением недочетов в управлении войсками, вскрытием фактов очковтирательства со стороны отдельных должностных лиц органы Смерша самое серьезное внимание уделяли вопросам изучения морально-психологического состояния войск. В этих целях ими активно использовались отделения военной цензуры. В процессе перлюстрации корреспонденции сотрудники контрразведки осуществляли по-

стоянный мониторинг настроений бойцов и командиров. На его основе отделами и управлениями Смерша составлялись и направлялись командующим, военным советам фронтов спецсообщения и обзоры. Они содержали наиболее характерные и яркие выписки из писем военнослужащих.

Только за период подготовки и в ходе Курского сражения органы Смерша Брянского, Центрального и Воронежского фронтов направили командованию различного уровня свыше 20 подобных обобщенных документа.

Другим важным и объективным источником информации, позволявшим органам Смерша судить о настроениях и боевом духе войск, являлись осведомители, агенты и резиденты, находившейся во всех армейских звеньях, начиная от стрелкового отделения и заканчивая штабом фронта. Это был самый мощный и постоянно действующий канал общения между оперативным работником и его негласным аппаратом. С его помощью осуществлялся постоянный контроль за наиболее чувствительными вопросами. Одним из них являлся так называемый национальный вопрос.

Освобождение советскими войсками территорий союзных республик, а затем стран Восточной Европы от гитлеровских оккупантов, сопровождалось созданием национальных воинских формирований, которые вливались в ряды Красной армии. Этот процесс имел не столько военное значение, сколько политическое, так как укреплял мировое общественное мнение в том, что именно Советский Союз является главным борцом с фашизмом и освободителем поработенных народов. Взаимодействие национальных формирований с советским командованием находилось под пристальным оперативным вниманием органов Смерша. Не вмешиваясь в права командира определять порядок ведения совместных боевых действий, сотрудники контрразведки не проходили мимо упущений, которые могли вызвать осложнения и породить у национальных кадров негативное отношение к командованию Красной армии и в целом к советской власти.

Одним из таких примеров острого реагирования органов Смерша на недоработки советского командования во взаимодействии с частями, укомплектованными национальными кадрами, является сообщение отдела контрразведки Смерш 48-й армии, направленное Военному совету.

«Совершенно секретно.

Подлежит возврату

Здесь

В последнее время в частях 16-й литовской стрелковой дивизии среди личного состава, в том числе и отдельных командиров и политработников, имеет место много фактов высказываний о том, что литовская дивизия понесла большие потери и ее необходимо отвести в тыл, что дивизия имеет мало активных штыков, а ей даются боевые задания как полнокровной.

Привожу ряд фактов:

31 июля с. г. на совещании командиров батальонов 249-го сп, где ставилась задача о наступлении, командир 2-го батальона Лисаускас заявил: «Лучше бы меня скорее убило. Я не могу с 30 человеками в батальоне наступать. От батальона остался только взвод, а задача дается как батальону. Дальше будут такие задачи, видимо, пока останешься один. С этой силой наступать и взять Никольское нельзя. Командование армии, видимо, хочет, чтобы от нашей дивизии только имя осталось».

Инженер 156-го сп Карло 31 июля с. г. в беседе с военнослужащими сказал: «Сейчас от нашей дивизии останется лишь ее имя и буква «Л», и то ее надо зачеркнуть, ибо литовцев почти никого не осталось, всех перебили».

Зам. командира по политчасти 1-го батальона 167-го сп лейтенант Ионушас в беседе с командирами заявил: «В Литву я больше не поеду. После войны я поеду куда-нибудь в Сибирь, ибо в Литве не с кем будет работать, так как все литовские кадры уже погибли».

Парторг 1-го батальона 167-го ст. ст. лейтенант Стелонйтис заявил: «В зимнее время нашу дивизию ни за что положили. Теперь также обидно, что последний оплот Советской Литвы погибает. Надо дивизию скорее снять с фронта на новое переформирование».

О вышеизложенном нами проинформированы командир 16-й лсд и командир 42-го ск.

Настоящее сообщая на Ваше распоряжение.

*Начальник отдела контрразведки Смерш 48-й армии
гвардии полковник К. Пименов*

7 августа 1943 г.».

Из воспоминаний А. Дроздова: «Война для того, кто в окопе, это не только бои. В бою в каком-то отношении проще — выскочил на бруствер, сделал шаг, другой, страх ушел куда-то в пятки, и у тебя только одна мысль: добежать до вражеской траншеи, а там будь, что будет. Война — это, прежде всего, изнурительный, изматывающий душу и тело труд. Идешь маршем, за плечами пулемет, на ногах пудовые комья глины, живот от голодухи к спине прилип, перед глазами цветные круги плывут, и в голове одна мысль — приткнуться в сухое место и хоть на пару минут уснуть. Добрались до места, а тут команда: «Окапываться!». Лопатка из рук выскальзывает, на боль в мозолях внимания не обращаешь и вгрызаешься в землю — нашу самую верную защитницу. И когда дело сделано, то высшей наградой является кружка горячего чая и краюха хлеба».

С этим утверждением Александра Александровича нельзя не согласиться. Тот, кто прошел дорогами войны, кто прослужил в армии, хорошо знает ценность обыденных, простых вещей, которым в мирной жизни не придаешь большого значения.

Во многом состояние духа войск определяли не только идеологические установки и пропагандистская работа, но и чуткое, заботливое отношение командира к нуждам своих

подчиненных. Вовремя посланные на поле боя санитарные команды, чтобы унести истекающих кровью раненных, подвезенная горячая пища, регулярная доставка почты для тех, кто сражался с врагом, являлись самым убедительным аргументом, что их жизни не являлись разменной монетой в карьере того или иного командира или ценой за взятую высоту и отбитый у противника рубеж.

В Смерше хорошо понимали значение этой важной компоненты успеха боя, и потому вопросы повседневного фронтового быта офицеров и особенно солдат постоянно находились в поле зрения контрразведчиков. Они вникали в мелочи, которые, на первый взгляд казались далекими от контрразведки и поднимали проблемы, имеющиеся в этом вопросе, на самый высокий уровень.

4 ноября 1942 года в период ожесточенных боев за Сталинград, когда решалась судьба битвы на Волге, Абакумов направил высшим руководителям Наркомата обороны Красной армии докладную записку «О недочетах в снабжении личного состава передовых частей фронта».

Он информировал:

«Особый отдел НКВД Сталинградского фронта сообщил, что в частях фронта из-за недочетов в системе снабжения имеют место систематические срывы питания личного состава передовых частей и в первую очередь красноармейского состава.

Существующая ныне система снабжения требует прикрепления частей к определенным продовольственным складам и своевременного оформления продаттестатов.

В результате такие части, как отдельные бригады, артиллерийские и минометные полки, которые в ходе боевых действий перебрасываются с одного участка фронта на другой, часто не могут своевременно оформить открепление и прикрепление на снабжении. Это приводит к тому, что части, выполняющие крупные, а иногда решающие боевые задачи, по несколько дней не снабжаются продовольствием...

Указанные выше недочеты, отражаются на своевременном снабжении частей продовольствием, вызывают отрицательные настроения среди бойцов.

Красноармеец 15-й гвардейской стрелковой дивизии Кириллов, говоря о том, что часть, в которой он находится, в течение нескольких дней не получает питания, заявляет: «Нас здесь не кормят, погибнешь не от пули, а от голода».

Красноармеец пулеметной роты 10-го батальона 1050-го стрелкового полка 62-й армии Агапов в письме своему отцу 26 сентября с. г. писал: «Нахожусь в очень плохом положении. Вот уже три дня, как я не кушал... Я лежу в окопе голодный, на спине пулемет, стрелять нет сил, хочется кушать и кушать...».

В группе бойцов 612-го гвардейского противотанкового артполка (62-я армия) красноармеец Белоусов, выражая недовольство питанием, говорил: «С питанием у нас дело неважное... Хозяйственники не заботятся о бойце. Продукты на каждом пункте выдачи «усыхают»...».

Аналогичные высказывания имеют место и в других частях.

Абакумов».

«Нет святее уз, чем узы боевого братства», — эту крылатую фразу с полным основанием можно отнести к отношениям многих контрразведчиков с армейскими офицерами и солдатами. Рожденное в боях, проверенное в испытаниях и согретое особенным духовным родством и взаимного доверия боевое братство, связывало их до конца жизни.

Из воспоминаний Е. Орлова: «Для командира, будь то война, будь то мирное время, важно знать реальное положение дел в подчиненной тебе части: уровень боевой готовности, состояние техники, средств связи, а главное — настрой личного состава, с которым предстоит идти в бой или выполнять учебно-боевые задачи. Всего, что происходит в твоих подразделениях,

даже самому опытному командиру невозможно знать, поэтому прежде, чем принять решение, выслушаешь мнение начальника штаба, других заместителей.

Особое место в этом ряду занимал сотрудник Смерша — военной контрразведки. Только недалекий, а если говорить прямо — дурак, видит в нем пугало или того, кто приставлен за тобой присматривать. Командиру, который знает свое дело и не прячется за спины подчиненных, нечего и некого бояться, он всегда сумеет выстроить деловые отношения с сотрудником контрразведки и использовать его уникальные оперативные возможности на пользу делу. А они у них есть, и еще какие. С их помощью он как бы изнутри, без всяких прикрас видит истинное положение в части, и когда тебе сообщает, что среди подчиненных завелся мерзавец — шпион или слабонервный боец задумал перебежать на сторону противника, а негодяй тыловик ворует, — это настроения не добавляет. Но лучше предупредить, чем потом расхлебывать последствия! В конце концов, по большому счету, командиров и контрразведчиков связывает одно великое дело: сохранять обороноспособность нашей армии, как зеницу ока. Аксиома: нет сильной армии — нет независимой Родины!

С этим согласится подавляющее число командиров. С контрразведчиками, а за время службы их было немало, меня связывало не только общее дела, а и настоящая мужская дружба. Человек, искренне болеющий за дело, которое тебе дорого, принципиально отстаивающий свою позицию, но вместе с тем идущий тебе навстречу, когда нарушения и недостатки не влияют на боевую готовность, как минимум вызывает симпатию.

Бывало, ситуация складывалась так, что хоть на стенку лезь. Этим с подчиненными не поделишься, начальнику не пожалуешься — командиру негоже показывать свою слабость. В таких случаях человеческое понимание и практическую поддержку нередко находил у контрразведчиков. Не припомню случая, чтобы кто-нибудь из них отмахнулся. Твои проблемы они вос-

принимали, как свои, и общими усилиями их решали. Кто-то со зла, а может, по незнанию скажет: «А, спелись». А я отвечу: «А чего в том плохого, если мы пели на одном языке — языке государственных интересов».

Из воспоминаний А. Дроздова: «Бывало, сидишь в секрете или боевом охранении. Тишина, каждый звук ловишь, чтобы фриц не подкрался. Треснула ветка, земля на дно окопа просыпалась, ты в стойку, а то, оказывается, особист к тебе пробрался. И на душе становится спокойнее — о тебе не забыли, ты не один. Обстановка позволяет, он тебя махорочкой угости, а то и сигаретой, или письмо с собой принесет, что из дома пришло. Слово за слово и разговор завяжет: про дом, про семью спросит, затем обстановкой на рубеже поинтересуется, делами во взводе. Кто-то скажет: подходец искал, чтобы компромат собрать. И не ошибется. Мы же все люди, а не деревяшки какие-то бессловесные. А раз особист к тебе по-человечески, то и ты ему тем же отвечаешь. А насчет компромата я так скажу: если ты сам порядочный, то честных людей грязью поливать не станешь. Что касается сволочей и предателей, то с ними нельзя чикаться. Промолчишь или махнешь рукой, потом себе дороже выйдет. Один такой перебежит к фрицам, и жди в ответ — артиллерия позиции накроет.

На передовой от командира и контрразведчика многое зависит. Если один бездумно погонит бойцов в атаку, а другой просмотрит шпиона или перебежчик, за это приходилось расплачиваться нам своими жизнями. Конечно, особист тебе не нянька в детском садике. Чего греха таить, их побаивались, а без этого никак нельзя на войне. Но опасались не потому, что они какие-то изверги, а из-за того, что по пустякам в контрразведку не вызывали и по головке не гладили. Если виноват, то получал сполна. А с другой стороны, где было искать защиту от дуболома-командира, ворюги-тыловики или арапистого политрука, как не у контрразведчиков, и находили. Каждый должен делать свое дело на совесть и от этого всем будет лучше».

С такой же теплотой, как Орлов и Дроздов, вспоминали и писали о суровой военной године, напряженных мирных буднях, крепкой армейской дружбе, которой они остались верны до конца, и военные контрразведчики. На страницах книг И. Устинова («На рубежах исторических перемен. Воспоминания ветерана спецслужбы. Издательство «Кучково поле», 2008 г.») и его боевого соратника генерал-лейтенанта Ю. Николаева («Будни военного контрразведчика». Издательство «Русь». 2005 г.) содержатся десятки таких примеров.

«Большое сито» Смерша

15 сентября 1938 года под Мюнхеном, в резиденции рейхсканцлера Германии Берхтесгаден, состоялась встреча А. Гитлера с премьером Великобритании Н. Чемберленом. В ходе переговоров британская сторона, надеясь умиловить воинственную фашистскую верхушку, отдала ей на растерзание Чехословакию. Бросив эту «кость» алчному хищнику, в Лондоне, Париже и Вашингтоне смирились, когда он нацелился на больший кусок — Польшу, рассчитывая, что кровавое колесо войны покатится на восток и раздавит ненавистную им большевистскую Россию.

1 сентября 1939 года Германия вероломно напала на Польшу. 17 сентября, в соответствии с секретными советско-германскими договоренностями, по решению правительства СССР части Красной армии перешли польскую границу и заняли территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

Основные силы польской армии в бой с советскими войсками не вступали и целыми соединениями добровольно складывали оружие. Ко 2 октября было интернировано 452 536 человек, из них 18 789 офицеров. СССР и Польша не находились в состоянии войны, но советское руководство не обратило внимание на эту «мелочь», и около 130 тысяч польских военнослужащих оказались в лагерях для военнопленных.

Органы безопасности заблаговременно готовились к работе с ними. Взамен устаревшему «Положению о военнопленных», утвержденному ЦИК и СНК СССР еще 19 марта 1931 года, НКВД подготовил проект нового. 20 сентября 1939 года он был одобрен Экономическим советом при СНК, но Совнарком затянул его принятие.

Энергичный и деятельный нарком НКВД СССР Л. Берия не стал ждать, и 19 сентября 1939 года приказом № 0308 «Об организации лагерей военнопленных» предписал: создать Управление по военнопленным и определил его штат из 58 человек.

К 10 июня 1941 года в составе управления числилось восемь лагерей, в них содержалось 27 435 польских и 179 французских военнопленных. Советско-финская война 1939–1940 гг. практически не отразилась на их числе. В плен попало лишь 1100 финнов, и те после заключения мира возвратились на родину.

С началом Великой Отечественной войны деятельность управления не претерпела существенных изменений — лагеря пустовали. После победы Красная армия под Сталинградом фильтрационная работа среди иностранных военнопленных приобрела невиданный по своим масштабам размах. Ведущая роль в ее организации принадлежала Управлению особых отделов НКВД СССР — ГУКР НКО Смерш СССР.

Через «Большое сито» проверок особистов-смершевцев прошло 5 016 935 военнопленных. В процессе фильтрации контрразведчикам удалось выявить настоящую тайную армию сотрудников спецслужб противника и их агентов, ушедших в глубокое подполье. Десятки тысяч военных преступников были изобличены и понесли справедливое наказание. Значительный вклад органы Смерша внесли в успех ряда сражений советских войск, своевременно добывая через военнопленных ценную разведывательную информацию.

Все это было еще впереди. А тогда, в первые дни войны, органы НКВД предприняли попытку развернуть 30 приемных пунктов для военнопленных, но возможностей хватило только на 19, да и те пустовали. Воевать пришлось не там, где намечал главный военный стратег Сталин, а на своей территории.

1 июля 1941 года СНК СССР, наконец, утвердил «Положение о военнопленных». Основные его пункты соответствовали Женевской конвенции 1929 года и гарантировали жизнь военнопленным, необходимое медицинское обслуживание

их и даже отдых. Однако требования Положения и приказов наркома НКВД № 0308 и № 00248 1940 года, определявшие порядок работы военнопленных на предприятиях Союза ССР, выполнять фактически было нечем и нечем. Железные клинья танковых армий Гудериана и Готта разрывали на части оборону Красной армии и стремительно продвигались вглубь страны. К концу августа, ставшего поистине роковым в истории России, свыше полутора миллионов советских военнослужащих оказались во вражеском плену.

Наконец наступила холодная осень, и закончилась это бесконечно долгое и страшное лето сорок первого. Гитлеровские войска потеряли былой темп наступления. Блицкриг провалился. Красная армия, которая, как казалось в Берлине, перестала существовать, восстала из пепла, и оказывала упорное сопротивление. На отдельных участках ее соединения переходили в контрнаступление. В плен все чаще попадали не только рядовые, но и офицеры гитлеровских войск. К 1 января 1942 года их численность составляла 9 тысяч, а после поражения вермахта под Сталинградом возросла до 151 246, в их числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Всего с 22 июня 1941 по 8 мая 1945 года советские войска пленили 4 млн 377,3 тыс. военнослужащих противника.

После разгрома Квантунской армии их число увеличилось на 639 635 человек, но не все взятые в плен направлялись в лагерь. На завершающем этапе войны после первичной проверки значительная часть пленных репатриировалась на родину. В общей сложности из прифронтовой полосы возвратилось домой 680 000 человек из числа бывших военнослужащих гитлеровской армии и 64 888 — армии Японии. Более 183 000 человек было отправлено на родину даже без оформления на них документов на репатриацию.

Наряду с военнопленными на территории стран Восточной Европы, освобожденных от фашизма, в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу наступавших советских войск были интернированы и помещены в лагерь 208 239 че-

ловек, «способных носить оружие», и 61 573 функционера низовых фашистских партийных и административных органов.

Для содержания военнопленных на территории СССР и других государств, освобожденных от оккупации, помимо 24 фронтовых приемно-пересыльных лагерей, были сформированы и действовали 72 дивизионных и армейских пересыльных пункта, более 500 стационарных лагерей, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан.

Первичную проверку и фильтрацию большая часть военнопленных проходила на дивизионных и армейских приемно-пересыльных пунктах, которые располагались в полосе действий каждой армии на глубине 30–40 километров. В последующем основная работа с ними проводилась во фронтовых лагерях, находившихся на расстоянии 150–200 километров от передовой. В зависимости от обстановки их количество и вместимость менялись. Так, в период наступательных операций в январе — марте 1945 года на 2-м Украинском фронте было развернуто пять приемно-пересыльных лагерей, а на 3-м и 4-м фронтах — по три.

В этих лагерях органами Смерша осуществлялась глубокая и всесторонняя проверка военнопленных. В полном объеме использовались имеющиеся оперативно-технические возможности, проводились необходимые агентурные и следственные мероприятия, направленные на выявление сотрудников спецслужб противника, изобличение военных преступников, подготовку условий для внедрения завербованной агентуры в подразделения абвера и «Цепелина», а также добывалась разведывательная информация.

Основная тяжесть фильтрационной работы легла на плечи сотрудников 2-го отдела ГУКР НКО Смерш СССР, выступавших координаторами деятельности управлений фронтов в работе среди военнопленных, а также осуществлявших их информационное обеспечение и принимавших активное участие в проверке перспективных дел.

В июне 1943 года отдел возглавил и до конца войны руководил его работой полковник С. Карташов. Феноменальная память Сергея Николаевича и невероятная работоспособность поражали даже немало повидавших на своем веку контрразведчиков. Он наизусть знал материалы многих дел, помнил сотни имен, фамилий и кличек разоблаченных сотрудников и агентов противника.

Ежедневно им готовились и направлялись руководству Смерша, Генерального штаба и в другие высшие инстанции десятки докладных и оперативных сводок, а в управления фронтов уходили распоряжения и ориентировки. В период наступления советских войск он неделями не покидал своего кабинета — анализировал поступающую информацию, выработывал рекомендации и совместно с контрразведчиками на местах обеспечивал их реализацию.

В работе среди военнопленных главное внимание Карташова, его подчиненных, оперативников и следователей было сосредоточено на решении контрразведывательных задач. В этой, уже не воюющей, многомиллионной армии бывших военнослужащих гитлеровской Германии и милитаристской Японии таились тысячи сотрудников спецслужб, которые все еще оставались опасными. Завербованная и подготовленная ими агентура продолжала стрелять в спину бойцам и командирам Красной армии, мешала восстановлению мирной жизни на освобожденных территориях.

То была тяжелая и изнурительная борьба с сильным и коварным противником, для которого не существовало секретов в разведке и контрразведке. Бывшие сотрудники абвера и «Цеппелина», полиции безопасности, СД и ГФП — тайная полевая полиция (нем. *Geheime Feldpolizei*; GFP), имевшие за плечами многолетний опыт нелегальной работы и десятки успешно проведенных операций, боролись до конца. Им было что терять. В случае разоблачения их неминуемо ждал суд военного трибунала, а тот не скупился на смертные приговоры.

Основным оружием военных контрразведчиков в борьбе с ними стали профессионализм и агентура. С течением времени Карташову и его подчиненным в короткие сроки удалось создать эффективную систему поиска среди военнопленных сотрудников вражеских спецслужб и их агентуры. В ее основе лежала хорошо поставленная работа с негласным аппаратом. С его помощью осуществлялась проверка подозреваемых, проводились наиболее острые и сложные оперативные мероприятия. Полученные через агентуру материалы в последующем использовались для легализации и документального закрепления фактов шпионской, диверсионной и террористической деятельности разрабатываемых лиц. В спецсообщениях и докладных управлениях Смерша фронтов работа с агентурой и результаты ее использования среди военнопленных стояли на одной из первых позиций.

В частности, по результатам проведенной фильтрационной работы в июле 1944 года начальник Управления Смерш фронта генерал А. Вадис докладывал в Главк:

«Совершенно секретно.

*Начальнику Главного управления контрразведки Смерш
комиссару госбезопасности 2 ранга
товарищу Абакумову*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Об итогах агентурно-оперативной работы на сборно-пересыльных пунктах и среди военнопленных армий противника

В результате работы с агентурой и следственной проработки спецконтингента на сборно-пересыльных пунктах и среди военнопленных в июле с. г. арестовано 12 агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника.

Изъятая агентура по принадлежности к органам распределяется:

Германской разведки — 1

Румынской разведки — 5

Румынской контрразведки — 5

Венгерской разведки — 1.

При их агентурной разработке и последующей следственной проработке установлено...».

По мере роста потока военнопленных, поступающих на сборно-пересыльные пункты органов Смерша, все более возрастающую роль в деятельности 2-го отдела и его подразделений на местах приобретала информационно-аналитическая работа. Разработанные Карташовым и его подчиненными системы учета и накопления, добытых на военнопленных данных, позволяли оперативно осуществлять обмен сведениями между центральным аппаратом и третьими отделениями двух отделов управлений Смерша фронтов. При тех гигантских изменениях, что происходили на фронтах, и массовых перемещениях военнопленных по лагерям запросы и ответы на них занимали всего нескольких суток, а в экстренных случаях — часов. В результате существенно возросли качество и оперативность проверок подозреваемых лиц.

В поисковой работе в потоке военнопленных результативным оказалось использование агентов-опознавателей. Захваченные во время проведения чекистско-войсковых операций и радиоигр вражеские агенты и диверсанты хорошо знали в лицо своих хозяев из абвера и «Цеппелина», а также сослуживцев по разведшколам и курсам. После перевербовки они широко применялись в их розыске. В последние месяцы войны эффективность этой работы настолько возросла, что при каждом лагере были созданы специальные группы агентов-опознавателей, численность которых достигала 10 человек. В конце 1944 и начале 1945 годов только Управлению Смерш Ленинградского фронта с их помощью удалось выявить 54 вражеских агента.

Все эти меры не замедлили сказаться на результатах поисковой работы. Список разоблаченных сотрудников спецслужб неуклонно рос. Тайная паутина разведывательных и диверсионных школ противника постепенно проступила перед кон-

трразведчиками. С конца 1943 года в сети Смерша все чаще стали попадать кадровые сотрудники гитлеровских спецслужб.

В сентябре 1943 года в поле зрения контрразведчиков 2-го отдела Управления Смерш Южного фронта оказался военнопленный — бывший лейтенант гитлеровской армии Ритц. Первичная информация на него поступила от агента, опознавшего в нем офицера «Цепелина», с которым встречался в штаб-квартире при Южной группировке фашистских войск. Ритц пытался убедить агента в том, что тот обознался. Ему это не удалось.

Первичная наводка агента для сотрудников Смерша явилась основанием для взятия Ритца в активную оперативную разработку. В ходе ее проведения им удалось получить дополнительные документальные материалы, подтверждающие его причастность к германским спецслужбам. На последующих допросах он признался в своей принадлежности к «Цепелину» и подробно рассказал о его структуре, указал места дислокации основных центров и назвал фамилии их руководителей. В результате военные контрразведчики получили сведения о 17 кадровых сотрудниках и 25 агентах и диверсантах, заброшенных или готовившихся к высадке в тыл советских войск.

7 августа 1944 года после короткого боя на правом берегу реки Прут в плен попала группа румынских военнослужащих. В их числе находился раненый майор без каких-либо документов. Их отсутствие указывало на то, что ему было что скрывать от контрразведчиков Управления Смерш 3-го Украинского фронта.

Пока майор приходил в себя, они допросили остальных военнопленных. Те долго не запирались и указали на двоих — Маринеску и Нацеску — как сотрудников румынской разведки. При обыске у них обнаружили шифроблокноты и коды. С такими уликами им ничего другого не оставалось, как сознаться и назвать имя своего начальника — руководителя разведцентра «Н» 2-й секции Генштаба румынской армии Ботезату.

Им-то и оказался раненый майор. Он выжил, и в дальнейшем дал ценные показания, касавшиеся не только структуры раз-

ведцентра, но и всех контрразведывательных и разведывательных органов Румынии, раскрыл три резидентуры, оставленные на освобожденных территориях Молдавии и Одесской области, назвал ценную агентуру, находившуюся у него на личной связи.

Этим же управлением в сентябре 1944 года во фронтовом лагере № 22 агентурным путем было установлено, что унтер-офицер Остермайер до его перевода в состав 219-го полевого резервного батальона проходил службу в абвергруппе-253 и принимал участие в осуществлении диверсий не только на территории Советского Союза, но и в Италии.

На допросе в управлении Остермайер дал развернутые показания о составе абвергруппы-253 и абверкоманды-212. Значительный интерес для контрразведчиков представляли сообщенные им сведения об объектах на территории Советского Союза и Италии, где планировалось осуществление диверсий, а также об операции гитлеровских спецслужб по закладке на территории Северной Италии 150 тайных складов с взрывчаткой. Назвал Остермайер и фамилии-клички ряда агентов, которым предстояло осуществить эти диверсии.

Вместе с тем в дивизионных и армейских приемно-пересыльных пунктах, а нередко и во фронтовых лагерях, ввиду большой текучести оперативного состава, отсутствия квалифицированной агентуры из числа военнопленных, а также недостаточного практического опыта у ряда сотрудников в осуществлении оперативных разработок, не всегда удавалось выявлять профессионалов из абвера и «Цепелина».

В связи с этим отдельные управления фронтов, стремясь сгладить недостатки в работе, представляли в ГУКР НКО Смерш СССР пространные докладные и спецсообщения «О настроениях среди военнопленных немецко-фашистских войск», «О высказываниях военнопленных о действиях англо-американской авиации и положении в германском тылу», «О реагировании германских офицеров и солдат на угрозу вторжения англо-американских войск в Европу и оценки ими дальнейших перспектив для Германии» и т. п.

В других случаях в отсутствие собственной разведывательной информации, полученной от военнопленных, некоторые руководители использовали то, что получало командование, и пытались выдать их данные за свои.

В частности, при допросе военнопленного Рудольфа Майера контрразведчики Управления Смерш Центрального фронта получили сведения о новом самоходном штурмовом орудии «Фердинанд», местонахождении завода-изготовителя, а также системе его охраны. Добытые материалы генерал Вадис тут же доложил в Москву.

Совершенно секретно
Начальнику Главного управления контрразведки НКО Смерш
комиссару государственной безопасности 2 ранга
тов. Абакумову
г. Москва

Направляется протокол допроса военнопленного германской армии, водителя самоходного штурмового орудия 654-го противотанкового истребительного дивизиона тяжелых штурмовых орудий Адольфа Майера.

Адольф Майер, среди прочих показаний, дал подробные сведения о самоходных штурмовых орудиях типа «ФЕРДИНАНД», недавно поступивших на вооружение германской армии, указал точную дислокацию завода, производящего данные орудия, дал описание этого завода, его охрану и противовоздушную оборону.

Кроме того, рассказал о настроениях солдат его подразделения и оценке ими нашей пропаганды.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту (не публикуется. — Ред.).

Начальник Управления контрразведки НКО Смерш
Центрального фронта
генерал-майор Вадис

14 июля 1943 года

№ 2/10487

Исп. 3-е отделение».

В сообщении сведений, изложенных в этой докладной записке, а также информации, добытой в ходе допроса военнопленного Франкенфельда (докладная записка от 17 июля 1943 г. № 2/11251), контрразведчики оказались не первыми. Такие же сведения Майер и Франкенфельд сообщили советскому армейскому командованию. И здесь злую шутку с Вадисом и его подчиненными сыграл пресловутый принцип: «Кто первым доложил — тому и награда». На этот раз он не сработал. Военные доложили первыми, и вместо благодарности генерал Вадис получил серьезный разнос.

Реакция Абакумова была предельно жесткой. В данном и других подобных случаях он требовал от подчиненных не подменять армейские разведывательные и политические органы, а сосредоточивать основное внимание на решении главной контрразведывательной задачи — выявлении среди военнопленных сотрудников специальных служб и их агентуры. Что касается доклада Вадиса, то по нему 2-м отделом ГУКР НКО Смерш было подготовлено письменное указание и разослано во всем фронтовые управления.

«Совершенно секретно

Экз. № 1

*Начальнику Управления контрразведки Смерш Центрального фронта
генерал-майору тов. Вадис*

Обращаю Ваше внимание на ряд недостатков, допущенных Управлением Смерш Центрального фронта в работе с военнопленными противника.

1. Из материалов Вашей докладной записки № 2/11251 от 17 июля 1943 года видно, что Управление Смерш Центрального фронта в работе с военнопленными подменяет зачастую р[азвед] отдел штаба фронта и органы Политуправления, занимаясь сбором сведений войскового и пропагандистского характера, что не входит в задачи Управления контрразведки.

В докладной записке приведены показания военнопленных МАЙЕРА и ФРАНКЕНФЕЛЬДА, полученные от Вас после опубликования их в центральной печати.

2. Управление Смерш Центрального фронта не уделяет необходимого внимания контрразведывательной работе среди военнопленных, что является первоочередной задачей нашей работы с этим контингентом.

В докладной записке отсутствуют какие-либо данные, свидетельствующие о работе с военнопленными по вскрытию разведывательных и контрразведывательных органов противника, действующих против Центрального фронта, их структуре, деятельности, личном составе.

Неясно также, каких результатов добилось Управление Смерш по выявлению агентурной обстановки в тылу противника, т[ак] к[ак] Вы ограничились общей постановкой вопроса.

Необходимо в последующих вопросах сообщать о методах агентурно-следственной работы с военнопленными, держать нас в курсе интересных разработок.

*Начальник Г[лавного] управл[ения] контрразведки Смерш
комиссар госбезопасности 2 ранга (Абакумов)*

*Начальник 2-го отдела Гл[авного] упр[авления] контрразведки
мерш полковник (Карташов)».*

Подобные случаи не носили системный характер и в целом не портили общей положительной картины работы органов Смерша на этом участке. С каждым месяцем совершенствовалось мастерство военных контрразведчиков, и накапливался положительный опыт.

К началу 1944 года в результате агентурно-оперативной и следственной работы среди военнопленных было выявлено немало сотрудников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника, получены ценные сведения о структуре, формах и методах подрывной деятельности немецко-фашистской, японской и других вражеских разведок, добыты материалы об их агентах, действовавших в войсках Красной армии и советском тылу.

На основе этих сведений, а также данных, полученных в результате внедрения агентуры в подразделения абвера и «Цеппелина», проведенных радиоигр, в 1944 году ГУКР НКО Смерш СССР подготовило и разослало в управления фронтов сборник «Материалов об органах германской военной разведки, действующих на советско-германском фронте». На местах он активно использовался в выявлении и изобличении вражеской агентуры.

Всего за время войны контрразведчики в ходе фильтрации военнопленных выявили свыше двух тысяч бывших сотрудников разведывательных органов и других специальных служб фашистской Германии, около 900 — Японии. В их числе оказались лица, занимавшие видные руководящие посты в абвере — бывшие начальники отделов: агентурной разведки за границей — генералы Ханзен и Пиккенброк; организации диверсий, саботажа и террора — генерал фон Лахузен; контрразведки — генерал Бамлер, а также заместитель начальника организации «Цеппелин» Грауэр.

Не менее эффективно действовали контрразведчики на дальневосточном направлении.

За период с 9 августа по 18 сентября 1945 года только одним Управлением Смерш Забайкальского фронта в ходе фильтрационной работы среди японских военнопленных, а также действий 35 оперативно-розыскных групп, созданных из числа оперативного состава, было выявлено официальных работников так называемой японской военной миссии (разведки) в Маньчжурии — 317, ее агентов — 349, сотрудников жандармерии — 569, руководителей и активных участников «Российского фашистского союза» — 303, разведчиков Красной армии, перевербованных японской разведкой — 10. К окончанию боевых действий таковых насчитывалось 2249 человек. Среди них глава японской военной миссии генерал-лейтенант Янагита, начальник 2-го отдела (разведка) штаба Квантунской армии полковник Сабуро со своим заместителем подполковником Кумазаки.

Наряду с решением главной контрразведывательной задачи, связанной с выявлением и разоблачением сотрудников спецслужб противника и их агентуры, органами Смерша в процессе работы среди военнопленных добывалась ценная разведывательная информация. На ее основе правительством СССР и Ставкой Верховного главнокомандования принимались важные политически и военные решения.

Только в мае — июле 1943 года отделами управлений Смерш Брянского, Центрального и Воронежского фронтов в ходе допросов военнопленных и их последующей агентурной разработки было получено свыше 30 информации разведывательного характера.

28 мая 1943 года в управление доставили немецкого перебежчика из 86-й пехотной дивизии Шаафта. То, что он сообщил на допросе старшему оперуполномоченному 3-го отделения 2-го отдела лейтенанту Тарабрину, а затем начальнику Управления Смерш Центрального фронта генералу Вадису, вызвало у них гнев, а затем подозрения в том, что это очередная грандиозная провокация абвера. Но чем дальше говорил Шаафт, тем очевиднее становилось, что гитлеровцы готовятся к применению химического оружия.

Шаафт обладал феноменальной памятью, и без запинки называл места дислокации заводов и армейских складов, на которые завозились химическое оружие и отравляющие вещества. Его показания через несколько дней подтвердил другой военнопленный. Их перекрестный допрос и последующая оперативная разработка показали, что Шаафт не является агентом абвера, а сообщенные им сведения достоверны. В тот же день на имя Абакумова была направлена срочная докладная записка.

Другая разведывательная информация позволила вскрыть оперативно-тактический план гитлеровского наступления на курском направлении. Накануне одной из решающих битв в Великой Отечественной войне напряжение в советских и фашистских штабах достигло наивысшего накала. Слишком велика была цена успеха в предстоящем сражении. В той ситуа-

ции даже отрывочные данные, раскрывающие тайные замыслы противника, для советского командования представляли несомненный интерес.

5 июля 1943 года огнем зенитной артиллерии был сбит гитлеровский самолет-разведчик. В плен попали оба летчика — Шрамм и Гайль. Молниеносные действия красноармейцев не позволили им уничтожить документы. Карта с условными пометками сразу привлек внимание дивизионных контрразведчиков.

Пленных немедленно отправили в Управление Смерш фронта. После недолгих допросов в 4 часа утра они признались в проведении аэроуразведки расположения советских войск и, спасая свои жизни, сообщили о численности и составе ударной группировки гитлеровцев, участвующей в наступлении на Курск. В 4.30 генерал-майор Вадис по ВЧ-связи немедленно доложил об этом Абакумову.

Всего за годы войны контрразведчики Смерша совместно с сотрудниками других управлений органов государственной безопасности в ходе работы среди военнопленных добыли и передали в правительственные инстанции и военному командованию свыше 6000 различных разведывательных документов.

Тяжелым испытанием для сотрудников Смерша стала работа по выявлению и разоблачению среди пленных военных преступников. Она потребовала от них не только высочайшего профессионализма, но и большого гражданского мужества. Оперативники и следователи в ходе очередной проверки или разработки вынуждены были вместе с палачами и их безвинными жертвами проходить все девять кругов фашистского ада.

В невзрачных томах оперативных и уголовных дел, в скупых строчках запросов и протоколов допросов, актах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников было засвидетельствовано столько людского горя, страданий и слез, что их не вместило бы и самое большое море. Месяцами,

а порой годами, контрразведчики добывали доказательства их преступной деятельности.

В годы войны и послевоенный период органами Смерша во взаимодействии с другими управлениями органов безопасности было выявлено свыше 80 тысяч военных преступников. В отношении 37 тысяч в процессе совместной кропотливой проверки оперативных работников и следователей удалось добыть материалы, разоблачающие их преступную деятельность.

Эта работа во многом способствовала изобличению главных военных преступников нацистской Германии и милитаристской Японии, представших перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге и Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, а также привлечению к уголовной ответственности их сообщников по агрессии на судебных процессах в Японии, Финляндии, Румынии и других государствах.

В разоблачении главных военных преступников большую роль сыграли заявления военнопленных генералов бывшей гитлеровской армии, опубликованные в печати и переданные в распоряжение советских обвинителей. Этому способствовали и выступления на Нюрнбергском процессе фельдмаршала Паулюса, генералов Бушенгагена, фон Фалькенштейна, Краппе, генерал-майора медицинской службы вермахта профессора Шрейберга и др.

Давно уже отгремели последние залпы войны. В парадном строю по брусчатке Красной площади прошли советские маршалы, генералы, офицеры, солдаты и матросы — главные творцы Великой Победы. Многие из них вернулись к мирной жизни, которая так и не наступила для военных контрразведчиков. Они продолжали незримую войну с теми, кто совершал злодеяния на оккупированных территориях и оставил после себя глубоко законспирированную агентурную сеть, до весны 1950 года, когда закончилась репатриация военнопленных.

«Чистилище»

С первого дня войны органам военной контрразведки, наряду с выявлением и ликвидацией шпионов, диверсантов и террористов, наводнивших ряды отступающей Красной армии, пришлось развернуть масштабную фильтрационную работу среди советских военнослужащих, вышедших из окружения и бежавших из фашистского плена.

В условиях непрерывных атак противника и постоянно меняющейся линии фронта, когда глубокий тыл внезапно становился передовой, а каналы связи с вышестоящими штабами оказывались в руках групп вражеских диверсантов, руководящему и оперативному составу военной контрразведки приходилось разворачивать фильтрационную работу прямо во фронтовых условиях. В наспех отрытых землянках, в лесу под открытым небом или среди развалин они проводили опросы окруженцев, чтобы выявить среди них внедренную агентуру абвера.

В отсутствии стабильного и надежного негласного аппарата, централизованного банка данных на проверяемых лиц, основным оружием контрразведчиков стали профессионализм и интуиция. Рискуя попасть на двурушника, они восстанавливали связь с войсковой агентурой, дополнительно приобретали новых источников информации среди окруженцев и тут же задействовали их в проверке военнослужащих, на которых поступала первичная информация, указывающая на возможную причастность к гитлеровским спецслужбам.

Летом — осенью 1941 года только отделами военной контрразведки Западного фронта в результате фильтрационной работы среди вышедших из окружения бойцов и командиров Красной армии было выявлено свыше 1000 вражеских агентов.

Одновременно десятки тысяч человек, пройдя проверку, пополнили ряды советских войск.

Так продолжалось до начала зимы 1941 года. Затем напряженность и интенсивность фильтрационной работы спала в связи со стабилизацией положения на фронтах.

После победы Красной армии под Сталинградом и началом широкомасштабного наступления советских войск на Северном Кавказе она стала непрерывно нарастать.

Весной 1943 года, к моменту образования Смерша, в структуре органов военной контрразведки сложилась устойчивая и эффективно действующая система фильтрации среди бывших советских военнослужащих и граждан, угнанных на принудительные работы в Германию. Организатором и координатором этой работы выступал 2-й отдел ГУКР НКО Смерш (руководитель — полковник С. Карташов). В боевых порядках советских войск ее осуществляли третьи отделения вторых отделов управлений Смерш фронтов, и завершалась она в лагерях НКВД.

Первичная проверка бывших советских военнослужащих и граждан, находившихся на принудительных работах в Германии, а также лиц из числа русской эмиграции проводилась на армейских сборно-пересыльных пунктах (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП). Их число не было постоянным и колебалось в зависимости от обстановки на фронтах и количества поступающего так называемого спецконтингента. Так, весной 1943 года, во время наступления Красной армии на Северном Кавказе, существовало всего два СПП. В мае 1945 года только на одном 3-м Украинском фронте их действовало десять.

Армейские СПП и фронтовые ПФП не имели строго определенного штата руководящего и оперативного состава. Они формировались, исходя из обстановки. Работа на них проводилась последовательно. На первом этапе основные усилия контрразведчиков были сосредоточены на выявлении лиц, связанных с иностранными спецслужбами, причастных

к совершению военных преступлений, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами. На каждое проверяемое лицо открывалось фильтрационное (учетное) дело, в котором содержались протоколы опроса (допроса) и заключение по результатам фильтрации. В отношении подозреваемых во враждебной деятельности заводилось дело-формуляр. В него, помимо анкетных данных и опросных листов, приобщались материалы оперативного характера. После завершения проверки на СПП и ПФП подавляющая часть лиц, прошедших фильтрацию, направлялись в части Красной армии.

Так, за период с 1 февраля по 4 мая 1945 года на десяти СПП Управлением Смерш 3-го Украинского было проверено в общей сложности 58 686 человек. Из них: 16 456 человек — бывшие военнослужащие Красной армии и 12 160 советских граждан призывного возраста, находившихся на принудительных работах в Германии. По результатам фильтрации 24 324 человека призвали в армию через полевые военкоматы. 1117 граждан других государств, на которых отсутствовали компрометирующие данные, репатриировали на родину, а 17 361 человек, не подлежавших призыву в армию, возвратились к себе домой. Остальные временно использовались на различных работах.

Оставшиеся 378, не прошедшие через фильтрационное «сито» Смерша и на которых поступили данные, указывающие на их связь с иностранными спецслужбами, запятнавшие себя службой в так называемой Русской освободительной армии (РОА) изменника генерала А. Власова и причастные к воинским преступлениям, были взяты в активную оперативную разработку.

Следующий этап фильтрационной работы органов Смерша продолжался во фронтовых ПФЛ и основывался на материалах, добытых в процессе первичной проверки. По времени он занимал полтора — два месяца, что позволяло контрразведчикам в полном объеме использовать весь имеющийся в их распоряжение арсенал сил и средств: негласный аппарат,

оперативно-технические средства, агентов-опознавателей. Основное внимание оперативного состава и следователей сосредотачивалось на получении документальных материалов, подтверждающих причастность подозреваемых лиц к тем или иным преступлениям.

За каждым из дел оперативной проверки стояла кропотливая и напряженная работа органов Смерша. По ее результатам из управлений фронтов, военных округов ежемесячно направлялись докладные в ГУКР НКО Смерш. Основной акцент в них делался на состояние агентурно-оперативной деятельности и ее эффективности по выявлению вражеских агентов и гитлеровских пособников. В отдельном приложении к докладной записке излагалось существо добытых на них материалов.

«Совершенно секретно.»

НКО СССР

Управление контрразведки Смерш

Московского военного округа

Начальнику Главного управления Смерш НКО

комиссару государственной безопасности 2 ранга

товарищу Абакумову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

*О фильтрации бывших военнопленных,
прибывших из Финляндии*

На № 77241 от 6 ноября 1944 года.

На 11 декабря с. г. в лагере 36-й дивизии конвойных войск НКВД (с. Богородское, Моск[овской] обл.) профильтровано 2321 чел. из общего числа 2500 бывших военнослужащих Красной армии, вернувшихся из финского плена.

Из числа проверенных:

а) передано командованию 36-й дивизии — 1186 чел.

б) направлено в спецлагеря — 187 чел.

в) арестовано — 21 чел.

Кроме того, из числа проверенных:

а) подлежит передачи командованию — 626 чел.

б) направлено в спецлагеря — 283 чел.

в) подрабатывается на арест — 18 чел.

13 декабря с. г. фильтрация оставшихся 179 чел. будет закончена.

Из числа арестованных:

а) шпионов — 5

б) изменников Родины — 7

в) активных пособников — 9...».

При получении свидетельских показаний, документальных данных о преступной деятельности подозреваемого к его разработке подключались следователи Смерша. Шпион, гитлеровский пособник оказывался под таким прицелом контрразведки, что рано или поздно «прокальвался» перед умело подведенным к нему агентом-разработчиком или осведомителем, «засвечивался» в розыскном списке, «всплывал» из тайных архивов гитлеровских спецслужб, захваченных оперативно-боевыми группами Смерша.

Только за один месяц — май 1945 года — управлениями контрразведки Смерш 1-го, 3-го Украинского и Ленинградского фронтов было выявлено и разоблачено 159 агентов гитлеровских спецслужб, 667 лиц, служивших в вермахте и частях РОА. Результаты этой интенсивной и наряженной работы контрразведчиков в докладных записках и спецсообщениях занимали всего несколько страниц, а существо материалов, полученных на фигурантов, вмещалось в один абзац, подобный этому: «Через агента-опознавателя «Учащийся» (быв[ший] военнослужащий РОА) на СПП 4-й Ударной армии был опознан агент немецкой разведки Голиков Д. И...».

Под давлением неопровержимых доказательств Д. И. Голиков дал показания. А дальше контрразведчики Управления Смерш Ленинградского фронта звено за звеном раскрыли всю шпионскую сеть абвергруппы-212 и вышли на ее руководителя — А. Зардыньша. Он и еще семь агентов, как установили кон-

трразведчики, были оставлены гитлеровцами на «...оседание в тылу Красной армии, чтобы заниматься диверсиями, террором против офицеров Красной армии. Вести разведку предприятий и других военных объектов. Для выполнения этого задания его группе было выдано оружие, гранаты и боеприпасы...». Так докладывал Абакумову о результатах проделанной работы начальник управления генерал А. Быстров.

По мере продвижения советских войск к главной цели — Берлину объем и напряженность фильтрационной работы стремительно нарастали. Перед военными контрразведчиками проходили сотни тысяч, а в весенние месяцы 1945 года — миллионы советских военнопленных и граждан, угнанных на принудительные работы в Германию. Для бывших командиров и бойцов Красной армии, испытавших горечь поражения первых месяцев войны, выживших в нечеловеческих условиях гитлеровского заключения и сохранивших верность Родине, допросы с пристрастием смершевцев казались оскорбительными и несправедливыми. Это «чистилище» являлось для них не меньшим испытанием, чем фашистский плен.

Они рвались в бой, чтобы поквитаться с врагом за перенесенные пытки и унижения, за разоренные домашние очаги, за смерть родных и близких, но свои отказывали им в этом праве. Еще большим оскорблением для них являлось то, что рядом на лагерном плацу или на соседних нарах находились те, кого они люто ненавидели и презирали: надсмотрщики и палачи из расстрельных лагерных команд, власовцы и полицаи. Здесь, на родной земле за колючей проволокой, они томились вместе: жертвы и палачи, герои и предатели. Бывшие летчики, танкисты, артиллеристы, отважные разведчики не скупались на крепкие слова и в порыве праведного гнева срывались, как им казалось, на бездушных контрразведчиков. Но эта невольная боль, которую сотрудники Смерша причиняли им, была оправдана.

Гитлеровские агенты, каратели, власовцы и вся та нечисть, что прибилась к фашистам, страшась расплаты за содеянное,

подобно хамелеонам, спешили сменить окраску и рядились в одежды своих жертв. Они надеялись раствориться в многомиллионном потоке, хлынувшем из ворот лагерей смерти и тюрем.

17 октября 1944 года передовой батальон советских войск вошел на территорию лагеря военнопленных № 2. Среди узников, с радостью встретивших своих освободителей, находился бывший рядовой 95-го стрелкового полка И. Стариков. Его история, которую он поведал сотруднику Смерша, на первый взгляд, не отличалась от десятка других, что тот выслушал за день.

14 октября 1941 года, по словам Старикова, он в составе разведгруппы отправился в тыл противника, чтобы добыть языка, и там попал в засаду. В перестрелке был ранен и оказался в плену. Несмотря на голод, холод и унижения, он выстоял и теперь готов с оружием в руках сражаться с врагом. А счет у Старикова с ним, как позже выяснилось, был особый.

При последующей фильтрации на сборно-пересыльном пункте старший оперуполномоченный Управления Смерш Московского военного округа капитан А. Махотин обратил внимание на ряд нестыковок в объяснениях Старикова и начал его разработку. Интуиция не подвела опытного контрразведчика. Вскоре нашелся живой свидетель — командир той самой разведгруппы, что отправлялась за языком, — сержант Воронин. Он развеял героический образ Старикова и рассказал о его предательстве и добровольной сдаче в плен.

Но то была только одна часть правды; другая, еще более страшная для Старикова, вскоре стала известна Махотину. В руки контрразведчиков попали архивы финской спецслужбы, и перед ними открылся матерый агент противника «Сергей» — Стариков. После сдачи в плен он инициативно предложил свои услуги разведке и был направлен на учебу в разведывательно-диверсионную школу в Петрозаводске. После ее окончания в составе специального отряда его перебросили в район Мурманска для проведения разведки и осуществления диверсий на железной дороге. По возвращении Стариков в ка-

честве вербовщика ездил по лагерям и склонял военнопленных к сотрудничеству с финской разведкой. Только в одном Паркинском лагере «Сергей» — Стариков завербовал 22 человека. Последнее задание — под видом военнопленного внедриться в ряды Красной армии — выполнить ему не удалось.

Число таких, как Стариков и Зардыньш, стремительно нарастало. Этому способствовали захваченные контрразведчиками архивы абвера и «Цепелина», а также перевербованные агенты-опознаватели. Спасая свою шкуру, они выискивали предателей, пытавшихся затеряться среди бывших советских военнослужащих. Главным же итогом фильтрационной работы органов Смерш являлись не они, а миллионы советских граждан, находившихся в плену, которым было возвращено честное имя. В докладных записках им отводилось всего несколько строчек: «Подлежит передаче командованию», «Подлежит возвращению на Родину». Но от этого значение труда сотрудников контрразведки не становится меньше.

Вместе с тем на этом сложнейшем и ответственнейшем участке контрразведывательной деятельности органам Смерша не удалось избежать серьезных ошибок, когда невинные люди, на которых пала тень подозрения, отправлялись теперь уже в советские лагеря. В одних случаях это являлось следствием того, что огромные людские потоки буквально захлестывали СПП, ПФП, и сотрудники контрразведки вынуждены были поверхностно подходить к фильтрации, в других — их непрофессионализм и бюрократизм. Негативное влияние на качество проверки оказывало и то, что на СПП и ПФП часто направлялись малоопытные работники. Вчерашние лейтенанты, только что покинувшие блиндажи на передовой и не понаслышке знавшие о зверствах фашистов, с понятным недоверием, а зачастую — враждебно, относились к тем, кто не один год провел в концлагере, работал на заводах в Германии, но остался жив.

Поэтому сама по себе информация других бывших заключенных о том, что проверяемого видели в штабном лагерьном

бараке, или он принимал участие в восстановлении боевой техники противника, для неопытного оперативного работника служила основанием для различных обвинений и последующего направления в спецлагерь на территории СССР. В руководстве Смерша владели ситуацией, и потому фильтрационная работа продолжалась в стационарных лагерях. В ходе ее проведения значительная часть бывших советских военнопленных выходила на свободу.

Так, в июне 1943 года с армейских СПП Северо-Кавказского фронта в Краснодарский и Георгиевский спецлагеря № 205 и 261 поступил 891 военнопленный. В процессе последующей углубленной оперативной проработки в краснодарском лагере необоснованные подозрения были сняты с 261 человека, в Георгиевском — с 123 человек. Все их отправили на комплектование частей действующей армии.

Об этих недоработках информация поступала во 2-й отдел ГУКР НКО Смерш. На основании ее подчиненные Карташова готовили ежемесячные обзоры «О результатах проверки и агентурно-оперативной работы среди бывших военнослужащих Красной армии» и направляли на места. В них содержался анализ наиболее характерных недостатков, которые допускались при проведении фильтрационной работы, когда «за цифровыми показателями упускалось главное — выявление шпионов и предателей», а также предлагались рекомендации по ее совершенствованию.

В одном из таких обзоров «О состоянии агентурно-оперативной работы ОКР Смерш Краснодарского спецлагеря [№] 205» отмечалось: «Несмотря на то что за период с апреля по ноябрь 1943 г. отделом арестовывалось 138 [человек], в том числе 73 по подозрению в шпионаже, ни по одному из них не была доказана их враждебная деятельность».

Основную причину подобного положения дел руководство Главного управления видело в формальном подходе руководителей и оперсостава отдела Смерш спецлагеря № 205 к оценке поступающей информации и «...крайне низком

уровне организации агентурной разработки находящихся в производстве дел».

Попытка заместителя начальника отдела Смерш лагеря капитана Афанасьева оправдать свою бездеятельность тем, что до «...момента прибытия в г. Краснодар 17 апреля и развертывания отдел необходимыми помещениями и средствами для работы не был обеспечен. Все семь комнат разрушены, и мебели нет никакой, негде хранить секретные документы. Совершенно нет бумаги. И только 30 апреля лагерь выделил отделу 5 кг бумаги и одну пишущую машинку», вызвали справедливый гнев у заместителя Абакумова П. Мешика.

На докладной Афанасьева «Об итогах агентурно-следственной работы отдела за апрель 1943 г.» стоит размашистая резолюция генерала Мешика: «Аппарат лагеря в 19 человек бездельничает! За 12 дней при наличии 19 оперработников проверить всего 90 человек — просто преступление!!!».

Вслед за эти последовали оргвыводы. В мае на смену Афанасьеву прибыл новый начальник ОКР Смерш. Также оперативно через начальника Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных генерал-майора И. Петрова были решены все административно-хозяйственные вопросы.

Наряду с объективными трудностями на качество и оперативность фильтрационной работы негативно влияли нераспорядительность и халатность лагерной администрации. В связи с острой нехваткой квалифицированных кадров в ее состав нередко зачислялись случайные лица. В их числе оказывались бывшие советские военнослужащие, воевавшие на стороне противника (в 205-м спецлагере таковых оказалось семь человек), а также аморальные и склонные к стяжательству типы.

В отдельных лагерях, как следствие, на почве «...беспорядочного пьянства и использования спецконтингента на незаконных работах» происходило разложение администрации. Целые команды бывших советских военнослужащих вместо того, чтобы быть направленными в действующую армию, трудились на «новых бауэров». Этим пользовались агенты гитлеровских

спецслужб и военные преступники. Они, почувствовав за своей спиной холодное дыхание контрразведчиков, совершали побег. В течение весны — лета 1943 года из Краснодарского спецлагеря № 205 скрылись 17 человек, подозревавшихся в совершении тяжких преступлений.

В этой связи ОКР Смерш по лагерям приходилось тратить немалые усилия на организацию агентурно-оперативной работы среди лагерной администрации и принятие ею надлежащих организационных мер по обеспечению необходимых условий для проведения фильтрационной работы. Только по одному Краснодарскому спецлагерю № 205 за период с 3 июня по 31 декабря 1943 года из отдела Смерш в Главк было направлено четыре спецсообщения: «О неудовлетворительном состоянии режима и охраны лагеря», «О морально-бытовом разложении руководящего состава спецлагеря № 205» и т. п.

В спецсообщениях приводились вопиющие факты нарушений, когда начальник лагеря и его заместители по охране и режиму, по политической, хозяйственной части и «...примкнувший к ним прокурор лагеря связаны между собой систематическим пьянством, носящим характер группового разложения, и преступлений по службе». Далее сообщались конкретные примеры присвоения этими должностными лицами материальных средств, поступающих на нужды лагеря, факты «сдачи в аренду» бывших советских военнослужащих руководителям местных колхозов и организаций, а также использования их на личном подворье или в качестве слуг.

Подобные объективные и субъективные обстоятельства являлись причиной для многочисленных жалоб со стороны бывших советских военнослужащих и лиц, угнанных на принудительные работы в Германию. Подавляющее их число были патриотами и честными людьми, по воле обстоятельств оказавшимся во вражеском тылу или оккупации. Они не обвиняли органы Смерша и оперативных работников в том, что вновь находились в лагерном бараке, они просили об одном — о справедливости.

Их пронизанные острой болью и исполненные надеждой письма, написанные на клочке бумаги из ученической тетради или куске картона, не могли оставить равнодушным даже очерствевшее сердце. Они были поразительно похожи. Эти письма — крик души — объединяла вера в то, что чудовищное клеймо «враг народа» будет снято с них: рядовых и офицеров, женщин и мужчин, и они снова станут полноправными гражданами своей страны.

Так, бывшая военфельдшер М. Пузанова в письме к Верховному главнокомандующему И. Сталину писала: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Обращаюсь к Вам, как к отцу родному, помогите мне. Я жена бригадврача Смирнова Вениамина Александровича, обращаюсь к Вам со следующей просьбой...». Далее Пузанова излагал обстоятельства, при которых ее часть оказалась в окружении, а она — в плену и то, что «...после освобождения частями Красной армии я без предъявления обвинения уже 7 месяцев нахожусь в спецлагере». В заключение письма Пузанова просила: «Ускорить разбор моего дела — если я виновата, то предать суду, если нет — направить на фронт или туда, где я могу быть полезна».

12 августа 1943 года ее письмо поступило в особый сектор ЦК ВКП(б), а 14-го было переадресовано в секретариат НКВД и оттуда направлено в ГУКР НКО Смерш. Работу по нему взял на личный контроль заместитель Абакумова генерал П. Мешик, и предписал Карташову взять на контроль ход проверки письма Пузановой. В силу ряда причин она затянулась. 4 декабря 1943 года Мешик в своем запросе № 64718 потребовал от начальника отдела контрразведки подольского спецлагеря НКВД «ускорить исполнение нашего № 02532». 17 декабря 1943 года тот доложил ему: «Пузанова М. П. в порядке фильтрации нами проверена и направлена работать на завод № 684 г. Подольска».

30 сентября 1944 года из спецлагеря № 283 на имя Сталина поступило письмо от бывшего советского военнослужащего Г. Сычева. Тот отрицал свое сотрудничество с гитлеровцами и обвинял лагерную администрацию, отдел Смерш в том, что они

«...в течение 13 месяцев ни разу не допросили, и я не получил никакого ответа на мои рапорта».

Спустя месяц и 12 дней заместитель начальника ОКР Смерш спецлагеря № 283 подполковник Шухман докладывал Карташову о результатах поверки жалобы Сычева. В частности, в ходе ее проведения выяснилось: в 1937 году тот был судим за контрреволюционную деятельность, и в течение пяти лет отбывал наказание. Это, казалось бы, могло послужить еще одним веским доказательством «предательской деятельности Сычева во время войны». Но контрразведчики на этом не стали акцентировать своего внимания и сосредоточились на перепроверке материалов, полученных на него при фильтрации на СПП и послуживших основанием для обвинения в измене Родине. Они установили, что после мобилизации в Красную армию Сычев попал в окружение и остался на оккупированной территории. За время оккупации, как показала проведенная ими проверка, «...прямых свидетельств преступной деятельности Сычева и никаких официальных документов на это счет получено не было. В процессе углубленной агентурной разработки также не поступило данных о его связи с противником». Окончательный вывод полковника Шухмана был таков: «Оснований для ареста Сычева не имеется».

Подобных обращений в отделы и управления Смерш были сотни и тысячи. Их проверке уделялось самое пристальное внимание. В Главном управлении велось специальное дело № 1 «Заявлений, поступивших в правительственные инстанции». На особом учете находились заявления, направлявшиеся на имя Сталина и в ЦК ВКП(б). В этих целях во 2-м отделе ГУКР НКО Смерш велись «Списки лиц, содержащихся в спецлагерях НКВД, от коих поступили заявления в правительственные инстанции с просьбой ускорить их поверку».

Только за период с 1 июня по 1 августа 1944 года на центральный учет в Главном управлении было взято 205 таких заявлений. Спустя месяц Карташов докладывал Абакумову: «Все заявления взяты на контроль. По каждому из них проводилась

соответствующая проверка и расследование. Абсолютное большинство заявителей отделами Смерш лагерей были своевременно проверены и включены в списки для направления в районные комиссариаты».

По мере того, как линия фронта сокращалась, высвобожденные опытные руководители и сотрудники направлялись на укрепление отделов СПП, ПФП и ПФЛ. По согласованию с Управлением уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации, 1-м Управлением НКГБ СССР и Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и ГУКР НКО Смерш СССР был принят ряд решений, направленных на улучшение взаимодействия ведомств и повышение оперативности в обмене информацией. Это диктовалось не только необходимостью совершенствования фильтрационной работы, но и теми общественно-политическими изменениями, которые произошли на фронтах войны к концу 1944 года.

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции США, Великобритания и Франция, наконец, начали активные боевые действия против фашистских войск в Западной Европе. В результате успешных наступательных операций из гитлеровских концентрационных и трудовых лагерей на свободу вышли сотни тысяч советских граждан. Началось их долгое, полное нелегких испытаний возвращение на родину.

В сентябре 1944 года на приемные пункты фильтрации в Одессу и Мурманск морским путем из Франции и Великобритании были доставлены первые несколько сотен репатриантов. К 31 октября их число достигло 40 026 человек. Спустя полгода общая цифра репатриантов, прибывших в СССР из Франции, Великобритании, Финляндии и еще семи стран, освобожденных союзниками от фашистов, составила 1 млн 448 тыс. 933 человека.

подавляющее число репатриантов (927 тыс. 783 человека) после проверки контрразведчиками возвратились домой, 394 тыс. 936 человек убыли на пополнение частей действующей

армии и только 126 тыс. 114 были направлены в спецлагеря НКВД для углубленной проверки.

Всего к концу 1945 года через приемные пункты фильтрации в Одессе и Мурманске, а также СПП, ПФП и ПФЛ управлений Смерш фронтов, позже — групп советских войск, прошло 5 млн 290 тыс. 183 человека.

В 1945 году на данном участке деятельности органов Смерша появился ряд новых особенностей. Они были обусловлены нарастающими политическими противоречиями между союзниками по антигитлеровской коалиции СССР, с одной стороны, и США, Великобританией и Францией — с другой. Первые порывы ветров будущей «холодной войны», зарождавшиеся во властных кабинетах Вашингтона, Лондона, Парижа и Москвы, быстро загасили огонь боевого товарищества. Все чаще от советской разведки, а также в процессе проведения фильтрационной работы среди репатриантов, контрразведчики Смерша получали данные о том, что спецслужбы союзников ведут двойную игру. Под различными прикрытиями американские, британские и французские разведчики осуществляли активную вербовочную и пропагандистскую работу среди советских граждан, склоняя их к сотрудничеству и отказу от возвращения на родину.

Так, 2 июля 1945 года заместитель начальника Управления Смерш Центральной группы войск полковник И. Глина докладывал Абакумову:

«Из показаний репатриированных бывших военнослужащих Красной армии Павлова А. И. и Беляева И. М было установлено, что некое «Бюро партизанских отрядов Франции» (г. Марсель) снабжает служивших в РОА и немецкой армии изменников Родины аттестатами, удостоверениями, что они состояли в партизанских отрядах и боролись против немецких захватчиков. Каждый такой документ стоит 3 тыс. рублей. Кроме того, ведут обработку советских граждан с целью их невозвращения на родину».

Данные военных контрразведчиков подтверждала резидентура НКГБ во Франции. Начальник 1-го Управления (внешняя

разведка) НКГБ СССР генерал П. Фитин уведомлял руководство Главного управления Смерш:

«По данным резидента НКГБ СССР в Париже, удалось установить, что только в одном Париже имеется 22 вербовочных пункта. Особенно активная роль отмечается со стороны эмигрантского бюро Маклакова, швейцарского и шведского консульств и многочисленных французских и англо-американских разведпунктов.

«Двер» и «Секьюрити Милитер» ведут вербовочную работу по засылке своей агентуры к нам. Установлено, что одна девушка была подслана и устроилась на работу в аппарат нашего военного атташе».

Осложнялась обстановка и на восточном направлении. «Заклятый союзник» — США пока еще исподволь раздувал пожар «холодной войны» на дальневосточных рубежах СССР и будущей Китайской Народной Республики. Первыми ее порывы ощутили советские спецслужбы. В отделы Смерша Приморского военного округа все чаще поступала оперативная информация о том, что на территории Кореи под прикрытием религиозной организации «Кидоке» функционирует разветвленная разведывательная сеть. Ее члены вели активную шпионскую работу против советских войск. Наряду с ней с августа 1945 года приступила к разведдеятельности еще одна организация — «Теродан». В качестве «крыши» она использовала «Общество взаимопомощи корейцев и японцев», располагавшееся в Сеуле. За спиной этих организаций стояла разведка США.

В Потсдаме руководители стран-победительниц продолжали еще вежливо улыбаться друг другу, а спецслужбы уже сошлись в непримиримой тайной схватке за будущее господство над территориями, ресурсами и умами людей. Слабые ростки искренней симпатии и фронтовой дружбы, поднявшиеся на берегах Эльбы ликующим, победным маем 45-го года между русскими, американцами, англичанами и французами, быстро увяли при первых заморозках «холодной войны».

Последний прыжок «самурая»

Снежная, с трескучими морозами зима 1941 года недолго продержалась в Маньчжурии. В конце февраля подули теплые ветры со стороны Южно-Китайского моря и принесли с собой раннюю оттепель. Небо очистилось от свинцовых туч, и под лучами солнца из-под снежных шапок проклюнулись рыжими макушками маньчжурские сопки.

К середине марта о зиме напоминали лишь съжившиеся серые клочки снега в глубоких распадках. Весна с каждым днем все более властно заявляла о себе и торопила приход лета.

Прошло еще несколько недель, и пологие берега Сунгари покрылись золотистым пухом распустившейся вербы. Южные склоны сопки запольхали нежно-голубым пламенем фанфына-лазурника. Пригороды Харбина окутались бело-розовым туманом цветущей вишни, сирени, и напоминали один огромный сад.

Этот бурный приход весны мало радовал русских и китайцев, разделенных скованным ледяным панцирем Амуром. С наступлением дня лед начинал угрожающе потрескивать. В верховьях реки зарождался грозный гул и словно предвестник будущих великих потрясений наполнял сердца людей предчувствием большой беды. Свыше тридцати советских дивизий, глубоко зарывшись в землю и оцетинившись мрачными глазами амбразур дотов, со дня на день ждали изготовившегося к грозному прыжку на Дальний Восток «японского самурая».

Харбин в те дни напоминал клокочущий вулкан. Вооруженная до зубов 700-тысячная Квантунская армия только и ждала приказа, чтобы прорвать границы марионеточного государства Маньчжоу-Го и обрушиться всей своей мощью

на советские приграничные поселки, а затем на весь Дальний Восток. В воздухе витало тревожное ожидание близкой войны и большой крови.

Об этом говорили, уже не таясь, не только в штабе армии, казармах, «мостовых» ресторанчиках, но и на главной харбинской «брехаловке» — на оптовом рынке в порту.

Перед гостиницами, у железнодорожного вокзала и в речном порту терлись личности сомнительного вида. Отпетые мошенники, ловкие карманники и даже дерзкие налетчики предпочитали держаться от них подальше. Наметанным взглядом и особым, выработанным с годами чутьем они улавливали этот стойкий, несущий угрозу запах полицейской ищейки. Его не могли перебить аромат дорогого одеколона и папирос, скрыть добротный европейский костюм или замызганная китайская дабу. Их гончую породу выдавали липкие и цепкие взгляды, вкрадчивые кошачьи движения и незапоминающиеся физиономии. Филерская служба японской жандармерии не знала покоя ни днем, ни ночью. Охота на коммунистических агентов была в самом разгаре.

Город жил прифронтовой жизнью. План «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), вооруженного нападения Японии на советский Дальний Восток, командующий армией генерал Умэдзу готов был привести в действие по первому приказу из Токио. Но император Хирохито медлил — чего-то выжидал.

Военной машине Японии позарез требовалась нефть и сталь, но пока ее вожаделенные запасы на Борнео и в Бирме находились под пятой американцев и голландцев. Вести войну на два фронта было рискованно, и потому «японский самурай» стоял перед выбором: либо вцепиться в глотку Дяде Сэму и стать полновластным хозяином на Тихом океане, либо прыгнуть на спину «русскому медведю» и совершить то, что не удалось сделать двадцать лет назад.

Тогда, после развала Российской империи, Дальний Восток сам свалился в руки божественного микадо. Но радость ока-

залась недолгой. Всевышний не захотел признать в японском императоре своего родственника и, к его изумлению, повернулся лицом к безбожникам-большевикам. В сентябре 1922 года части Красной армии под командованием главкома Василия Блюхера наголову разбили хваленых самураев.

Спустя 19 лет в Токио стояли перед дилеммой — либо захватить Дальний Восток, либо продолжить наступление на юг. Чаша войны на время застыла, и здесь свое слово предстояло сказать разведке. В те майские дни резидентуры второго (разведывательного) отдела Квантунской армии не знали предышки. Граница по Амуру порой напоминала линию фронта. С наступлением ночи десятки разведывательно-диверсионных групп и агентов-одиночек прорывались на советскую территорию, чтобы выводить из строя связь, инженерные коммуникации и собирать информацию о частях Красной армии. Паутина японской агентурной сети пришла в движение.

7 мая 1941 года ее резидент капитан Каймадо (он же «Де До Сун», он же «Пак») прибыл в Харбин. Там его с нетерпением ждали руководитель японской военной миссии генерал Янагита и начальник второго отдела подполковник Ниумура.

Размеренный шорох напольных часов нарушал безмятежную тишину кабинета. В двухэтажном особняке и небольшом уютном дворике миссии, отгороженных от улицы высоким каменным забором, жизнь текла также тихо и размеренно, как и десять, и двадцать лет назад. Разведка не любит суеты и звука победных фанфар.

Ниумура, развалившись в кожаном кресле, со скучающим видом перелистывал страницы «Харбинского вестника» и изредка бросал скользящие взгляды на генерала. Тот уже больше часа внимательно изучал материалы дела Каймадо, одного из самых опытных и удачливых резидентов японской разведки в Советском Союзе.

За скупыми строками на пожелтевших от времени страницах донесений агента, а затем резидента Каймадо, скрывалась

захватывающая история человеческой жизни и поразительная по своей удачливости судьба разведчика. Он оказался единственным из более чем двух десятков японских агентов, заброшенных в Советский Союз в середине 20-х годов, кто сумел в тридцать седьмом не только спастись от безжалостной «косы» советской тайной полиции — НКВД, но и ухитрился получить такую «крышу», о которой приходилось только мечтать.

В тот год Каймадо стал «Ситровым», секретным сотрудником управления НКВД по Приморскому краю. Почувствовав нависшую над собой и резидентурой опасность, «преданный партии» коммунист «Пак» вовремя проявил политическую бдительность и сумел «выявить» четырех замаскировавшихся «троцкистов», пробравшихся в руководство управления железной дороги и «просигнализировал» куда надо. Там быстро «среагировали». И после того, как «метла» НКВД прошла по «железнодорожной верхушке», Каймадо-«Пак» вырос не только в должности, но и в секретной иерархии, став агентом-разработчиком «неблагонадежного элемента».

К началу 41-го он еще более укрепил свое положение. В органах госбезопасности высоко оценили его информацию о ревизионистских настроениях среди командиров китайской бригады, и после «зачистки пораженцев» рекомендовали не куда-нибудь, а в святую святых — в разведотдел Дальневосточного военного округа.

Для разведчиков активный коммунист «Пак» и бывший негласный сотрудник органов НКВД «Ситров» оказался настоящей находкой. Он налету хватал премудрости «нового» для себя дела. Вскоре начальник разведотдела «положил на него глаз». Пака начали готовить для ответственной работы в качестве резидента нелегальной советской сети в Маньчжурии.

Это был неслыханный успех для японской разведки; о таком генерал Янагита за свою долгую службу еще не слышал и потому с особым вниманием вчитывался в каждую строчку

донесений Каймадо-«Пака». Он пытался понять: как тот еще при жизни стал живой легендой?..

В далеком 1922 году молодой армейский офицер из древнего рода самураев неожиданно отказался от блестящей военной карьеры в пользу неприметной службы в нелегальной разведке. Что заставило его сделать такой шаг? Верность рода Каймадо своему девизу «Долг и Честь!»? Или жажда подвига во имя Великой Японии, которой горели многие юноши из благородных семей после позорного поражения на Дальнем Востоке? Об этом знал только он сам и капитан Такасаки, давно ушедший в мир теней и сумевший разглядеть в нем будущего гения нелегальной разведки.

Сменив строгий военный мундир на замызганную корейскую дабу, Каймадо перевоплотился в молодого рабочего «Пака» и активно включился в революционную борьбу. В 1923 году он, «спасаясь» от преследования полиции, вместе с группой революционеров, бредивших идеалами коммунизма, бежал из Манчжурии в Советский Союз. После проверки в ГПУ, отделавшись легким испугом, вышел на свободу и активно включился в строительство социализма.

Ударный труд на железной дороге и упорство в изучении трудов Ленина и Маркса были вознаграждены. Через три года его приняли в комсомол и вскоре поручили руководить рабочим комитетом в поселке Нагорный. Там на деятельного активиста обратили внимание старшие товарищи, и в 1929 году рекомендовали в партию большевиков, а затем направили учиться во Владивосток на рабочий факультет университета...

На этом месте Янагита остановился, выпил рюмочку саке и снова вернулся к делу резидента Каймадо...

Первые шаги как разведчик-агентурист тот сделал после третьего курса университета, когда проходил заводскую практику на паровозоремонтном заводе в Улан-Удэ, сумев добыть материалы о составе вооружения и степени защищенности бронепоезда. Позже, в 34-м, он создал там свою первую резидентуру.

География и диапазон разведывательной работы Каймадо поражал. Успешно окончив учебу в университете, он получил направление на химзавод № 92 в далекий Сталинград. Для дирекции инициативный и безотказный инженер стал настоящей палочкой-выручалочкой. За год работы Каймадо-«Пак» успел перебивать в командировках в разных городах: в Азове, Новороссийске, Сталино (с 9 ноября 1961 г. Донецк. — *Авт.*) и Астрахани. Он, подобно «Летучему голландцу», появлялся в разных местах: то в закрытых цехах завода «Баррикады», то на военных верфях, то на испытательных полигонах.

Потеряв связь с резидентом, Каймадо-«Пак» действовал на свой страх и риск. В неполные двадцать девять самостоятельно провел три вербовки агентов в Сталинграде и добыл ценную информацию о производстве танков. В Азове сумел исхитриться и скопировал чертежи нового пограничного катера. Семнадцать листов отчета, подшитых в дело, свидетельствовали о результативности его работы в тот период.

В 1934 году, по возвращению в Улан-Удэ, Каймадо-«Пак» восстановил связь с японской разведкой и передал резиденту Хая Си добытые материалы. Их содержание, а также три вербовки, проведенные среди инженеров местного паровозоремонтного завода, произвели на руководство разведки сильное впечатление. Вскоре Каймадо стал самым перспективным резидентом в Советском Союзе.

В течение следующих трех лет резидентура работала как швейцарские часы и добывала ценную информацию даже в тяжелейшем 37-м году...

Здесь Янагита болезненно поморщился при воспоминании о том времени. Тогда японская разведка в СССР потеряла большую часть своих резидентов и агентов; они попали под безжалостную «косу» репрессий...

Но Каймадо-«Пак» и на этот раз нашел выход: на свой страх и риск подставился на вербовку и вскоре стал для Управления НКВД по Приморскому краю ценным агентом-разработчиком «вражеского элемента». В дальнейшем это

открыло ему дорогу в советскую разведку, а японской разведке позволило приобрести уникальную возможность контролировать деятельностью советской шпионской сети в Маньчжурии. Часть ее со временем оказалась в застенках, а другая регулярно подпитывала «дезой» командование Красной армии. О результатах последней работы Каймадо-«Пака» — выявленным 18 большевистским агентам в Харбине, Дацине, Цицикаре, Синьцзине — генерал Янагита лично доложил в Токио. Не задерживая внимания на своем рапорте, генерал перешел к очередному донесению резидент Каймадо.

В это время раздался звонок из приемной. Янагита отложил дело в сторону, но так и не услышал окончания доклада. Каймадо знал себе цену и без приглашения появился в дверях кабинета. За его спиной бледным пятном отсвечивало растерянное лицо дежурного. Генерал поморщился, раздраженно махнул рукой — дежурный растворился в полумраке приемной — и немигающим взглядом уставился на резидента.

Ниумура поднялся с кресла и с любопытством наблюдал за этой молчаливой «перестрелкой» генерала и капитана. Первым опустил глаза генерал и сделал шаг навстречу Каймадо. Они крепко пожали друг другу руки, а затем Янагита пригласил пройти в заднюю комнату, находившуюся за кабинетом. Пока они рассаживались за столом, Ниумура погасил верхний свет и включил торшер.

В его свете жесткие черты Каймадо смягчились. В них, как показалось Ниумура, проглядывала усталость. С последней встречи, а это было год назад, когда русская военная разведка перебросила его в Маньчжурию, чтобы разобраться в причинах провала своей агентурной сети в Харбине и восстановить связь с теми, кто уцелел после разгрома, он заметно постарел. В уголках рта залегли глубокие складки, густая седина усыпала виски, а и без того жилистое, узловатое тело еще больше высохло и напоминало корень прошлогоднего женьшеня. Прежними в нем остались глаза: спрятавшись за сильно выступающими скулами, они, как и раньше, цепко смотрели на собеседника.

Янагита широким жестом провел рукой над столом. Ниу-мура разлил по бокалам дорогой французский коньяк и вприсительно посмотрел на генерала. Тот выдержал долгую паузу и затем произнес тост:

— За капитана японской разведки Каймадо и его усердную работу!..

С того памятного для Каймадо дня минуло полтора года. За это время в чудовищной топке войны сгорели миллионы человеческих жизней. Лучшие сыны Японии сложили свои головы в Индокитае и на островах Тихого океана. Войне с янки не было видно конца. Не лучше обстояли дела и здесь, в Маньчжурии. Квантунская армия со своих позиций не сдвинулась ни на шаг. Все его и резидентуры усилия оказались напрасными. Трусливые политики в Токио не поверили его информации о переброске в октябре 1941 года с Дальнего Востока под Москву восемнадцати дивизий.

И сейчас, сидя в вагоне поезда, мчавшегося в Харбин, Каймадо при одном только воспоминании об этом заскрипел зубами от ярости. В душе была леденящая пустота. Ее холод не смогла растопить даже короткая встреча с родными в Корее, которую организовал Янагита перед тем, как снова направить его в СССР. Он с трудом узнал сестру и брата. Они пришли к нему из того, другого, давно уже забытого им мира.

Город встретил Каймадо трескучими морозами. Японскому самураю так и не удалось выпить воды из Байкала, зато русский Дед Мороз вел себя в Маньчжурии по-хозяйски. На вокзале в Харбине его встретил капитан Кокисан. На этот раз они поехали не в японскую военную миссию, а на конспиративную квартиру. Там под охраной немногословной прислуги специалисты японской разведки принялись шлифовать с Каймадо последние детали легенды возвращения в СССР, способы связи с разведцентром и задание. Наряду со сбором разведывательной информации о частях Красной армии ему поручалось: «Установить глубоко законспирированных агентов: Хен Ги Сера, Ма Вен Зия и Ома, взять их на личную связь и включить в работу резидентуры».

На второй день подготовка была свернута. События на Восточном фронте, под Сталинградом, где в «русском котле» переваривались остатки 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса, развивались столь стремительно, что генерал Янагита вынужден был поторопить Кокисана с отправкой Каймадо в СССР. Японская разведка позарез нуждалась в свежих данных о частях Красной армии, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке.

14 февраля 1943 года Каймадо выехал из Харбина в сопровождении майора Дейсана и капитана Кокисана. На следующий день они были на станции Ери, от нее до советской границы — рукой подать. Здесь им пришлось провести пять дней, чтобы вжиться в обстановку и изучить пограничный режим.

Наступило 20 февраля. Дождавшись, когда ступились сумерки, Каймадо спустился на лед Амура и, пользуясь темнотой, благополучно перебрался на советский берег. Но далеко уйти ему не удалось, пограничный наряд задержал нарушителя в нескольких километрах от реки.

На допросе у начальника заставы Каймадо-«Пак» вел себя уверенно. Легенда прикрытия, отработанная в Харбине, не должна была вызвать сомнений у капитана-пограничника. Но опытный служака, повидавший всякого на своем веку, со знанием дела «тянул жилы» из нарушителя. Ситуация осложнилась. Каймадо-«Пак» начал «плыть» на деталях, и чтобы окончательно не запутаться, выложил свой главный «козырь». Он потребовал связать его с начальником разведотдела Забайкальского фронта.

Это произвело впечатление на начальника заставы, но прежде чем звонить разведчикам, он решил подстраховаться и доложил дежурному Особого отдела фронта о задержании нарушителя. Тот распорядился доставить его в отдел. У особистов имелись веские причины задержать передачу «Пак» армейским разведчикам фронта. По данным зафронтового агента, внедренного советскими контрразведчиками в японскую военную миссию в Харбине, она располагала *«крупным шпионом, действующим в советской разведывательной сети»*.

В тот же день «Пака» доставили в особый отдел фронта. На допросе у старшего следователя старшего лейтенанта В. Скворцов он подтвердил то, что рассказал начальнику погранзаставы и, ссылаясь на наличие важной информации, потребовал немедленной встречи с начальником разведотдела. Скворцов не спешил с ее организацией и направил к военным разведчикам запрос. Ответ пришел быстро. Разведчики подтвердили факт принадлежности «Пака» к своей нелегальной зафронтальной сети в Маньчжурии и, чтобы окончательно рассеять подозрения у особистов, сообщили о том, что *«он направлялся в город Цицикар с важным заданием: занять прочную легализацию. Добыть информацию о японских частях и восстановить связь с закордонным агентом «Ваном».*

Теперь, кажется, все стало на свои места, и тем не менее в особом отделе фронта продолжали удерживать удачливого агента. Кроме информации разведчика, действовавшего в японской военной миссии, особистов насторожило и то, что «Пак» возвратился с задания на семь месяцев раньше срока. Еще большие подозрения у них вызвали обнаруженные при осмотре его тела свежие следы ожогов, а на запястьях — кровоподтеки и синяки. За этим угадывался знакомый почерк японской контрразведки. Она не церемонилась с захваченными в плен советскими агентами, подвергала их пыткам, тех, кто «ломался», перевербовывали и потом перебрасывала за Амур со шпионским заданием.

Это предположение следователя Скворцова Каймадо, припертый к стенке очевидным фактом, не стал отрицать и подтвердил свой арест японской контрразведкой. А чтобы спастись от полного провала, он прибегнул к легенде, которую с Кокисаном отработал для того, чтобы как-то объяснить свое досрочное возвращение с задания.

Вслед за Скворцовым историю его злоключений в Маньчжурии пришлось выслушать сначала начальнику 3-го отдела В. Казакову, а потом и руководителю Особого отдела фронта полковнику А. Вяземскому. На допросах «Пак» рассказал

им о тех трудностях, которые подстерегали его при переходе границы, а потом преследовали на всем пути до заброшенного в лесной глухомани крохотного поселка Яндяу. Там ему удалось, наконец, легализоваться, устроившись на работу к мелкому торговцу. На этом везение закончилось. Досадная оплошность, допущенная в разведотделе фронта при оформлении документов прикрытия, стала роковой. Первая серьезная полицейская проверка привела к аресту, и он оказался в лапах японской контрразведки.

«Пак» не винил в этом своих наставников-разведчиков, сдержанно говорил о пытках, перенесенных в японской тюрьме, и не преминул отметить, что не выдал важного агента «Ван» в Цицикаре. Но, оказавшись перед выбором между жизнью и смертью, вынужден был пойти на сотрудничество с врагом.

Теперь, казалось бы, все стало на свои места. Подобные агенты-двойники перед военными контрразведчиками в 43-м году проходили десятками. Большинство из них уже ни на что не годилось, и после завершения проверки их отправляли по-дальше в тыл — в лагерь или строительные батальоны. Но на «Паке», похоже, рано было ставить крест как на агенте.

На допросах он засыпал Казакова и Скворцова фамилиями и званиями высокопоставленных офицеров разведки японской военной миссии в Сахалине и Харбине. Казалось бы, у контрразведчиков появлялся хороший шанс использовать перспективные контакты «Пака», чтобы завязать с японской разведкой оперативную игру. Но они не торопились. Казакову и Скворцову не давало покоя слишком долгое пребывание рядового агента-двойника в Сахалине, а потом в Харбине. В японскую военную миссию просто так никого не направляли.

Многолетний опыт и интуиция подсказывали контрразведчикам, что за всем этим могло скрываться нечто большее, чем заурядное маршрутирование агента для сбора информации о частях Красной армии. И они принялись искать подтверждения версии о том, что «Пак» мог оказаться тем самым «крупным

шпионом», о котором сообщал советский разведчик из Харбина. Ответ на этот вопрос лежал в прошлом «Пака». Казакову и Скворцову предстояло проделать трудную и кропотливую работу — скрупулезно проверять каждый шаг пребывания «Пака» на советской земле.

После очередного безрезультатного допроса шифровки ушли во Владивосток и Улан-Удэ, где «Пак» учился и работал. Первый ответ пришел из Владивостока и был положителен. Коллеги из Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю подтвердили, что он зарекомендовал себя твердым партийцем. Действительно, в 1924 году вместе с группой молодых марксистов бежал из Маньчжурии, спасаясь от преследования полиции, и нашел приют в СССР. После проверки в ГПУ, не жалея себя, включился в строительство социализма. В 1926 году вступил в ряды ВЛКСМ, а спустя три года его приняли в партию.

Последующий послужной список «Пака», а затем секретного сотрудника управления НКВД «Ситрова», говорил сам за себя. На его счету были десятки разоблаченных «троцкистов» и «ревизионистов». Из Разведуправления фронта также пришли положительные отзывы. Добытая им информация о частях Квантунской армии получила высокие оценки командования Забайкальского фронта. Казалось, на этом дело в отношении «Пака» следователь Скворцов мог бы закрыть. Но что-то не сходилось в показаниях, и он снова и снова анализировал материалы, пытаясь найти зацепку.

12 июля Скворцов засиделся в кабинете до глубокой ночи. Сизые клубы дыма плавали под потолком, а в пепельнице росла гора окурков. От усталости и хронической бессонницы голова свалилась на грудь. Он очнулся и пришел в себя от острой боли. На стол шлепнулся тлеющий окурков, а на губе вспух багрово-красный кровоподтек. И тут его осенило! Такие же свежие следы от ожогов имелись и на теле «Пака». Следы пыток в японской контрразведке. Пыток, которым он, по его словам, подвергся два месяца назад в Сахаляне!

«Пака» немедленно вызвали на допрос. Под перекрестными вопросами Скворцова он крутился, как угорь на раскаленной сковородке, и про себя клял, на чем свет, тупоголового начальника сахалинской военной миссии. Его, аса японской разведки, этот чванливый баран подверг унижительной проверке и затем больше месяца продержал в камере со всяким сбродом. Лишь в начале ноября 1942 года он удосужились устроить ему встречу с секретарем японского консульства в Синьцзине Хая Си. Тот признал в нем своего агента, который еще в начале 30-х годов в качестве связного японской резидентуры на Дальнем Востоке доставлял в Харбин шпионские сведения.

После встречи со старым шефом все разительно переменялось. Его тут же вымыли и очистили от тюремной грязи, переодели в модный костюм и в сопровождении почетного эскорта майора Дейсана и капитана Кокисана доставили к самому генералу Янагите. Но даже он, всемогущий глава японской военной миссии в Харбине, был уже не в силах исправить промахи, допущенные в Сахалыне.

Время оказалось безнадежно упущенным. И уже не имело смысла давать объявление в газете «Манею Симбун» — условный сигнал для советской военной разведки, что он, ее агент «Пак», успешно легализовался в Нанкине и ждет связного с рацией. Октябрь давно закончился, и другого выбора у генерала Янагита, как возвращать его назад по избитой схеме агента-двойника, уже не оставалось. Сцепив зубы, Каймадо-«Пак» терпел боль от ожогов раскаленным клинком, часами висел, подвешенный за руки под потолком. Лучшие мастера заплочных дел из японской контрразведки за две недели до заброски в советский тыл усердно поработали над ним, чтобы не вызвать подозрений в разведотделе Забайкальского фронта. Но до него Каймадо так и не удалось добраться. И вся из-за этого сахалинского барана. Теперь ему одному приходилось за все расплачиваться.

Каймадо исподлобья ненавидящим взглядом сверлил Скворцова. Этот настырный и цепкий, как клещ, следовательно

пытался докопаться до истины. Пока его подозрения рассыпались перед теми аргументами, что приводил в свое оправдание «лучший резидент разведотдела Забайкальского фронта». Но упорный Скворцов не терял надежды поймать его на деталях. Допросы продолжались, и Каймадо становилось все труднее избегать ловушек, расставленных перед передним.

Тем временем коллеги Скворцова не сидели, сложа руки. Маховик оперативной проверки военной контрразведки набирал обороты. Подобно снежному кому нарастал поток шифровок и спецсообщений, поступавших в особый отдел Забайкальского фронта из Сталинграда, Азова, Сальска, Ростова-на-Дону и других городов. Каймадо-«Пак», агент японской разведки (в этом ни у Вяземского, ни Казакова, ни у Скворцова уже не было сомнений), на короткое время появлялся то на артиллерийском заводе «Баррикады», то на химзаводе № 92 в Сталинграде, чтобы затем возникнуть на судоверфях Азова и Ростова-на-Дону, а затем бесследно раствориться на бескрайних просторах России.

Дело № 2865 на японского агента, а возможно — и резидента, как предполагали контрразведчики, исходя из той обширной географии, где удалось обнаружить его следы, с каждым днем приобретало все больший размах. Работу по нему взял под личный контроль начальник ГУКР Смерш НКО СССР Абакумов. Он живо интересовался ходом оперативной разработки японского агента. Его короткая и энергичная резолюция на докладной «*Очень интересное дело! Докладывать еженедельно, лично!*» была больше, чем приказ для начальника Управления контрразведки Смерш Забайкальского фронта полковника Вяземского.

На разработку Каймадо-«Пака» и его связей были брошены лучшие силы управлений военной контрразведки Забайкальского и Дальневосточного фронтов, УНКВД по Приморскому краю, Сталинградской, Ростовской и другим областям. Из архивов были подняты и тщательно изучены материалы на разоблаченных агентов японской разведки в тех

местах, где появлялся «Пак». И он «засветился». К исходу июля 1943 года военными контрразведчиками была поднята из подполья густая шпионская сеть, сплетенная одним из лучших японских резидентов в СССР.

Под давлением неопровержимых доказательств 20 июля Каймадо-«Пак» начал давать правдивые показания. Они заслуживали того, чтобы дело № 2865 можно было назвать «очень интересным и многообещающим». В нем нашла отражение по-своему захватывающая история как человеческой жизни, так и столь редкой в спецслужбе долгой и удачной карьеры.

Каймадо после успешной разведывательной работы на оборонных предприятиях Сталинграда, Азова и Москвы, где ему удалось не только добыть ценные сведения, но и провести ряд вербовок ценных агентов, возвратился в Забайкалье. Руководство японской разведки по достоинству оценило его работу. В 27 лет Каймадо было поручено создать резидентскую сеть в Забайкалье.

К концу 1937 года он успешно решил и эту задачу: завербовал девять человек, в том числе и четырех советских граждан, занимавших ответственные посты в конструкторском и чертежном бюро паровозоремонтного завода. После перехода в разведывательный отдел Забайкальского фронта, он пошел на риск и создал из числа вспомогательного персонала еще одну резидентуру. В числе завербованных оказался переводчик, знавший в лицо многих зафронтовых агентов.

Более того, Каймадо, советскому резиденту, а точнее — японской разведки, была передана на связь все нелегальная агентурная сеть, действовавшая в Харбине, Цицикаре и других городах Маньчжурии. Это был последний успех Каймало-«Пака» и японской разведки.

Оперативная разработка и следствие в отношении Каймадо продолжались до ноября 1943 года. В ходе нее органам военной контрразведки удалось выявить еще двух резидентов японской разведки и разоблачить 39 агентов, находившихся у

них на связи. Результаты этой работы оказались столь весомы, что 1 ноября 1943 года начальник ГУКР Смерш НКО СССР В. Абакумов отдельной докладной доложил Верховному главнокомандующему И. Сталину «О разоблачении японских резидентур, действовавших в Забайкалье».

Несостоявшееся «сватовство» оберлейтенанта Биттига

25 сентября 1943 года части 10-й армии в результате стремительного наступления освободили от гитлеровцев город Рославль — крупный транспортный узел. На западной окраине и у железнодорожных мастерских еще продолжали звучать автоматные очереди и греметь разрывы гранат — это красноармейцы добивали остатки 52-го армейского корпуса 4-й немецкой армии, а в центре уже налаживалась мирная жизнь.

В столпотворении, что творилось в приемной военного коменданта города, мало кто обращал внимания на молодую, лет двадцати, девушку, робко державшуюся в дальнем углу. Она терпеливо ждала своей очереди. Пожилой майор-комендант, с посеревшим от недосыпания лицом, устало отбивался от наседавших горластых пехотинцев и нагловатых интендантов. Постепенно толпа рассосалась, и девушка, собравшись с духом, нырнула в клубы сизого дыма, плававшего в кабинете.

Комендант оторвал взгляд от документов, которыми был завален стол, и с недоумением посмотрел на посетительницу. Она переминалась с ноги на ногу и, видимо, не знала, с чего начать разговор. Вымученная улыбка на лице майора придавала ей уверенности. Краснея, и пряча глаза, девушка упомянула про какого-то «очень хорошего немца» и осеклась. Брови у коменданта поползли на лоб, а в глазах полыхнул гневный огонек. За два года войны ему попадались только такие немцы, кто стрелял, вешал и сжигал.

Анна Астафьева, так звали посетительницу, набравшись смелости, продолжила рассказ. Из рассказа следовало, что на ее квартире находится немецкий солдат, который решил порвать с фашизмом и дезертировал из части во время отступления из Рославля. Но, опасаясь попасть под руку какого-нибудь «заведенного» боем красноармейца, он решил отсидеться, а потом просил Анну сообщить о нем советскому командованию.

Здесь взгляд майора смягчился, жесткие складки, залегшие у рта, разгладились. Анна приободрилась и принялась его уверять, что Клаусу можно верить, и что он хороший человек. Опытный комендант, битый жизнью и начальством, не стал морочить себе голову «хорошим немцем» и направил девушку к военным контрразведкам.

Отдел Смерш 10-й армии располагался поблизости и занимал чудом уцелевшие первый и второй этажи бывшей школы. Часовой на входе остановил Анну и поинтересовался, к кому направляется. Наученная общением с комендантом, она не стала распространяться о «хорошем Клаусе» и заявила, что у нее есть важное сообщение для контрразведчиков. Ее проводили в кабинет старшего оперуполномоченного старшего лейтенанта Старинова.

Царившая в коридоре и кабинете тишина, ровный и спокойный тон контрразведчика расположили Анну к разговору. Она без утайки рассказала необычную для военного времени романтическую историю своих отношений с ефрейтором Клаус Биттигом.

Познакомились они, по словам Анны, в начале октября 1943 года при обстоятельствах, от воспоминания о которых ее пробил дрожь. В тот вечер она задержалась у больной подруги. Приближался комендантский час, и ей пришлось срезать путь. Уже остались позади развалины хлебозавода, впереди показался родной дом, как вдруг из проулка вывалила едва державшаяся на ногах кучка пьяных немецких солдат. Секундная растерян-

ность, и Анну окружила гогочущая толпа. Грубые похотливые руки коснулись ее тела. Вываться из плотного кольца ей не удалось, а просить о помощи было не у кого. Улица будто замерла. И тут произошло чудо.

Из вечернего полумрака, словно ангел хранитель, возник храбрый ефрейтор. Он решительно стал на защиту Анны. После короткой перепалки с ним, насильники оставили девушку в покое. Ефрейтор представился: Клаус Биттиг и проводил Анну до двери дома. От ее предложения зайти и выпить чаю вежливо отказался.

С того дня минула неделя, и Анна стала забывать о жуткой истории, когда в дверь квартиры кто-то тихо постучал. На пороге стоял Клаус. Смущаясь, он протянул ей небольшой сверток. В нем оказались хлеб, сахар, масло и палочка копченой колбасы. На этот раз Клаус не отказался от приглашения выпить чаю. В тот вечер они долго «говорили о жизни». Ломанный русский Клауса не был им помехой: молодые люди понимали друг друга с полуслова.

Прошло некоторое время. Он снова появился у Анны и принес с собой коробку дорогих конфет и бутылку французского вина. В тот день они говорили не только о «жизни», но и совершили небольшую прогулку по городу. За этим визитом последовал другой, и вскоре между ними сложились добрые отношения, которые, как показалось девушке, со стороны Клауса переросли в глубокое чувство. В разговорах с ней он с большой симпатией отзывался о России и русских людях, осуждал Гитлера и развязанную им войну.

Положение гитлеровских войск на Восточном фронте становилось все хуже; Клаус уже не верил заявлениям фашистских бонз о скором завершении войны. Он все больше тяготился ею, и не раз в разговорах с Анной высказывал мысль о том, что готов порвать с нацистами, которые вели немецкий народ к гибели. И когда советские войска перешли в наступления, Клаус отбросил последние сомнения и принял решение. Он

воспользовался неразберихой, царившей в рядах гитлеровцев, покинул часть и спрятался на квартире Анны.

Она закончила свой рассказ и с нетерпением ждала ответа Старинова. Тот не спешил с ним; история необычных для сурового военного времени отношений Анны и Биттига заинтересовала его в первую очередь с профессиональной точки зрения. В ней он увидел хорошую возможность для ведения через влюбленного немца зафронтковой разведывательной работы и отправил на ее квартиру командира комендантского взвода. Не прошло и часа, как тот доставил Биттига в отдел и провел его в кабинет Старинова. Ефрейтор держался скованно, но страха в его глазах контрразведчик не заметил.

Вместе с ним и переводчиком он поднялся в кабинет начальника отдела капитана А. Москалева. В ходе допроса Биттиг подтвердил рассказ Астафьевой. Дополнительно рассказал, что воспитывался в семье, в которой читали и восхищались произведениями Достоевского и Толстого. На вопросы контрразведчиков о характере службы и составе части, дал развернутые ответы. Ряд из них нашел подтверждение в захваченных документах 52-го армейского корпуса и показаниях других военнопленных. Последним местом службы Биттига был отдел штаба этого самого корпуса. По его словам, он отвечал за хранение всей секретной документации.

Москалев моментально оценил перспективного перебежчика. Его доступ к секретам в случае вербовки и переброски за линию фронта открывал прямой путь ко многим тайнам гитлеровского армейского командования. Медлить с решением было нельзя. Фашистская контрразведка тоже не дремала и тщательно проверяла всех, кто прорывался из окружения. И чем дольше окруженец блуждал в советских тылах, тем больше к нему возникало вопросов.

Задумавшись о вербовке Биттига, Москалев, несомненно, рисковал, так как слишком мало знал о нем, а то, что тот сообщил о себе, не поддавалось глубокой проверке. В ар-

мейском приемно-пересыльном пункте военнопленных Старинову не удалось найти его сослуживцев. В самом городе, как выяснилось, кроме Астафьевой, Биттиг никому не был знаком. Ее соседи также ничего существенного контрразведчикам не добавили. Влюбленный перебежчик, казалось, возник ни откуда, и это настораживало. Опытный контрразведчик Москалев не исключал того, что за этим крылась тонкая игра гитлеровской разведки. Тем не менее, взвесив все за и против, он решился на вербовку и подготовку Биттига к заброске за линию фронта. Соблазн иметь своего агента в штабе 52-го армейского корпуса оказался слишком велик.

Бойкий ефрейтор охотно дал согласие на сотрудничество, написал подписку и для конспирации в работе избрал себе псевдоним «Штабист». Однако предложение Москалева сфотографироваться вместе воспринял без особого энтузиазма и довольно кисло поглядывал на Старинова, который выставил на стол литровую бутылку водки с хилой закуской. Окончательно у него испортилось настроение, когда капитан предложил на обратной стороне фотографии еще раз подтвердить контрразведчикам свою преданность и готовность к выполнению заданий Смерша.

Теперь, когда у Биттига все пути к своим были отрезаны, Москалев направил докладную записку начальнику Управления контрразведки Смерш фронта генералу А. Вадису. В ней изложил существо полученных на перебежчика материалов, поставил в известность о его вербовке и представил оперативный замысел по использованию в разведывательных целях. В управлении, поддержав предложение Москалева, потребовали оперативно провести дополнительную проверку «Штабиста» и не затягивать с отправкой на задание.

Москалев и Старинов немедленно приступили к интенсивной подготовке Биттига для проведения разведывательной работе в гитлеровском штабе. Времени на это катастрофически не хватало: советские войска добивали разрозненные остатки

фашистской группировки, и лишь отдельным группам удавалось вырваться из кольца окружения. Москалев и Старинов спешили, и потому работали с Биттигом день и ночь. Они на ходу обучали его азам разведки, шлифовали детали легенды возвращения в штаб, отрабатывали способы связи и передачи секретной информации.

Ефрейтор оказался на удивление смысленным и способным учеником, все схватывал на лету. На второй день они уже говорили на одном языке — языке разведки. Подготовка шла настолько успешно, что Москалев уже подумывал о ее сокращении. К тому времени он и Старинов разработали в деталях и окончательно согласовали с руководством Управления контрразведки Смерш фронта два варианта задания для «Штабиста».

Первый предусматривал, что после перехода линии фронта вся тяжесть выполнения задания целиком и полностью должна была лечь на его плечи. В частности, по возвращении в часть и получении доступа к секретным документам корпуса, он должен был скопировать их и затем, при благоприятно складывающейся ситуации, доставить в отдел Смерша. В этом случае исключался всякий риск для курьера контрразведчиков, но зато возникала масса проблем для самого «Штабиста». Надолго отлучиться из штаба он не мог. Кроме того, без знания русского языка даже самому опытному агенту скрытно пройти 50 километров по незнакомой местности было делом почти невозможным.

Согласно второму варианту, от «Штабиста» требовалось только одно — после возвращения в часть восстановиться на прежнем месте службы и ждать связника. При его появлении передавать собранную в штабе 52-го корпуса информацию. В этой ситуации основные риски брал на себя связник. Такого человека контрразведчикам не пришлось долго искать. Тот только что-то вернулся из-за линии фронта. Это был опытный подпольщик из числа местных жителей, в совершенстве

знавший немецкий язык. Он без колебаний дал свое согласие. В Управлении Смерш фронта рассмотрели оба предложения Москалева, и окончательный выбор оставили за ним.

Операция по выводу «Штабиста» за линию фронта перешла в завершающую стадию. Но прежде чем довести до Биттига оба варианта задания и познакомить со связником, Москалев решил выслушать мнение смышленного агента. Тот в очередной раз удивил своей сообразительностью. Почти слово в слово «Штабист» назвал то, что намечали для него контрразведчики, и стал настаивать на варианте со связником.

И здесь у Москалева вновь проснулись прежние подозрения: «Штабист» специально подставлен на вербовку гитлеровской разведкой, чтобы внедриться в Смерш! К сожалению, фактов, их подтверждающих, ни ему, ни его подчиненным за то время, что они работали со «Штабистом», добыть так и не удалось. Бравый ефрейтор держался уверенно, разве что в деталях переигрывал. Но это были его, Москалева, предположения, которые к делу не подошьешь и начальству не представишь. Вокруг «Штабиста» была абсолютная пустота. Повторная проверка, которую провел Старинов, ничего не дала. Он был чист. Единственная связь «Штабиста» — Астафьева к тому, что сообщила в первый раз, ничего нового не добавила.

После беседы-инструктажа с Биттигом Москалев возвратился к себе в кабинет и снова принялся за изучение материалов дела, пытаясь найти зацепку, которая бы привела к раскрытию хитроумного плана, возможно, задуманного гитлеровскими разведчиками. Логика ему подсказывала, что сам по себе Биттиг не мог действовать, а значит, в городе должен находиться второй гитлеровский агент. Им мог быть либо агент-радист, либо агент-связник. Старинов в очередной раз принялся перелопачивать тот скудный материал, что работали контрразведчики. Повторная проверка указанных Астафьевой адресов, где она видела Биттига, ничего не про-

яснила. Хозяева одной квартиры были вне подозрений, а в двух других жильцы отсутствовали.

Появление Старинова прервало размышления Москалева. Ни слова не говоря, тот выложил из сумки на стол кучку вещей, среди которых оказался фотоаппарат. Москалев вопросительно посмотрел на него. На лице старшего лейтенанта расплылась довольная улыбка. Не вдаваясь в подробности, он рассказал, что обнаружил его на квартире Астафьевой среди вещей Биттига. Фотоаппарат являлся хоть и косвенной, но все-таки уликой.

Это была не последняя удача контрразведчиков. На следующее утро в одном из двух пустовавших домов, куда заходил Биттиг, появились жильцы. И первая их проверка дала важный результат: хозяин дома незадолго до войны попадал в поле зрения органов госбезопасности, но она помешала довести оперативную разработку хозяина до конца. Подозрения Москалева о связи Биттига с гитлеровской разведкой, хотя и косвенно, начали подтверждаться. Но он не спешил «дожимать» бойкого ефрейтора и, как обычно, приступил к очередному занятию с ним. Они шлифовали последние детали разведывательного задания.

До переброски «Штабиста» через линию фронта оставалось меньше суток, и это будоражило ему кровь. Несколько раз он путался в легенде прикрытия и не сразу смог вспомнить место и имя хозяина запасной явки. Москалев посчитал, что наступил подходящий момент и нанес свой первый удар — выложил на стол фотоаппарат.

С затаенным страхом Биттиг поглядывал то на объектив, предательски поблескивавший на солнце, то на капитана-контрразведчика. Тот решил воспользоваться его растерянностью и «взять» на фотоаппарате, но споткнулся. Биттиг быстро оправился и начисто отверг обвинения в шпионской связи с гитлеровской разведкой. Москалев не стал его дожимать, и свой последний «козырь», объявившегося накануне в адресе

хозяина, как он предполагал, содержателя явочной квартиры, не стал пускать в ход и отправил Биттига под присмотр караула.

Тем временем Старинов работал по засветившемуся адресу. Хозяин дома чех Рудольф Гочекаль, попавший в плен еще в Первую мировую войну и затем осевший в России, как выяснилось, для контрразведки был не чужим человеком. У нее, а точнее — у архивов, оказалась крепкая память, которую не смогла стереть даже война. Незадолго до ее начала он проверялся местным отделом НКВД. Но тогда возникшие было у сотрудников подозрения о его связях с германской разведкой не нашли документального подтверждения. На этот раз Гочекалю не повезло: спустя два года цепочка доказательств замкнулась. Последним звеном в ней оказался Биттиг, подсветивший явочную квартиру, а вместе с ней и ее хозяина.

Появление на пороге своего дома Старинова с вооруженными бойцами из отделения охраны отдела Смерш нагнало страх на Гочекаля. В кабинет к Москалеву он вошел сам не свой и «поплыл» уже на первых вопросах. Одно только упоминание контрразведчиками о его прошлых подозрительных контактах с сотрудниками германской фирмы, работавшими в середине 30-х годов в России, «развязало» ему язык. Гочекаль, видимо, посчитал, что его раскрыли и, спасая свою жизнь, заговорил.

Он признался, что с 1936 года тесно сотрудничал с германской разведкой. До войны выполнил ряд ее задания. Во время гитлеровской оккупации Рославля о нем, по его словам, на время забыли. Но когда обстановка на фронте накалилась, и он откатился к городу, вспомнили снова. В кабинете начальника отдела разведки 52-го армейского корпуса капитана Виккопфа его познакомили с Клаусом Биттигом. Не вдаваясь в детали задания Биттига, он поручил Гочекалю обеспечить канал связи. Теперь на руках у Москалева имелись не только весомые вещественные доказательства, но и живой свидетель, чтобы припереть гитлеровского «жениха» к стенке.

Ночь подходила к концу. Контрразведчики так и не сомкнули глаз. Они выверяли имевшиеся на руках доказательства перед решающим допросом гитлеровского агента, и готовили для него сюрприз. По замыслу Москалева, он должен был срабатывать и не оставить Биттигу не одно шанса выйти сухим из воды. А тот, словно чувствовал, как над ним сгущаются тучи, тоже не ложился спать. Он, как маятник, ходил из угла в угол, пытаясь предугадать, какой еще подвох могли приготовить контрразведчики.

За окном забрезжил рассвет. В коридоре жалобно скрипнули доски под тяжестью часового. Биттиг невольно напрягся и стал прислушиваться к тому, что происходило за стенами. Шаги затихли. Наступившую тишину нарушил скрежет ключ в ржавом замке. Этот звук болезненной гримасой отразился на лице Биттига. Его глаза, как к магниту, тянулись к двери. С пронзительным визгом она распахнулась. В проеме возник неправдоподобно громадный серый силуэт часового. Он грозно щелкнул затвором и повел стволом автомата в сторону выхода.

На ватных ногах Биттиг переступил порог. Впервые за четыре дня его взяли на мушку. Сутулясь, он брел по пустынному коридору. По щербатой от разрывов пухь лестнице поднялся на второй этаж. Вошел в кабинет Москалева, беглым взглядом пробежал по его лицу и лицу Старинова, пытаясь на них прочесть ответ. Но они были непроницаемы, как маски. В кабинете находился еще третий. Он стоял в углу. Широкие поля надвинутой на самые глаза шляпы скрывали лицо. Биттиг интуитивно ощутил нависшую над ним опасность, исходившую от неизвестного и, опустившись на табурет, невольно косил глаза в его сторону.

Москалев выдержал долгую паузу, затем молча вытащил из ящика большую фотографию, поднялся из-за стола, подошел к Биттигу и сунул ее в лицо. Выдержка изменила гитлеровскому агенту. Нервным спазмом перехватило дыхание, а на лбу высту-

пила обильная испарина. В тусклом свете нещадно чадившей керосиновой лампы он с первого взгляда узнал на фотографии своего связника — Гочекаля.

Как? Каким образом она оказалась у контрразведчиков? Искать ответ Биттигу не пришлось. За спиной раздалися шаги, и на свет вышел сам Гочекаль!

Задуманная крупная игра гитлеровской разведки была проиграна. Биттиг заговорил на хорошем русском языке. Его хитроумно запутанная шпионская история во многом отличалась от тех, что десятками распутывали контрразведчики Смерша. На этот раз в абвере проявили фантазию.

В сентябре 1943 года он, оберлейтенант отдела 1-Ц разведки армейского корпуса, сменил серебряное шитье офицерских погон на неброский мундир ефрейтора. С того дня начался не простой путь Биттига в советскую контрразведку.

Первый этап замысла многоходовой операции, одобренной в абвере на самом верху, не вызвал больших затруднений. Появление ефрейтора Биттига в штабе 52-го армейского корпуса прошло гладко. Работа заведующего хранилищем топокарт и секретных документов оказалась непыльной. Она требовала аккуратности и внимательности. С этим у Биттига было все в порядке. С начальством и сослуживцами быстро сложились деловые отношения. Никто из них даже не догадывался об истинном его предназначении.

Гораздо труднее было найти подход к местной подпольщице Анне Астафьевой. Она, того не подозревая, должна была сыграть ключевую роль в легализации Биттига после отступления германских войск из Рославля, и затем сформировать у контрразведчиков положительный образ противника фашизма. Несколько заранее подготовленных капитаном Виккопфом «заготовок» не сработало. Анна никак не среагировала на них.

Подходил к концу сентябрь, а Биттиг все еще был далек от цели. Времени для выполнения задания оставалось в обрез. Русские могли ударить в любой момент. И тут сработала

резервная заготовка Виккопфа. Астафьева легко попала в расставленную им любовную ловушку.

Все остальное уже было известно Москалеву и Старинovu. Теперь их интересовало больше другое: кто, кроме самого Биттига, был оставлен в тылу советских войск для проведения шпионской и диверсионной деятельности? Оказавшись перед выбором: жизнь или смерть, он выбрал первое. На дальнейших допросах Биттиг выдал известных ему агентов, подробно рассказал о структуре разведотдела 52-го армейского корпуса и дал развернутые характеристики своим сослуживцам. Так благодаря профессионализму и настойчивости контрразведчиков «сватовство жениха» из абвера к Смершу не состоялось.

Две истории дневника полковника Бойе

Ранним морозным утром 29 января 1943 года в развалинах школы на окраинах Сталинграда полковая разведывательно-поисковая группа натолкнулась на человекоподобное существо. Оно с трудом выкарабкалось на край воронки. Его ноги, замотанные в детское одеяло, скользили по обледеневшим обломкам кирпича и бетона. Полы длинного, с чужого плеча тулупа цеплялись за искореженную металлическую арматуру. Сквозь дыры засаленного женского платка на красноармейцев с затаенным страхом смотрели серые водянистые глаза. Только по нашивкам на порванном и прожженном мундире они догадались, что перед ними находится немецкий полковник.

Долго не разбираясь, полковника отправили в отдел военной контрразведки вместе кожаным французским чемоданом, обнаруженным в подвале, который служил последним его прибежищем.

За те несколько часов, что пленного вели в штаб, он успел оправиться и прийти в себя. В кабинет старшего оперуполномоченного капитана Густава Федорова вошел обыкновенный окопный полковник. Такие, как он, в конце января перед военными контрразведчиками проходили по десятку в день. Здесь, в развалинах Сталинграда, перед лицом советских офицеров и солдат они, некогда лощеные генералы и полковники вермахта, становились маленькими, суетливыми и угодливыми.

И этот ничем не отличался от них. Он охотно и четко отвечал на вопросы, которые задавал моложавый капитан с ранней сединой на висках. Перед Федоровым на столе лежала карта 134-го пехотного полка. В верхней ее части стояла его, полковника Бойе, размашистая подпись. Капитан водил карандашом

по карте и уточнял места расположения уже не существующих батальонов и рот полка.

Бойе нечего было скрывать. Зимнюю кампанию под Сталинградом вермахт проиграл вчистую. Ударная 6-я армия любимца фюрера генералфельдмаршала Паулюса была перемолота в «русских жерновах». Ее остатки спасение от ураганного огня артиллерии и лютых морозов искали в плену. Почти никто не уцелел и из полка Бойе. Большинство офицеров и солдат полегло в этих, ставших для них жутким кладбищем, руинах. Секретные документы и вся штабная канцелярия сгорели или остались лежать под развалинами школы.

Допрос подходил к концу. Бойе успокоился и мысленно уже готовился «тянуть лямку» в русском плену. Для него это было не в новинку. Двадцать лет назад, в сентябре 18-го, на той первой своей войне, он лейтенантом попал в плен британцам и на свободу вышел в октябре 19-го, прибавив в весе и научившись сносно говорить по-английски. Здесь, в России, после того, что они натворили в Сталинграде, рассчитывать на подобное не приходилось.

«Главное — остался жив», — тешил себя Бойе. Выдержка и хладнокровие изменили ему, когда на столе появились дневник под названием «История 134-го пехотного полка, или Борьба немецкого мастера против Советов», а затем потертый пакет с фотографиями.

В это миг он проклял тот день и час, когда тщеславная мысль подтолкнула его взяться за перо, чтобы увековечить победоносный поход полка в «варварскую Россию».

Бойе напряженно следил за каждым жестом капитана. Похоже, тот знал немецкий и, пододвинув керосиновую лампу, стал внимательно вчитываться в аккуратный и убористый почерк, которым были исписаны страницы дневника. В тишине блиндажа отчетливо зазвучал голос капитана:

«Когда я 15 марта 1941 года во Франции, стоящий на параде знаменитого полка «Дойчмейстер» во время незабываемого праздника 245-й его годовщины давал клятву, что полк, несо-

мненно, проявит себя в боях с врагом, я тогда не думал, в каких обстоятельствах исполнится моя надежда...

25 марта начинается погрузка. Последнее прощанье, и поезд медленно отходит. Продолжительная дорога по всей Франции. Плодородная почва и безлюдные пространства. Вскоре поезд въехал в пределы Эльзаса. Какой здесь порядок и чистота! Германия! Везде видим работу и веселые лица людей. Какая разница! Это высшая точка! Слышны удары пульса новой эры...

Проезжаем старую немецкую границу. Мы в Польше. Везде видим евреев. Уже давно пора, чтобы эта страна перешла в порядочные руки империи...

Начинается весна. После нескольких недель отдыха и обучения в окрестностях Паверке полк продолжает свой путь на восток...

22 июня полк занимает укрепления, еще одна ночь, и тогда начнется невиданная борьба порядка против беспорядка, культуры против бескультурья, хорошего против плохого. Как мы благодарны фюреру, что он вовремя заметил опасность и неожиданно ударит. Еще только одна ночь!..

За рекой Буг стоит враг. Стрелки часов медленно движутся. Небо розовеет. Три пятнадцать! Ударил наша артиллерия. Огонь ведется из сотен стволов. Передовые группы бросаются в лодки и переправляются через Буг. Бой начался! Неожиданный удар удался — другой берег наш! Звучат выстрелы. Здесь горит дом, там соломенный стог. Первое сопротивление сломлено. Теперь вперед, дальше!..».

Здесь капитан прервал чтение, поднял голову и тяжелым взглядом окатил пленного. Бойе поежился и заелозил на табурете. Но Федоров не замечал его суетливых движений и бегающих глаз. В эти мгновения он был там, в далеком и трагическом июне сорок первого...

Через распахнутое окно кабинета легкий утренний ветерок доносил опьяняющий запах увядающей сирени и сладковатый дымок, потягивающий со стороны Брестской крепости. Дежурные смены поваров поднялись на ноги еще до рассвета

и растапливали походные кухни, чтобы приготовить ранний завтрак для последних рот, отправлявшихся в летние лагеря. Перед ним, тогда еще оперуполномоченным особого отдела лейтенантом Густавом Федоровым, сидели трое. За их плечами грозной тенью нависал часовой.

Шел второй час допроса, но пока ясности в отношении подозрительной троицы, задержанной патрулем неподалеку от северных ворот крепости, у него не было. Командир группы, нагловатый старлей, вел себя вызывающе и продолжал утверждать, что они из штаба дивизии. Наличие рации в вещмешке сержанта он объяснял спецзаданием, которое получил на учения, и наотрез отказался назвать причину появления группы у стен крепости. Это не убедило Федорова, и тогда расвирепевший сталей начал грозить самыми суровыми карами. Проверить и подтвердить его информацию в штабе или особом отделе дивизии у Густова не было возможности. Старый армейский телефон безжизненно молчал, опять где-то на линии произошел обрыв.

Федоров ломал голову, как поступить с задержанными. Отпустить их, не убедившись, что это свои, а не гитлеровские лазутчики, которые в последние две недели не давали покоя, было бы непростительной ошибкой; тут попахивало трибуналом. Продолжать и дальше удерживать разведгруппу штаба дивизии, значит, поставить под угрозу срыва план предстоящего учения. Медлить было нельзя, и он послал в крепость посыльного в надежде, что хоть там работает связь.

Еще не успели стихнуть шаги сержанта-пограничника, как он снова появился на пороге. На нем не было лица. В глазах плескался ужас. Леденящий холодок окатил спину Федорова. Недобрые предчувствия скорой войны, слухи о которой в последние дни упорно бродили среди солдат и офицеров, ожили в нем с прежней силой. Он подался к окну.

Во дворе суматошно металась размытые тени и раздавались тревожные крики. Со стороны Брестской крепости доносился выворачивающий душу надрывный вой серен. Сердце Федорова сжало предчувствие страшной и неотвратимой беды. Он задрал

голову, и в нем все помертвело. Небо сплошь усеяли хищные силуэты наплывавшей с запада армады самолетов.

Первый робкий луч солнца скользнул над горизонтом, и через мгновение небо полыхнуло сотнями зловещих багрово-красных огней. Грозный, нарастающий гул авиационных моторов плющил и гнул к земле. Это была война!

В следующее мгновение яркая вспышка разорвала во дворе предрассветный полумрак. Пол ушел из-под ног Федорова. Чернильница жалобно задрезжала и лягушкой поскакала по столу. Потолок и стены угрожающе затрещали. Взрывная волна вышибла стекла и опрокинула его на пол.

Сотни снарядов и авиабомб обрушились на Брестскую крепость и погранзаставу. Рушились и горели дома командного состава и казармы. Под обломками гибли жены и дети офицеров. Огненный смерч сметал все на своем пути. В зареве пожаров поблекло утреннее солнце...

Капитан Федоров тряхнул головой, чтобы освободиться от жутких воспоминаний о тех первых днях войны, и снова склонился над дневником. Его автор со скрупулезностью аптекаря день за днем описывал путь 134-го пехотного полка «Дойчмейстер» по советской земле. С течением времени тон записей становился все более нервным и раздражительным.

В ноябре 1941 года автор писал:

«Продвижение все ухудшается. Противник укрепляется. Часто в селах квартиру приходится завоевывать с оружием. Начались дожди. Мы застреваем по колено в грязи. Машины и повозки безнадежно вязнут или скатываются на обочину. Днем и ночью слышны крики и ругань...».

Далее он продолжал:

«Все мы удивлены, как выглядит Россия. У многих пропала надежда на хлебный рай на Украине. Мы возмущены тем, что увидели в этом «раю» Советов. Полное бездорожье. Крытые соломой глиняные домишки с маленькими окошками. Кроме полуразрушенной халупы, пары курей и одной свиньи крестьянин ничего не имеет. И это называется рай Советов!?!».

Тем большее недоумение вызывало у автора растущее сопротивление войск Красной армии и отчаянные ночные атаки окруженцев. Они, русские, не желали сдаваться и не хотели подчиняться «новому» фашистскому порядку, так милому его сердцу. Порядку, в котором его идол и властелин Гитлер отводил этим недочеловекам, славянам и евреям, лишь одно место — за колючей проволокой лагерей смерти.

В декабре сорок первого автору было уже не до дневника. Полк втянулся в затяжные, кровопролитные бои и записи стали носить отрывочный характер. Они были проникнуты ненавистью к противнику, которой никак не хотел сдаваться на милость победителя. Следующий, 1942 год принес ему одни только разочарования. Половина полка полегла на подступах к Сталинграду в прокаленных жгучим солнцем донским степях. Полноводная великая русская река Волга стала непреодолимой преградой на пути 134-го пехотного полка. В сталинградском «котле» бесславно закончилась вековая путь и история «Дойчмейстера», а с ними и жизнь большинства его командиров и солдат. Вместе с ней оказалась похороненной и тщеславная мечта Бойе. В семье мелкого лавочника из Берлина так и не дождалось появления нового Бисмарка.

Капитан закончил читать дневник и затем потрянул бумажный пакет. На стол посыпались фотографии. Горящие дома, взорванные церкви, истерзанные тела красноармейцев и мирных граждан. Эту единственную улику в руках военных контрразведчиков Бойе отнял, и все свалил на оберлейтенанта Эверста из отдела пропаганды 44-й пехотной дивизии, неделю назад погибшего под обломками дома в Сталинграде.

И здесь профессиональный опыт и интуиция подсказывали Федорову, что за этими строчками из дневника могла таиться страшная для Бойе правда. Он продолжил допрос. Но полковник полностью отвергал все подозрения и категорически отрицал свою причастность к тем преступлениям, что бесстрастно запечатлел объектив фотоаппарата.

На следующий день все повторилось — Бойе стоял на своем. И Федорову, у которого в условиях постоянно меняющейся обстановки на фронте не было достаточно оперативных и иных возможностей организовать его глубокую разработку, ничего другого не оставалось, как отправить подозрительного полковника в армейский сборно-пересылочный пункт проверки.

Там Бойе тоже долго не задержался. Косвенные улики, фотографии, в руках армейских особистов и на это раз не сработали. Оперативная разработка также ничего не дала. Он крепко держал язык за зубами и мало распространялся о своей службе и боях, в которых участвовал 134-й пехотный полк. За те несколько недель, что Бойе находился на фильтрационном пункте, оперативники и следователь так и не смогли вывести его на «чистую воду». Свидетелей военных преступлений, в совершении которых он подозревался, за все это время в числе пленных не оказалось.

По завершении предварительной проверки Бойе отправили с очередным этапом в глубокий тыл.

Конечным пунктом назначения для него стал Красногорский спецлагерь, затерявшийся в густых марийских лесах. В нем содержались пленные офицеры и генералы вермахта. Чистый барак с отдельной комнатой, где жил Бойе с тремя старшими офицерами, сносная пища и работа по желанию в столярных мастерских или на заготовке леса, ничего общего не имели с теми страшными рассказами об ужасах советских лагерей, о которых трубила геббельсовская пропаганда. Для Бойе и сотен других военнопленных потянулись дни, похожие один на другой. Монотонное течение лагерной жизни время от времени нарушали скудные новости о положении на фронтах, приходившие в лагерь с очередной партией пленных, или суд над разоблаченным военным преступником. Это местная контрразведка не дремала и упорно копала под тех, кто засветился на связях с гитлеровскими спецслужбами, на участии в карательных операциях против партизан и в зверствах над местным населением и советскими военнопленными.

По мере того, как части Красной армии все дальше продвигались на запад, судебные процессы над военными преступниками происходили все чаще и чаще. На освобожденных от оккупантов территориях заговорили мертвые и уцелевшие после карательных расправ свидетели их злодеяний.

Бойе по-прежнему оставался крепким «орешком» для контрразведчиков. Месяц шел за месяцем, а его дневник продолжал оставаться для них неразгаданной загадкой. Сам он не горел желанием раскрывать ее перед ними и продолжал валить все на оберлейтенанта Эверста из отдела пропаганды сорок четвертой пехотной дивизии, под диктовку которого, по словам Бойе, он писал эту «пропагандистскую агитку». Ничего не дали и настойчивые поиски его сослуживцев по другим лагерям военнопленных. А те немногие, что нашлись, предпочитали не распространяться о своей службе в 134-м пехотном полку. Но контрразведчики не теряли надежды и продолжали оперативную разработку Бойе. Их терпение в конце концов было вознаграждено.

26 сентября к ним поступили агентурные данные, косвенно указывавшие на то, что именно Бойе мог быть причастен к тем преступлениям, которые запечатлел объектив фотоаппарата. Накануне во время беседы в узком кругу он проговорился, что с 1936 по 1938 год служил командиром батальона СС в Гамбурге. Позже, когда в лагерь просочились слухи о временных победах фашистов в Крыму, Бойе с нескрываемой радостью заявил своим собеседникам: *«С этим сбродом вскоре будет покончено! Нельзя терять веру в себя и Германию!»*.

Спустя несколько дней контрразведчики получили еще одну важную оперативную информацию. Она придавала новый импульс разработке Бойе. Агент сообщил то, что старший оперуполномоченный капитан Сергей Савельев и начальник отдела подполковника Федор Пузырев рассчитывали давно услышать: *«Полковник Бойе очень опасается истории со своей «книжкой»*. Это лишний раз убедило их в том, что они ведут работу в правильном направлении.

Теперь основные свои усилия оперативники и следователь сосредоточили на поиске свидетелей преступлений, совершенных Бойе. Прошло еще некоторое время. В лагерях для военнопленных № 27 и № 171 нашлись бывшие его сослуживцы: командир 1-го батальона майор Поль Эбергард и унтер-офицер из 2-го артдивизиона Пауль Сухич. Их подвергли перекрестному допросу. Спасая себя, они недолго запирались и покрывать преступления бывшего командира ни тот, ни другой не стали.

Первым заговорил Сухич. Вместе с ним контрразведчикам пришлось заново перечитывать дневник Бойе. Их, успевших немало повидать за три года войны и хлебнуть своего и чужого горя, «литературные изыскания» фашиста потрясли жестокостью совершенных злодеяний. Пальцы с трудом переворачивали эти страницы дневника, казалось, налившиеся и сочащиеся кровью безвинных жертв.

Из дневника полковника Бойе:

«Рай Советов»

«Что мы видим в раю Советов? Народ не имеет религии и души. Церкви разрушены или служат амбарами. Культуры не видно и следа. Тупо сидит население у своих разрушенных домов. У каждого из нас лишь одно чувство — это счастье, что фюрер решил радикально изменить эту порочную систему.

Победа, сохрани нашего фюрера!»

Из протокола допроса оберлейтенанта Пауля Сухича:

«В 15–20 км от города Дергачи, в населенном пункте, название которого не помню, по приказу полковника Бойе все население было согнано в синагогу, последняя была заминирована и взорвана вместе с находящимися там людьми. Это было в ноябре 1941 года...

В населенном пункте Несолонь, восточнее 30 км от Новгород-Волынский, полковник Бойе приказал взорвать церковь. Церковь была взорвана 12 или 13 июля 1941 года...

Приблизительно в первой половине августа месяца 1941 года по дороге Круполи — Березань, в 10 км от станции Березань, был сожжен совхоз и расстреляно более 300 военнопленных Красной

армии, среди которых большинство были женщины. Полковник Бойе еще кричал: «Что означает женщина с оружием — это наш враг!».

Из дневника полковника Бойе:

«Выходные дни»

«Не часто выпадали выходные дни в войне против Советов. Но после горячих боев около Юровки, Почтовой и на юго-западной окраине Киева принимаем выходные, как лучшие дни. Как быстро в шутках забываются упорные бои. Теплое августовское солнце светит с неба. Все ходят в спортивных брюках. Солдаты занимаются своим лучшим занятием, заботой о желудке. Это удивительно, сколько может переварить солдатский желудок. Утки, курицы и гуси, ничто не может скрывается. Их ловят, гоняют и стреляют».

Из протокола допроса оберлейтенанта Пауля Сухича:

«В первой половине августа около города Киева полковник Бойе развезжал по полю на своей машине и стрелял по военнопленным из винтовки, т. е. охотился на них. Убил лично сам десять человек. Данный факт также видел я.»

Из дневника полковника Бойе:

«Наступление на Дубно»

«Невыносимо жжет солнце. Золотистый урожай на полях. Как хорошо в пшеничном поле! В бесконечных рядах через пески Вольни продвигаются серые колонны. Песок, как мука, попадает в сапоги и делает невыносимым каждый шаг. Пот ручьями течет по лицу и телу. Пересохло во рту. Воды! Воды! Но ничто не может задержать нас! Ни жара, ни песок, ни пыль и ни пот. Мы все дальше и дальше продвигаемся на восток».

Из протокола допроса майора Поля Эбергарда:

«В городе Дубно 134-й полк захватил в плен много русских танков и четыре танковых экипажа. По приказу полковника Бойе они были расстреляны. Солдаты в городе занимались грабежом мирного населения. По его приказанию все памятники, статуи, бюсты советских руководителей уничтожались личным составом».

Из дневника полковника Бойе:

«Шоссейная дорога на север»

«Коммунизм за все годы существования ничего не делал, кроме как уничтожения Европы и в первую очередь Германии. Большевики только и делали, что повсюду укреплялись. Везде мы видим огромные укрепления, казармы и казармы. Длинные колонны военнопленных встречаются нас. Азиатские лица смотрят на нас. История потеряла свой ум! Чтобы эти орды победили нас?»

Из протокола допроса оберлейтенанта Пауля Сухича:

«Около села Крупполи, у озера, в камышах, по приказанию полковника Бойе было расстреляно пять комиссаров. Это лично видел я, находясь с одним сержантом из нашей роты на охоте в этих камышах. Там же, название населенного пункта я не помню, лично полковник Бойе расстрелял офицера, который прятался в стоге сена. Для демонстрации этот труп лежал непогребенным. Среди солдат ходили разговоры, что труп принадлежал работнику ГПУ. Раньше в укрепленном пункте Янов, за рекой Буг, за укреплением из бетона была построена группа из командиров и красноармейцев Красной армии, приблизительно 20 человек. Полковник Бойе приказал их расстрелять».

Теперь в распоряжении Савельева и Пузырева помимо дневника и фотографий, которые давали основания подозревать Бойе в совершении тяжких преступлений, имелись свидетельские показания бывших сослуживцев: майора Поля Эбергарда, капитана Краузе, оберлейтенанта Сухича и лейтенанта Гростмана.

Но Бойе продолжал полностью отрицать предъявленные обвинения и отказывался признать свою вину. Но так продолжаться бесконечно не могло, кольцо доказательств все плотнее смыкалось вокруг него. Прошлый полицейский опыт подсказывал ему, что надо сдавать других, чтобы выторговать себе жизнь. Серебро полковничьих и офицерская честь превратились в ничто, когда дело коснулось собственной шкуры. Спасая ее, Бойе инициативно предложил свои услуги в «освещении»

обстановки среди пленных генералом и офицеров. Пузырев с Савельевым приняли его игру — Бойе стал секретным осведомителем под псевдонимом «Цезарь».

От «Цезаря» в нем ничего не имелось, и максимум на что он тянул, так это на роль мелкого доносчика. Бойе принялся рьяно строчить доносы. Первой его мишенью стал, ни много ни мало, генерал-фельдмаршал Паулюс.

Бойе доносил:

«Я познакомился с генерал-фельдмаршалом Паулюсом еще до войны на маневрах. Тогда он был генералом и начальником штаба танкового корпуса. Здесь, в лагере, его все уважают и почитают. На политические темы он вообще не разговаривает, так как считает, что его подслушивают. Фельдмаршал никогда и ничего не предпримет против Германии и ее правительства. К «Союзу немецких офицеров» его никогда нельзя будет привлечь. Это он расценивает как предательство...».

Реакция контрразведчиков на это сообщение Бойе была более чем прохладной. Они не купились на протухшую информацию и, продолжая с ним игру, скрупулезно собирали доказательства, уличающие его в совершенных военных преступлениях. И тогда «Цезарь» стал сдавать всех подряд. Следующим после Паулюса стал генерал-полковник Штреккер, с которым воевал еще в Первую мировую войну. Старый армейский служака после возвращения Бойе из британского плена не забыл его и, как мог, помогал. И здесь в лагере он остался верен армейскому товариществу. На допросе у контрразведчиков Штреккер настаивал на том, что «обвинение Бойе в неправильном обращении с русским населением может быть только ошибкой». И с армейской решительностью заявлял: «Я за это полностью отвечаю!».

Бойе не замедлил отплатить генералу черной неблагодарностью. В очередном своем доносе сообщал:

«Генерал Штреккер раньше многих других офицеров стал придерживаться национал-социалистических взглядов. Он против «Союза немецких офицеров» и никогда и ничего не пред-

примет против Германии. К деятельности в плену его привлечь нельзя».

Не забыл Бойе и своего непосредственного командира — генерал-лейтенанта Дебуа. О нем он писал:

«Генерал Дебуа — убежденный национал-социалист и противник «Союза немецких офицеров». Но он не верит в военную победу Германии и его можно привлечь к сотрудничеству».

Бойе настрочил доносы еще на десяток бывших генералов и офицеров германской армии. Но это не могло отвлечь внимания Пузырева и Савельева от главного — поиска непровержимых фактов, свидетельствовавших о совершенных им преступлениях. И тогда Бойе, продолжая выторговывать себе жизнь, прибегнул к очередной уловке. Он пытался убедить контрразведчиков в том, что может быть полезен в самой Германии, и предлагал услуги для установления контактов со своими высокопоставленными связями в Берлине. В своих прожектах Бойе рассчитывал, якобы в интересах советских спецслужб, привлечь их к сотрудничеству с «Союзом немецких офицеров» для «...борьбы с Гитлером, чтобы подготовить необходимый демократический строй в Германии».

Эта очередной его ход не усыпил бдительности Савельева и Пузырева. 18 октября 1943 года на имя заместителя начальника УНКВД СССР по делам военнопленных комиссара госбезопасности 3-го ранга Мельникова был направлен рапорт, в котором указывалось:

«За период пребывания в лагере Бойе выполнил ряд заданий и представил небольшие материалы описательного характера. Высказал заинтересованность в своем производстве в генерал-майоры, чтобы потом активно работать в генеральском лагере. Вместе с тем на него добыты оперативные и документальные данные, указывающие на участие в злодеяниях против командиров, комиссаров и солдат Красной армии».

Реакция Мельникова на доклад была острой и незамедлительной. Он потребовал от Пузырева и Савельева «взять Бойе в активную разработку». И они продолжили кропотливую

работу по сбору доказательств его преступной деятельности. В 1944 году перед ними открылись более широкие возможности подкрепить вещественными доказательствами письменные показания Сухича, Поля, Краузе и Гростмана.

К тому времени под ударами советских войск гитлеровские войска все дальше откатывались на запад. На освобожденных территориях постепенно возвращались к жизни живые, и восставала из пепла безымянных могил память о трагических жертвах «нового» фашистского порядка. Оперативно-следственные группы органов государственной безопасности приступили к документированию совершенных гитлеровцами преступлений.

В ходе расследования, проводившегося по местам пребывания 134-го пехотного полка перед оперативниками и следователями все отчетливее проступал кровавый след, оставленный Бойе и его подчиненными на советской земле. Заговорили мертвые и живые свидетели злодеяний, совершенных солдатами вермахта.

Нельзя без содрогания читать скупые строки из акта № 24 от 5 мая 1945 года Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских войск, совершенных в Ровенской, Житомирской и Киевской областях. Вместе с членами комиссии военные контрразведчики еще раз прошли по жуткому следу преступника Бойе.

Акт государственной комиссии бесстрастно свидетельствовал о творимых им зверствах:

«Южнее села Быдумка Ровенского района в 500 метрах, в лощине песчаного карьера, обнаружено два кострища, возле которых находятся три больших пятимиллиметровых листа железа и девять рельсов. Указанное железо и рельсы обгорели во время сжигания людей. Помимо костров на расстоянии тридцати метров имеется яма размером в квадрат 6 метров и три метра глубиной, которая наполовину наполнена человеческим пеплом и не догоревшими костями».

Допрошенная в качестве свидетеля жительница села Несолонь Михайловская показала:

«В июле 1941 года командир полка полковник Бойе лично расстрелял моего мужа за связь с партизанами. Кроме того, по его приказанию были сожжены дома многих жителей».

Житель того же села Оскиренко подтвердил:

«В июле 1941 года по приказу полковник Бойе также были сожжены церковь и 12 жилых домов, а жители села убежали в лес, преследуемые немцами».

И таких свидетельств в деле разработки на бывшего гитлеровского полковника Бойе, секретного осведомителя «Цезаря» и военного преступника оказалось более чем достаточно. В мае 1946 года в отношении него было возбуждено уголовное дело. Последнюю точку в кровавой истории дневника Бойе поставил суд.

29 декабря 1947 года после завершения следствия военный трибунал войск МВД Татарской АССР на основании части первой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года приговорил Бойе к лишению свободы сроком на 25 лет. К тому времени смертельная казнь в Советском Союзе была отменена.

По следу «оборотня»

17 сентября 1944 года передовой батальон советских войск, подавив последнюю огневую точку противника и не встречая на своем пути сопротивления, все дальше продвигался вглубь территории Финляндии. Но звенящая тишина, затаившая в густом ельнике тишина, невольно заставляла командиров и бойцов крепче сжимать в руках оружие. Головной дозор боевого охранения осторожно продвигался вперед по хорошо укатанной проселочной дороге. Позади остался еще один километр, и тут справа над лесом показались караульные вышки.

По колонне пронеслась команда: «Рассредоточиться!».

Бойцы рассыпались в цепь и заняли оборону. Группа разведчиков, прихватив с собой пулемет, скрылась в лесу, а командиры рот собрались на совещание у штабной машины. Не успев начаться, оно закончилось. На поляне появился разведчики. Вслед за ним тащились два изможденных, едва державшихся на ногах человека. Как оказалось, в глубине леса располагался концентрационный лагерь № 2 для советских военнопленных.

Батальон снова построился в колонну и, оцетинившись стволами автоматов, двинулся дальше по дороге. Она круто пошла вверх, а затем, несколько раз вильнув, скатилась вниз. Лес расступился, и на красноармейцев гнилым оскалом четырехметрового, почерневшего от времени и непогоды забором, вылез лагеря. Что за ним могло находиться? Горы человеческих тел, истерзанных пулеметными очередями? Кучка охранников, которым уже было нечего терять, и готовых отстреливаться до последнего патрона. Что?

Тишина безмолвствовала. Не было слышно остервенелого лая сторожевых псов, звона топоров и визга пил.

Группа разведчиков первой шагнул в распахнутую настежь пасть ворот. Настороженно поглядывая по сторонам, они медленно продвигались к центру лагеря. Повсюду виднелись следы панического бегства. У штабного барака простужено почихивал двигатель «опеля». Со стороны офицерской столовой потягивало аппетитным запахом приготовленного обеда. На огромном пустынном плацу ветер водил затейливый хоровод из грозных приказов коменданта лагеря, уже никому и ничем не грозивших.

Позади разведчиков осталась ухоженная административная зона, и через десяток метров перед ними снова вырос забор из колючей проволоки. За ним виднелось два десятка приземистых барakov, словно вросших в землю. Мрачными глазницами затянутых решетками крохотных оконцев, они печально смотрели на красноармейцев. Наглухо заколоченные досками двери говорили о том, что задержись батальон на час-другой, и на их месте осталось бы одно пепелище. Разведчики невольно замедлили шаг, а через мгновение принялись крушить ворота и рубить саперными лопатами колючую проволоку. В ответ из барakov донесся глухой гул. Он набирал силу и скоро слился в один рвущий душу и сердце не то стон, не то плач: «Наши! Наши пришли!».

Под ударами прикладов и топоров разлетелись в щепки запоры на дверях барakov. Сотни узников, среди которых находился и бывший рядовой 95-го стрелкового полка Илья Стариков, бросились навстречу своим освободителям. И когда схлынула первая волна радости и была съедена первая тарелка настоящего супа, в лагерь въехали две машины. В них находились работники Смерша. Большинству бывших военнопленных, оказавшихся в лагере в далеких 41–42 годах, это название ничего не говорило, но уже в самом слове крылось что-то тревожное и пугающее. Оно невольно заставляло сжиматься сердца и ледящим холодком обдавало спины.

Выбравшись из машин, работники военной контрразведки поднялись в штабной барак и разошлись по кабинетам. «Осо-

бисты!.. Фильтрация?.. Теперь — Колыма», — тревожный шепоток прошелестел среди бывших военнопленных. Радость близкой свободы сменилась на их лицах печалью и горечью. Над лагерем и длинной очередью, выстроившейся к штабному бараку, вновь воцарилась гнетущая тишина. Очередь медленно растекалась по кабинетам, за дверями которых звучал монотонный гул голосов.

Бывших пленных, в большинстве своем без вины виноватых, «фильтр» военной контрразведки «процеживал», чтобы выявить тех, кто пытался скрыть под лагерной робой свое волчье обличье: участие в карательных акциях, службу у оккупантов, сотрудничество с германскими и финскими спецслужбами.

На плечи бывших взводных и ротных, еще недавно водивших в атаку своих бойцов, которых суровое военное время отобрало для службы в Смерше, теперь легло тяжелое и неблагодарное бремя. Им приходилось допрашивать таких же, как и они в прошлом, сержантов и лейтенантов Красной армии, а потом взвешивать на невидимых весах меру их вины. В эти минуты контрразведчики по-настоящему завидовали тем однополчанам, кто сейчас воевал в боевых частях. Там все было предельно просто и ясно. Они хорошо знали, кто твой друг, а кто твой враг. Здесь вся было иначе. За изможденным от голода лицом и честными глазами мог таиться предатель, каратель или вражеский агент. Это была тяжелая и неблагодарная работа, наград и повышений по службе за нее не давали.

Каждый раз, когда дверь кабинета распахивалась, и на табурет садился очередной военнопленный, контрразведчику приходилось решать задачу со многими неизвестными. Требовалось не оскорбить недоверием безвинного и, не попавшись на уловки врага, не дать ему уйти от справедливого возмездия. Легче ее было решать, когда в руки попадали секретные учеты лагерной агентуры и личные дела военнопленных. В них с канцелярской педантичностью заносилось все: кто продал свою человеческую душу, кто холуйствовал перед администрацией, кто совершал побег и саботировал работы.

В лагере № 2 сохранились лишь личные дела, а главного — агентурную картотеку — обнаружить не удалось. Она сгорела в огне, от нее осталась лишь кучка еще не остывшего серого пепла. Поэтому контрразведчикам приходилось рассчитывать на самих себя и помощь военнопленных.

Проверка затягивалась. День клонился к концу, когда подошел черед Старикова. Он уверенно перешагнул порог, остановился у входа и исподлобья стрельнул взглядом в сторону «зеленого» лейтенанта-контрразведчика. Перед ним высились горка папок. Среди них лежало и личное дело лагерного заключенного Старикова. За бумаги ему не приходилось беспокоиться, они были «чистыми». Капитан финской разведки Паацила поработал над ним так, что комар носа не подточит.

«Зеленый лейтенант» поднял голову, усталым взглядом пробежался по Старикову и осипшим голосом предложил сесть. Тот благодарно кивнул, опустил на жалобно скрипнувший табурет и честными глазами стал поедать контрразведчика.

Лейтенант открыл тощее дело на военнопленного, сверил фотографию с оригиналом и привычно посыпал дежурными вопросами. Для Старикова они ничего неожиданного не таили. В ответах он был быстр и лаконичен. Его история на первый взгляд ничем не отличалась от сотен других, которые в тот день пришлось выслушать контрразведчикам.

14 октября 1941 года рядовой Стариков по приказу командира роты старшего лейтенанта В. Воробьева в составе разведывательной группы под командованием помощника командира взвода сержанта А. Володина отправился в тыл противника, чтобы добыть «языка». Избежав засады и благополучно перебравшись через минное поле, разведчики вышли в тыл финских войск. А дальше одна за другой их стали преследовать неудачи.

В районе реки Западная Лица они напоролась на патруль. Завязалась перестрелка. Силы оказались неравны. Четыре красноармейца не могли противостоять целому взводу, взявшему их в кольцо. Во время боя, по словам Старикова, он был ранен, по-

пал в плен и был заключен в лагерь. Потянулись долгие месяцы заключения. Тяжелая и изнурительная работа на лесоповале, полуголодная и унижительная жизнь не сломили его. Он не запятнал себя предательством и работой на администрацию. Действительно, его фамилия не значилась в списках тех, кто за подачки прислуживал ей старостами или начальниками рабочих бригад. Это подтвердили другие военнопленные.

Первый «фильтр» военных контрразведчиков Стариков благополучно миновал. Он не оказался в числе тех бывших военнопленных, которых снова отправили в штрафной барак лагеря под охрану комендантского отделения Смерша. Чудом уцелевшие списки так называемых помощников лагерной администрации и показания узников не оставляли им шансов уйти от расплаты за совершенное предательство. Еще несколько человек под конвоем отвезли в Петрозаводск. Они подозревались в совершении массовых злодеяний во время службы в карательных отрядах. Лагерная роба, под которой они считывали укрыться, им не помогла.

Стариков оказался в числе тех, кого эшелонам направили в Ивановскую область на один из центральных сборно-пересыльных фильтрационных пунктов. Там бывшие военнопленные проходили более углубленную проверку на предмет выявления их в причастности к агентуре спецслужб противника, участия в карательных акциях и т. п. Те из них, кто не запятнал себя предательством, после фильтрации вливались в сводные отряды и затем направлялись на фронт.

На новом месте Стариков, деятельный и быстро освоившийся с новой обстановкой, пришелся ко двору. Он понравился начальнику строевой части и вскоре оказался на «теплом месте» в штабе. Но оно особенно его не прельщало. Бывший военнопленный, всякого натерпевшийся в лагере, заваливал начальство рапортами с просьбами об отправке его на фронт, чтобы там «лицом к лицу поквитаться с фашистами». А оно не давало им ходу. Старикова продолжали держать на «пересылке». И не потому, что он был незаменимым работником в

строевой части. На этом настаивали контрразведчики. На то у них были основания.

Ряд косвенных признаков в поведении Старикова, а также мелкие нестыковки в биографии, относившиеся к периоду пребывания в плену, могли свидетельствовать о том, что у него была и вторая жизнь, разительно отличавшаяся от первой. Но это требовалось еще доказать и старший оперуполномоченный 2-го отдела Управления контрразведки Смерш Московского военного округа капитан Владимир Махотин настойчиво их искал. Несмотря на то что прошло почти три года с того дня, как Стариков попал в плен, контрразведчик не терял надежды, что кто-то из разведгруппы Володина сумел выжить. Одновременно через бывших военнопленных лагеря № 2 уточнялись обстоятельства появления в нем Старикова и его связи среди администрации.

Стариков каким-то звериным чутьем почувствовал сгущающиеся над ним тучи и с еще большей настойчивостью стал добиваться отправки на фронт. В штабе дали положительный ответ, и дело, как ему показалось, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Осталось выполнить последние формальности: оформить командировочные документы и пройти заключительную беседу в отделе Смерш. Поэтому приглашение в кабинет Махотина он воспринял без большого волнения.

Разговор начался с дежурных вопросов: «Как идет служба?», «Что пишут из дома?». Предложение Махотина закурить окончательно успокоило Старикова. Он подался к столу... И тут грянул гром среди ясного неба: в руках контрразведчика появилось постановление об аресте. Потом последовало обвинение в измене Родине. 30 ноября 1944 года Стариков был заключен под стражу.

За те полтора месяца, когда он пытался легализоваться в новом качестве, контрразведчики сделали немало. Они тщательно проверили каждое его слово из объяснения, написанного полтора месяца назад, 17 сентября 1944 года, в лагере военнопленных № 2. Их настойчивый поиск дал результаты:

он привел к командиру разведгруппы Володину. Володин, несмотря на тяжелое ранение, полученное при перестрелке с финским военным патрулем 14 октября 1941 года, каким-то чудом выжил и потом мужественно вел себя в заключении. В своих показаниях Володин развеял героический ореол над отважным красноармейцем Стариковым и рассказал, что тот без сопротивления сдался в плен, а на допросе выдал информацию о роте и батальоне.

Воскрешение из мертвых Володина стало шоком для предателя. В первое мгновение он не знал, что сказать, а когда пришел в себя пытался оправдаться тем, что «был ранен, патроны кончились, а их было много». После этого допроса Стариков в штаб больше не вернулся, а занял место в камере.

Показания Володина и последовавшее вслед за этим собственное признание предателя, казалось бы, являлись достаточными, чтобы передать дело в военный трибунал, но капитан Махотин не спешил. Профессиональный опыт подсказывал контрразведчику, что за столь быстрым признанием Старикова, вероятно, таилось нечто большее, и продолжил проверку.

Вскоре уверенность Махотина и следователя подтвердилась. Бывшие заключенные, находившиеся с Стариковым в лагере № 2, обратили внимание контрразведчиков на то, что в бараке он появился незадолго до прихода советских войск, мало распространялся о своем прошлом и близких связей ни с кем не поддерживал. Самые наблюдательные не преминули отметить, что староста «старался к Старикову не цепляться», а по вечерам его не раз видели у штабного барака. Кроме того, лагерное начальство почему-то благосклонно относилось к нему, и не направляло на тяжелые работы.

За всем этим угадывался знакомый почерк финской разведки, направляемой опытной рукой абвера, которые, похоже, пытались спрятать своего агента под надежную «крышу» лагерника. Доказательства такой версии Махотин искал в уцелевших от пожара лагерных архивах и добытых поисковыми группами

контрразведки материалах разведывательно-диверсионных школ из Петрозаводска и Рованиеми.

Он перелопатил все списки преподавателей и курсантов, просмотрел донесения так называемой «внутренней агентуры» финской разведки, присматривавшей за будущими диверсантами, но фамилии Старикова в них так и не обнаружил. Казалось бы, в деле предателя можно было ставить последнюю точку, но что-то останавливало Махотин от того, чтобы отправить шпионские досье в архив, а самого предателя передать в военный трибунал. Но что именно? На этот вопрос он не мог дать ответа и, подчиняясь какому-то внутреннему голосу, принялся перечитывать доносы финских агентов и рапорта их хозяев.

Время перевалило далеко за полночь. Глаза Махотин слипались от усталости и хронической бессонницы. Буквы сливались друг с другом и превращались в большущие кляксы. В какой-то момент его будто что-то кольнуло. Он встрепенулся, смахнул рукой с лица невидимую пелену и склонился над доносом финского агента «Сергей». Этот почерк, эти характерно выписанные «Н» и «К» Махотин уже где-то видел.

Все еще не веря в свою догадку, он бросился к сейфу, достал дело № 19950 Старикова и принялся лихорадочно его листать. Пальцы остановились на страницах с анкетой арестованного и автобиографией. И здесь Махотин с облегчением вздохнул. Они были написаны одним и тем же почерком, что и доносы финского агента «Сергея». Даже без графологической экспертизы становилось очевидным, что его догадка оказалась верна. Агент «Сергей» и изменник Стариков — одно и то же лицо. Теперь в руках Махотина находилась еще одна важная ниточка, которая позволяла начать раскручивать новый, теперь уже шпионский клубок, сплетенный предателем.

Он, опытный оперативник, не рассчитывал на быстрый успех, а тем более на откровенные признания Старикова. За это говорил весь предыдущий опыт общения с ним, когда каждое слово приходилось доставать из него буквально клещами. Предатель оказался тертым «калачом». За его плечами были не

только месяцы учебы в финской разведывательной школе, но и более суровые «университеты». Незадолго до войны Стариков провел два с лишним года в тюрьме города Йошкар-Олы. Поэтому «расколоть» такой крепкий «орешек» можно было только каким-нибудь неожиданным и неординарным ходом. И Махотин его нашел.

Очередной допрос Старикова начался с обычных, рутинных вопросов. Он легко от них отбивался, и допрос вяло двигался к завершению. Подошло время подписывать протокол. Стариков подсел к столу, взял ручку, чтобы поставить роспись, и тут на глаза ему попался донос агента «Сергея». Выдержка изменила предателю. Кровь прихлынула к лицу и выдала его с головой. Он с ужасом смотрел, то на серый клочок бумаги, навсегда похоронивший надежду выбраться из той мерзости, в которой существовал последние два года, то на Махотина. Контрразведчик воспользовался растерянностью Старикова, и поспешил закрепить успех; достал чистый бланк протокола допроса и потребовал не врать, а говорить правду.

И агент «Сергей» заговорил. Он, наконец, признал факт своего сотрудничества с финской разведкой, а потом принялся каяться и обвинять во всем капитана Паацила и других сотрудников спецслужб. Из его слов следовало: *«В августе месяце 1942 года из-за угрозы жизни я был вынужден дать письменное обязательство капитану Паацила сотрудничать с финской разведкой и получил от него псевдоним «Сергей»... Потом он дал мне задание...»*.

Задание мало отличалось от тех, которые финская разведка давала начинающим агентам, и заключалось в том, чтобы писать доносы на бойцов и командиров, сохранивших в плену верность воинской присяге и отказавшихся идти на сотрудничество с лагерной администрацией. И на этот раз Стариков сказал только часть правды, видимо, рассчитывая скрыться под личиной мелкого доносчика.

Но эта уловка его не спасла. К тому времени в распоряжение Управления контрразведки Смерш Карельского фронта

попала другая часть архива Петрозаводской разведшколы; и тогда многое из того тайного агента «Сергея» стало явным.

Не зря финская разведка так старательно прятала его под «крышу» лагерника. Он того «заслуживал». И не только своим прошлым сотрудничеством с ней. Финская разведка рассчитывала, что такой перспективный негодяй, каким оказался Стариков, будет весьма полезен и в будущем, но теперь уже в рядах Красной армии. Однако этого последнего задания агенту «Сергею» не суждено было выполнить. Под давление неопровержимых доказательств он шаг за шагом признавался в совершенных преступлениях. На глазах контрразведчика виртуальный образ оборотня приобретал все более реальные очертания.

Нет, не угроза собственной жизни, как утверждал Стариков в своих предварительных показаниях, вынудила его дать Паацила подписку о сотрудничестве с финской разведкой, а банальное желание сытой жизни толкнуло на путь предательства. За месяц до встречи с Паацила, в июле 1942 года, он обратился к командованию лагеря с заявлением о своем желании «добровольно служить в немецкой армии». Оно было положительно рассмотрено, и уже в августе Стариков щеголял в новеньком мундире, хлебал не лагерную балладу, а ел от пуза в столовой с такими же, как и он, отщепенцами. Там его нашел и затем завербовал Паацила.

С учетом вновь открывшихся данных Махотин и старший следователь отдела контрразведки Смерш по Ивановскому гарнизону капитан Андрей Залунин принялись дальше распутывать запутанный шпионский клубок Старикова. Вскоре они выяснили, что агент «Сергей» являлся не просто рядовым доносчиком, а выполнял более важную задачу — вербовал из числа бывших красноармейцев кандидатов в шпионы и диверсанты. Вместе с Паацила он разъезжал по концентрационным лагерям военнопленных, втирался к ним в доверие, выискивал павших духом или таких, как он сам, перебежчиков, а затем, где щедрым посулом, где угрозой, склонял к сотрудничеству с финской разведкой. Только в одном Паркинском лагере военнопленных

в ноябре 1942 года Стариков лично завербовал 22 человека, которых потом направили на учебу в Петрозаводскую разведывательно-диверсионную школу.

Захваченные архивы финской разведки и показания других ее агентов, разоблаченных советской контрразведкой, уже не оставляли шансов Старикову вырваться из петли предательства, которая все туже затягивалась вокруг него. На допросах он еще продолжал изворачиваться и лгать, но Махонин с Залуниным не теряли терпения и настойчиво собирали доказательства совершенных им преступлений. А их на счету предателя оказалось предостаточно. Он не только склонил несколько десятков слабых духом военнопленных к сотрудничеству, но и успел еще изрядно нагадить в тылу советских войск.

Следствием было установлено, что 6 сентября 1942 года, уже после окончания разведывательно-диверсионной школы в Петрозаводске, Стариков в составе группы лейтенанта Линдимана, насчитывавшей в своем составе пятнадцать человек, совершил рейд в район Мурманска.

Эта разведывательно-диверсионная группа в течение семи дней осуществляла разведку позиций частей Красной армии и провела ряд диверсий на железной дороге. При возвращении, во время перехода линии фронта, диверсанты попытались захватить «языка», но безуспешно: завязалась перестрелка, и Линдиман получил ранение в ногу. Старикову вместе с другими агентами пришлось выносить его на руках.

Первый «экзамен» на предателя Стариков сдал успешно. Хозяева это оценили, и перспективный агент «Сергей» в феврале 1943 года был направлен повышать свой «профессиональный» уровень в школу разведчиков-диверсантов, располагавшуюся в окрестностях города Рованиеми. Там под руководством опытного мастера шпионажа и диверсии оберлейтенанта Койла, прошедшего одну из лучших спецшкол абвера в лагере «А» в Латвии, Стариков усиленно занимался лыжной подготовкой, учился стрелять из всех видов стрелкового оружия и осваивал минно-взрывное дело.

В апреле 1943 года, после сдачи экзаменов, Стариков уже не рядовым агентом, а инструктором в составе разведывательно-диверсионной группы перешел линию фронта. В течение нескольких недель она совершала поджоги, подрывы и убийства в тылу частей Карельского фронта. После успешного выполнения задания он получил очередное повышение — был назначен инструктором в Петрозаводскую разведывательную школу. С учетом богатого практического опыта ему поручили проведение начальной подготовки с будущими шпионами и диверсантами.

Так продолжалось до лета сорок четвертого года. К тому времени обстановка на Восточном фронте радикально изменилась, и изменилась не в пользу Германии и ее союзника Финляндии. Для спецслужб этих стран наступил новый период в разведывательно-подрывной деятельности. Они стали готовиться к затяжной тайной войне.

В этой связи из числа наиболее подготовленных, надежных и хорошо проявивших себя в деле предателей подбирались агенты на «глубокое оседание». В их числе оказался и Стариков. Ему пришлось сменить добротный мундир на лагерную робу, чтобы с приходом советских войск легализоваться в новом качестве и продолжить заниматься шпионажем и вербовать себе подобных из числа красноармейцев.

Все дальнейшее уже было известно Махотину и Залунину. У них на руках находилось заявление Володина, разоблачавшие Старикова как изменника, показания пойманных агентов петрозаводской разведывательной школы, подтверждавших его службу в ней в качестве инструктора, и часть финского шпионского архива. Несмотря на неопровержимые улики, Стариков продолжал упорно отрицать свою причастность к диверсиям и террористическим вылазкам, совершенным под Мурманском. Но и здесь его постигла неудача.

29 января 1945 года Махотин получил долгожданный ответ на свой запрос в Управление НКГБ СССР по Мурманской области. В нем сообщалось о «...фактах совершения диверсий

на железной дороге и крушения одного эшелона в районе станции Пояконда». Произошло это в то самое время, когда там орудовала группа лейтенанта Линдимана.

Круг предательства Старикова замкнулся. Теперь ему оставалось ждать решения военного трибунала. Его заседание состоялось 30 марта 1945 года. Рассмотрев материалы, представленные следствием по уголовному делу № 19950, он признал бывшего военнослужащего Красной армии Старикова виновным в совершении преступления по статье 158 части 16 УК РСФСР и приговорил к 20 годам лишения свободы. Умер он в 1948 году в Воркутинском лагере.

Капкан для «арийцев»

Поражение гитлеровских войск под Курском окончательно похоронило надежду руководства рейха на скорый успех в войне с Советским Союзом. Она приобретала все более затаенный характер и безжалостно пожирала материальные и людские ресурсы фашистской Германии. Ее военная промышленность работала на пределе своих возможностей. Каторжный труд миллионов восточных рабов был не в состоянии компенсировать огромные потери, которые нес вермахт на Восточном фронте.

Гитлеровская верхушка лихорадочно искала выход из сложившегося положения. Лучшие научные и инженерные умы фашистской Германии бились над созданием нового сверхмощного оружия — «оружия возмездия». Оно, по замыслу Гитлера, должно было остановить советский «военный каток», который безжалостно плющил одну за другой дивизии вермахта и, набирая скорость, все ближе подкатывал к границам Третьего рейха.

Перед лицом этой угрозы не знали покоя и гитлеровские спецслужбы. Абвер и «Цеппелин» лезли из кожи вон, чтобы оправдаться за предыдущие провалы в работе. Прежняя ставка на массовую заброску разведывательно-диверсионных групп во фронтовую полосу и ближайший тыл Красной армии на третий год войны полностью себя исчерпала. Головорезы из дивизии специального назначения «Бранденбург-800» (до ноября 1942 года полк), батальона «Бергман» («Горец») и диверсионных команд абверкоманда-2А, -2В, -2С, чувствовавшие себя в первые месяцы войны, как рыба в воде, все чаще терпели поражение в схватках с советской контрразведкой.

В 1943 году подрывная деятельность тысяч агентов, заброшенных в тыл частей Красной армии, не оказывала существен-

ного влияния на положение на фронтах. Это становилось все более очевидно для руководства абвера и «Цепелина». Набравшая к тому времени силу советская военная контрразведка Смерш начисто переигрывала по всем статьям гитлеровские спецслужбы. Подтверждением тому служат показания заместителя шефа абвера генерал-лейтенант Франц фон Бентевиньи, данные им на допросе у следователя Смерша в мае 1945 года.

В частности, он признал:

«По нашей оценке, исходя из опыта войны, мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным врагом. По данным, которыми располагал абвер, почти ни один заброшенный в тыл Красной армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была русскими арестована, а если возвращалась обратно, то зачастую была снабжена дезинформационным материалом».

Но в конце 1943 и начале 1944 года Бентевиньи и другие руководители гитлеровских спецслужб все еще надеялись на выигрыш в тайной войне, и настойчиво искали пути к победе. И здесь, как они полагали, вполне могло стодиться антисоветское политическое и националистическое отребье. С его помощью в абвере и Главном управлении имперской безопасности (РСХА) рассчитывали нанести удар в спину Красной армии путем инспирирования восстаний в республиках Северного Кавказа и Закавказье.

Одна из таких масштабных операций была своевременно выявлена и пресечена сотрудниками Смерша. Подготовку к ней в гитлеровских спецслужбах начали в начале 1944 года. В качестве плацдарма и запального фитиля для организации восстания они намеривались использовать территорию и население Калмыкии. За дело взялись профессионалы — кадровые сотрудники штаба «Валли-1»²³.

Ведущая роль в операции принадлежала специалисту по Кавказу зондерфюреру Отто Вербу, более известному в своих кругах как «доктор Долль». Специализация у этого «доктора»

была весьма специфической: теракты, диверсии и шпионаж. С июня 1941 по конец 1942 года он руководил специальным диверсионным отрядом, а затем так называемым «Калмыцким кавалерийским корпусом», входившим в состав абвергруппы-103. Под его началом националистическое отребье из числа предателей и деклассированных элементов занималось проведением карательных акций против мирного населения, партизан и советских разведывательных групп, действовавших в тылу фашистских войск.

Весной 1944 года с участием Верба из числа изменников, в основном калмыцкой национальности, был сформирован так называемый «Калмыцкий корпус доктора Долля». Он представлял собой довольно внушительную силу: в его состав входило 36 эскадронов. По замыслу организаторов операции, после переброски по воздуху в труднодоступные места Калмыкии корпусу предстояло стать ядром массового повстанческого движения в этой и соседних республиках Северного Кавказа. В последующем на базе объединенных повстанческих сил планировалось продвижение спецгрупп в Западный Казахстан с целью проведения крупных диверсий на транспортных коммуникациях и в местах добычи нефти.

О том, какое значение придавалось данной операции в гитлеровских спецслужбах, может свидетельствовать следующий факт. Для ее обеспечения по указанию высшего военного руководства решено было задействовать уникальную авиационную технику особо секретного соединения люфтваффе — 200-ю бомбардировочную эскадру КГ-200.

В состав соединения входили сверхтяжелые четырехмоторные самолеты ФВ-200 («Кондор») и Ю-86 с двумя высотными моторами, которые могли подниматься на высоту, недоступную для зениток, — до 12 тысяч метров.

К 1944 году на вооружение КГ-200 поступили машины новых типов, в частности, тяжелый бомбардировщик Ю-290. Он брал на борт до 15 тонн груза и был способен осуществлять дальние переброски боевых групп с полным снаряжением

численностью не менее 100 человек. При его создании использовались новейшие разработки в области авиастроения, представлявшие несомненный интерес для советских конструкторов.

После того, как руководство абвера согласовало с командованием люфтваффе последние технические детали, операция перешла в практическую фазу.

В ночь на 23 мая 1944 года первый отряд диверсантов численностью 24 человека под командованием аса тайных операций кадрового сотрудника абвера капитана Эбергарда фон Шеллера (оперативный псевдоним «Кваст») занял места в самолете. Взревели двигатели, и в их грозном реве потонул надрывный вой серен воздушной тревоги. С севера на Берлин заходила на бомбардировку авиация западных союзников. Огромная туша Ю-290, тяжело оторвавшись от земли, разорвала ночное небо и взяла курс на восток.

«Кваст» покинул кабину пилотов, молча опустился в кресло, и ушел в свои мысли. Оберлейтенант Ганс Ганзен, лейтенант Вагнер, оберфельдфебель Миллер не решались его потревожить — перед полетом все было сказано. В те минуты они, видимо, думали об одном и том же: что их ждет в бескрайних степях Калмыкии? Отрывочная информация, поступавшая в абвер от заброшенных туда агентов, носила разрозненный характер и не позволяла составить целостную картину. Но «Кваст» верил в себя, в своих подчиненных, за спинами которых была не одна заброска в советский тыл, а также в удачу. За годы войны она пока не изменяла ему.

Под монотонный гул моторов «Кваст» не заметил, как задремал. Пробуждение было внезапным. Самолет тряхнуло на воздушной яме. Он бросил взгляд на часы и приник к иллюминатору. Они пролетали над линией фронта. О ней напоминали холодно мерцающие пунктиры артиллерийской перестрелки. Русские зенитки молчали, а в чернильном ночном небе не было видно хищных силуэтов истребителей. Похоже, посты воздушного наблюдения советских войск не заметили нарушителя, и

нервное напряжение, царившее на борту, спало. Диверсанты оживились, загремели кружки, и ароматный запах настоящего кофе прогнал остатки сна.

Прошло еще около часа. Из кабины пилотов показался штурман и предупредил о скорой посадке. Лица «Кваста» и диверсантов затвердели, руки привычно проверили оружие. Разговоры стихли. Они напрягали слух, пытаясь уловить за шумом моторов Ю-290 чужой, грозящий опасностью звук русских истребителей, и вглядывались во враждебную им землю. Она, словно, затаилась. «Кваст» силился определить местонахождение, но все было тщетно: ни один огонек, ни одно движение не нарушали безмолвия бескрайней калмыцкой степи.

Внезапно слабая вспышка озарила бледным светом серые лица-маски диверсантов и тут же погасла. Прошло мгновение, и на востоке ночную темноту рассекла алая, напоминающая открытую рану, полоска. Над горизонтом показалась багровая кромка солнца. Степь проснулась. Внизу живым, слепящим глаза серебром, вспыхнул Большой лиман Маныч. Огромным ятаганом он вытянулся с запада на восток. Слева, в котловине, крохотными кубиками и прямоугольниками угадывался небольшой поселок. «Кваст» догадался — Элиста!

Рев двигателей сорвался на визг. Самолет резко пошел на снижение. В ушах заломило. Бешеная тряска продолжалась несколько минут, потом последовал тупой удар. Ровная, как стол калмыцкая степь оказалась идеальным аэродромом. Опасения «Кваста», что тяжелая машина может повредить шасси, не подтвердились. Пока все шло гладко. Асы из люфтваффе не подкачали.

Ю-290 быстро погасил скорость и остановился, как вкопанный, в десятке метров от неглубокой балки. Лопасты винтов бессильно обвисли, и наступившую тишину нарушил сухой скрип шарниров аппарели грузового люка. В его проеме проглянул клочок серой, покрытой скудной растительностью степи. «Кваст» первым поднялся и пошел к выходу, вслед за ним на землю посыпались, как горох, диверсанты.

Группа разведки выдвинулась вперед и, не обнаружив ни одной живой души, вскоре возвратилась. Находившаяся поблизости кошара оказалась пустой; хозяйева, судя по всему, давно покинули ее. «Кваст» довольно поглаживал осанистую бороду, в полную грудь дышал и не мог надышаться бодрящим утренним воздухом. Запах полыни и первого успеха пьянили и кружили голову. Оберлейтенант Ганс Ганзен, не дожидаясь команды, принялся готовить для работы мощный 40-ваттный передатчик (SE90/40), смонтированный вместе с антенной и приемником в огромном чемодане, в простонародье — «мечта оккупанта».

В первой радиограмме, ушедшей в штаб «Валли-1», «Кваст» был скуп. Он сообщил о благополучной посадке, отсутствии противника и начале выдвижения отряда в район оперативного базирования для выполнения задач, поставленных руководством абвера.

Позже на допросе у следователя «Квас» показал:

«Возглавляемая мною операция преследовала две цели, а именно:

1. Установление передаточного центра (реле), который должен был принимать сообщения агентов-радистов, подлежащих заброске в восточные области СССР, не могущих своими маломощными передатчиками связаться непосредственно с германскими разведорганами;

2. Постепенная переброска 36 эскадронов калмыков корпуса д-ра Долль для организации и развития национального повстанческого движения, которое, по мнению абвера, имеет место в Калмыкии. Для этой задачи надлежало создать авиасвязь и возможности для приземления самолетов.

После того, как главная станция была бы надежно устроена, «Валли-1» должен был забрасывать агентов в различные районы восточной России. Эти агенты должны были бы передавать донесения по радио на нашу главную станцию. Агентура работала бы в полной уверенности, что она передает сведения непосредственно в Германию».

После того, как из «Валли-1» пришло подтверждение о получении радиограммы, «Кваст» дал команду диверсантам на совершение марша. Они построились в походную колонну. Экипаж Ю-290 поднялся на борт, двигатели простужено чихнули, лопасти винтов лениво рубанули воздух, и тут на востоке, в зыбком утреннем мареве, возникли три черные точки. Они стремительно приближались и на глазах приобретали зримые очертания.

Появление в небе вражеского самолета зафиксировали посты службы ВНОС, расположенные в районе калмыцкого поселка Утта, и доложили на командный пункт ПВО 4-го Украинского фронта. В воздух была немедленно поднята авиация. Обнаружить громаду Ю-290 на гладкой, как стол, калмыцкой степи не составило труда.

Лихорадочная суэта экипажа Ю-290 и диверсантов уже не могли исправить положения. Искать спасения в небе было поздно. С него на них обрушился шквал огня. Штурмовики методично, словно на тренировке, один за другим заходили в атаку. Пулеметные очереди рвали в клочья огромную, беспомощную тушу Ю-290 и не давали диверсантам оторвать головы от земли. Их автоматный и пулеметный огонь не мог причинить вреда советским летчикам. «Квасту» казалось, что этому кошмару не будет конца. Наконец налет закончился, и он подсчитал потери — они оказались незначительными. Спешно похоронив убитых, диверсанты построились в походную колонну, но не прошли и километра, как напоролись на засаду.

Внезапно, будто из-под земли, показались группы захвата советской контрразведки. Завязался ожесточенный бой. В нем диверсанты потеряли семерых (из них три члена экипажа самолета), четырнадцать удалось вырваться из кольца окружения, а оставшиеся в живых двенадцать человек (из них шесть членов экипажа самолета) во главе с «Квастом» предпочли сдаться в плен. Разъяренные ожесточенным сопротивлением и собственными потерями контрразведчики готовы были разорвать его и диверсантов на части. «Кваст» отдавал себе отчет, что

Россия — это не Швеция, где ему приходилось работать в «белых перчатках». Здесь вместе с бородой легко было потерять и голову, поэтому он решил, что лучше сохранить и то, и другое.

Прошло несколько часов с момента высадки десанта и кадровые сотрудники абвера один за другим начали менять профессиональную ориентацию. Первым пошел на сотрудничество с советскими контрразведчиками «Кваст». Его примеру последовал радист обер-лейтенант Ганзен. Их вербовка была закреплена подписками о сотрудничестве. Для конспирации в работе контрразведчики присвоили «Квасту» — Шеллеру псевдоним «Борода», а Ганзену — «Колонизатор». В то же день спецсообщение об этом, а также захвате шифров и радиоаппаратуры, ушло в Москву.

На Лубянке сложившуюся ситуацию оценили как весьма перспективную. Отправка «Квастом» радиограммы в адрес штаба «Валли-1» о благополучной высадке десанта и начале работы создавали благоприятные условия для завязывания масштабной радиоигры с гитлеровской разведкой. Загвоздкой был самолет: такое огромное «шило» требовалось грамотно утаить. Но это уже была чисто техническая сторона дела. Поэтому нарком внутренних дел СССР Л. Берия в своей служебной записке от 26 мая 1944 года, направленной на имя начальника ГУКР Смерш НКО СССР В. Абакумова, указал:

«Пойманные работниками НКВД — НКГБ парашютисты представляют большой интерес. По-видимому, немцы не знают, что калмыки высланы, но, несмотря на это, есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться. Поэтому тов. Леонтьеву всю работу сосредоточить в руках товарищей Свирина, Лукьянова и Михайлова. Тов. Мешику принять активное участие. То же надо сделать и по Гурьевской области. Представьте план мероприятий и регулярно докладывайте».

С того дня операция, получившая в советской контрразведке кодовое название «Арийцы», бумерангом возвращалась к абверу. Начиная ее, руководители Смерша рассчитывали выманить на территорию Калмыкии как можно больше ди-

версантов и кадровых сотрудников гитлеровских спецслужб, отвлечь их внимание, силы и средства на так называемый негодный объект, дезинформировать об остановке в этом регионе и захватить уникальный самолет. Основные нити операции держали в своих руках профессионалы «войны в эфире»: начальник 3-го отдела ГУКР Смерш НКО СССР генерал-майор В. Барышников и его подчиненные: Г. Григоренко, Д. Тарасов и В. Фролов. За их спинами уже был опыт такой сложнейшей операций, как радиоигра «Загадка». Первое, что они сделали, так это постарались снять все подозрения у руководства абвера в провале задуманной им операции по созданию опорной базы для переброски «Калмыцкого корпуса доктора Долля».

В радиোগрамме от 30 мая «Кваст»-«Борода» сообщил в Берлин:

«Посадка в 04-55 московского времени. В 12-40 атака русских истребителей. «Ю» — уничтожен. Необходимое снаряжение спасли, без воды и продуктов. Гремер, Ханлапов, Беспалов, Мухин, два калмыка убиты. Лейтенант Вагнер, оберфельдфебель Миллер, Осетров ранены. Перешли положение один пески район Яикуль. Положение благоприятное, связались с партизанами, охрана обеспечена. Разведка калмыков узнала, что посадку «Ю» заметили русские. Из Сталинграда и Астрахани прислали истребители. Ошибка «Ю» — садиться днем, долго сидел, надо ночью. Площадку готовим. До полного выяснения мною обстановки мер не принимайте. Радистом использую оберлейтенанта Ганзен. Слушаю Вас по плану. Прошу указаний. Кваст».

Ее содержание не вызвало подозрений у руководства абвера. В радиোগрамме отсутствовал условный сигнал о том, что Ганзен работает под контролем советской контрразведки. Тем более легендарная личность самого Шеллера, до мозга костей наци, снимала все сомнения. В Берлине смирились с потерей самолета, экипажа и спешили расширить плацдарм.

Положение на Восточном фронте, да и самого абвера, с каждым днем становились все хуже. И потому Шеллера то-

ропили с установлением контактов с местными повстанцами и созданием условий для переброски «Калмыцкого корпуса доктора Долля».

В руководстве Смерша тоже не дремали и старались упредить возможную и неподконтрольную ему инициативу абвера.

29 мая, за сутки до того, как «Кваст» отправил радиogramму своим бывшим начальникам, Абакумов распорядился, чтобы отдел контрразведки Смерш ПВО фронта *«...обеспечил наблюдение за воздухом в районах, через которые возможен пролет вражеских самолетов из Румынии в б[ывшую] Калмыкию и Западный Казахстан»*. Он также потребовал немедленно докладывать *«...о трассе пролета каждого вражеского самолета, идущего в тыловые районы Советского Союза»*.

Эта предусмотрительность контрразведчиков оказалась не лишней. После установления двухсторонней радиосвязи в тот же день гитлеровская разведка без уведомления «Кваста» - «Бороды» направила в Калмыкию самолет Ю-252. Появившись в районе высадки отряда «Кваста», он стал подавать условные световые сигналы. Руководители операции «Арийцы» посчитали целесообразным самолет не сбивать и на сигналы не отвечать. Они обоснованно полагали, что его направили с целью проведения доразведки и перепроверки доклада «Кваста». Благополучное возвращение Ю-252 на базу окончательно убедило штаб «Валли-1» в том, что отряд диверсантов действительно перебазировался в другое место и не работает под контролем советской контрразведки.

После этого одна за другой в адрес «Кваста» ушли радиogramмы. Руководство абвера рассыпалось перед ним в благодарностях.

В первой говорилось:

«Орган поздравляет. Принимаем меры для развития операции. Исполним указания, которые ожидаем от Вас. Операция в духе Римского два готовится. Когда должна начаться. Начальник органа».

Во второй, носившей ободряющий характер, сообщалось:

«Ю-252 был ночью 30 мая у Вас для помощи. Вас не нашел. Собственные имена и названия местности шифровать два раза. С этого момента только нормальные часы связи. Вскоре подбросим радистов. Всем привет. Ни пуха ни пера. Капитан».

В руководстве операции «Арийцы» решили не давать абверу передышки и времени на обдумывание ситуации. 5 июня «Кваст»-«Борода» отправил очередную радиограмму:

«Осетров умер, лейтенант Вагнер здоров, оберфельдфебель заметно поправляется, оберлейтенант Ганзен запрашивает, последовало ли производство в капитаны. Ожидаю доставки всего необходимого».

Ответ не заставил себя ждать:

«Подвоз вероятен 16 июня в 23 часа, так как отбираем. Оберлейтенант Ганзен еще не капитан, но представлен. Майор».

Шло время, а обещанного абвером подвоза все не было. В оперативном штабе операции «Арийцы» занервничали. Капкан, в который, как они рассчитывали, должны были угодить не только очередные диверсанты, но и уникальный самолет, представлявший исключительный интерес для советских авиаконструкторов, занимавшихся разработкой тяжелых бомбардировщиков, пока оставался открытым. Заверения «Кваста»-«Бороды» о готовности принять самолет и очередной отряд диверсантов, в абвере приняли, но почему-то медлили с отправкой. И тогда генерал Барышников, получив «добро» у руководителя Смерша Абакумова, решил рискнуть и подстегнуть перестраховщиков из разведки абвера.

В очередной радиограмме «Кваст»-«Борода» «не удержался» от упрека:

«Начальнику органа. Наступила решающая фаза войны, а мы бездействуем. Прошу ускорить доставку оружия и людей. Мы отвлечем на себя часть сил врага. Экипаж «Ю» просит вывезти, они хотят драться. Кваст».

В ходе следующего радиосеанса он пытался убедить штаб «Валли-1» в том, что вместе с подчиненными не сидит, сложа

руки, а активно действует. В этом ему помогли контрразведчики. Они подготовили убедительную дезинформацию, которую гитлеровская разведка не имела возможностей перепроверить, и вынуждена была принять на веру сообщение «Кваста»-«Бороды»:

«Как в резерве радистов нуждаюсь в Захарове, Блок, Косареве, Майлер. Из-за сложных условий связи используйте только лучших радистов. Разведка встретила пять мелких партизанских отрядов без боеприпасов. Огдонов имеет 85 всадников, вооружены плохо. Не мог собрать вокруг себя мелкие группы. Необходимо авторитетное руководство. Первым самолетом продукты, деньги, два комплекта посадочных фонарей, боеприпасы, оружие, радистов. Когда ждать самолет».

Это доклад в «Валли-1» встретили с энтузиазмом, 85 «повстанцем» во главе с Огдоновым, конечно, не «легион восставших калмыков», на который так рассчитывали разработчики операции по переброске «Калмыцкого корпуса доктора Долля». Но вместе с тем, как полагали в абвере, «Квасту» при такой поддержке было по силам подготовить плацдарм для «корпуса», и с него начать восстание в тылу Красной армии.

9 июня 1944 года в руководстве операции «Арийцы» наконец смогли перевести дыхание. «Колонизатор» получил радиограмму, которую с таким нетерпением ждали в Москве. В ней сообщалось:

«Подвоз вероятно ночью 11.6. Последует все необходимое. Посадка и взятие экипажа при соответствующем обозначении площадки. Оознавательный знак и окончательное решение последует. Капитан».

Но в указанное время самолет в районе посадки не появился. У генерала Барышникова и его подчиненных снова возникли опасения, что абвер разгадал их игру и решил выйти из нее. Прошло несколько часов. И все стало на свои места. «Капитан» — штаб «Вали-1» известил «Кваста» о переносе высадки десанта на сутки по техническим причинам. Этот запас времени позволил контрразведчикам, имевшим лишь общие

сведения о технических параметрах Ю-290 — настоящей «летающей крепости», более тщательно подготовить свой капкан. С помощью авиаторов-специалистов они еще раз перепроверили свои расчеты, но для подстраховки оборудовали дополнительные ямы-ловушки на посадочной полосе, в них должен был угодить самолет с диверсантами и при этом уцелеть.

К утру работы на посадочной полосе и по маскировке укрытий для групп захвата были завершены. Наступил рассвет. И уже ничто не напоминало о присутствии здесь человека. Теперь контрразведчикам оставалось только запастись терпением и ждать. День, которому, казалось, не будет конца, завершился. Уставшее солнце торопливо скатилось к унылым, пологим холмам и багровым закатом разлилось по горизонту. Прошла минута-другая, и небо слилось с землей. Чернильная темнота окутала все вокруг. Бойцы из групп захвата, выбравшись из пышущих жаром укрытий, торопливо стаскивали с себя гимнастерки и с наслаждением подставляли разгоряченные тела «дагестанцу», приносившему с собой блаженную прохладу гор.

Со стороны балки, где находилась полевая кухня, потянуло ароматным запахом гречневой каши. Многие бойцов отказались от позднего ужина, азарт охотника и предстоящего боя заглушил в них аппетит. Они напрягали слух, и ловили каждый звук. Наконец с запада донесся еле слышный, напоминающий писк комара, звук авиационного мотора. Он нарастал, и вскоре на небе, густо усыпанном яркими звездами, возник гигантский, напоминающий тушу акулу, силуэт Ю-290.

На земле все пришло в движение. Сигнальные огни ярким пунктиром прочертили по степи посадочную полосу. Экипаж самолета их заметил, дал подтверждение, и через минуту в небе блестящими тюльпанами распустились купола четырех парашютов, пятый еле заметной точкой стремительно несся к земле. Диверсант Бадмаев разбился насмерть. Трое других — Цокаев, Бацбурин и Росимов — после приземления, ничего не поняв, оказались в руках контрразведчиков. Пятый, отклонившийся от места высадки, далеко от погони не ушел.

Самая крупная «дичь», за которой велась охота, все еще находилась в небе. Ю-290, описав широкий полукруг над посадочной полосой, скрылся за горизонтом. Томительно тянулось время. Внезапно мощный рев пригнул к земле бойцов из групп захвата. Огромной самолет хищной птицей вынырнул из-за холмов и, распластавшись над степью, взял курс на сигнальные огни.

Степь тревожно всколыхнулась, седая волна из ковыля и полыни покатила к горизонту. Густое облако пыли окутало Ю-290. Из него неслись вой и визг. Внезапно они оборвались, и когда облако рассеялось, то на фоне розовеющего неба возникла гигантская птица с изломанным крылом. Ее искореженные «лапы» надежно захватил «капкан».

В следующее мгновение отрывистая команда прозвучала над притихшей степью. Бойцы группы захвата, подхватившись с земли, стремительно смыкали кольцо окружения вокруг самолета. Несмотря на безвыходное положение, экипаж не собирался сдаваться. Чрево Ю-290 отозвалось утробным звуком на выстрел бортовой пушки, вслед за ней в остервенелом лае зашлись пулеметы. Перестрелка длился несколько часов, и закончилась после того, как пожар охватил самолет. В руки контрразведчиков попали те, кто сумел вырваться из огня, а также два уцелевших двигателя и около трех тон груза.

Казалось бы, на операции «Арийцы» можно было ставить крест. У абвера появились веские основания считать, что «Кваст» оказался игрушкой в руках советской контрразведки. С 00 часов 30 минут и до шести часов утра радиоцентр бомбил его вопросом: где самолет? А «Квасту», точнее — контрразведчикам Смерша, ничего другого не оставалось, как сообщать о трудностях в радиообмене из-за сильных помех и водить за нос бывших своих начальников запросами: *«Машина не приехала. Почему? Кваст»*.

Сам же Шеллер, находившийся под надежной охраной контрразведчиков, будучи настоящим профессионалом, быстро смекнул: в абвере после такого оглушительного провала

на нем поставят крест, а значит, придет конец радиоигре и ему придется отвечать за преступления, совершенные на советской земле. А их за три года войны набралось не на один смертный приговор. Цепляясь за жизнь, матерый диверсант обратился к руководству Смерша с новым предложением.

17 июня 1944 года в своем обращении он писал:

«Господин генерал! Я добровольно предложил свои услуги русской контрразведке и работал честно и упорно над выполнением весьма секретного задания. В итоге нашей совместной работы достигнут известный успех: был сбит гигантский немецкий транспортный самолет Ю-290, а пассажиры, и среди них 4 немецких агента, попали в руки русской контрразведки. Я желал бы и в дальнейшем также честно и добросовестно работать над выполнением заданий русской контрразведки. Я прошу поэтому Вашего согласия на включение меня в агентурную сеть советской контрразведывательной службы. Я обязуюсь безусловно хранить тайны органа, на который, возможно, буду работать также и в том случае, если мне придется действовать против немецкой разведки. В случае Вашего согласия прошу присвоить мне псевдоним «Лор». Место дислокации. 17.06.44. Э. фон Шеллер».

Тем временем в абвере терялись в догадках, так как экипаж Ю-290 тоже не давал о себе знать, и потому предпочли взять паузу для изучения ситуации. В 10.00 «Кваст»-«Борода» получил ответ:

«Машина не вернулась. Следовательно, считать несчастный случай или вынужденную посадку. Дальнейшее после новых переговоров. Капитан».

Такой ответ обнадежил руководителей операции «Арийцы». Из первых допросов выживших членов экипажа они поняли: далеко не все потеряно в игре с гитлеровской спецслужбой. Удача и на этот раз была на их стороне. Летчики показали, что перед вылетом получили указание: после пролета над Крымским полуостровом перейти в режим полного радиомолчания. Потом, оказавшись в ловушке, они уже не смогли воспользоваться рацией; в первые минуты боя она вышла из строя.

И тогда «Кваст»-«Борода» снова заработал в эфире.

На его донесение о пропаже самолета, трудностях в организации повстанческого движения и просьбу об оказании помощи руководство абвера откликнулось без прежнего энтузиазма. В Калмыки, как в черной дыре, один за другим исчезали самолеты, экипажи и диверсанты, что вольно и невольно приводило к мысли: за всем этим стоит советская контрразведка.

Поэтому следующий шаг абвера генералу Барышникову и его подчиненным не трудно было предугадать. Очередная радиограмма «Квасту»-«Бороде» носила проверочный характер. В штабе «Валли-1» пытались поймать контрразведчиков на деталях:

«Немедленно новый шифровальный лозунг из 31 буквы, состоящий из фамилии секретаря Норд-Поль, фамилии ее помощницы, фамилии унтер-офицера из учебного лагеря, имени Вашей жены. Вы помните фамилию подозрительной жены «Мусина». Если да, прошу сообщить. Мюллер».

Ответ «Кваста»-«Бороды», видимо, не снял оставшиеся сомнения. Он не смог вспомнить фамилии секретаря Норд-Поль и ее помощницы.

Во второй радиограмме абвер потребовал от него составить новый лозунг, но уже с новыми фамилиями:

«Квасту» составить новый лозунг, но уже с новыми фамилиями: «Немедленно шифровальный лозунг из 31 буквы. Имя Вашей дочери, имя сына первая буква К, место нахождения Вашего отца, написанное «ТЦ», фамилия унтер-офицера в школе, еще раз имя Вашей дочери. Капитан».

Этот «экзамен» советские контрразведчики сдали успешно. В ответе 23 июня «Кваст»-«Борода» не ошибся и дополнительно доложил:

«Ю» потерпел аварию в районе Органиновский Шаргадык, что в 26 км юго-восточнее Элисты. Лично осмотреть место не мог, беседовал с очевидцами. Судьба экипажа и радистов неизвестна. Очевидцы говорят, что было несколько трупов. Кваст».

В абвере, похоже, вновь прониклись доверием к «Квасту»-«Бороде». В очередной радиограмме ему сообщили:

«Авария второй машины с подвозом и, таким образом, пленение части экипажа не исключена. На допросе могут быть выданы Ваша дислокация и цель прилета. Предлагаю вскоре передислоцироваться с привлечением Огдонова, который одновременно успокаивающе подействует на Ваших людей. После сообщения о новой дислокации получите дальнейшие указания. Майор для Кваста».

30 июня «Кваст»-«Борода» сообщили о передислокации группы в район действий отряда Огдонова, напомнил о трудностях, связанных с нехваткой продовольствия и боеприпасов, недовольством среди калмыков, которое было связано с плохим материальным обеспечением отряда.

В абвере старались, как могли, ободрить и обнадежить «героически бьющихся в степях Калмыкии борцов с большевизмом». В радиограмме от 11 июля «Кваста»-«Бороду» ориентировали: *«Попытаемся прилететь с новым подвозом. Где он должен быть сброшен? Майор».*

Контрразведчики не замедлили с ответом и принялись готовить новый «капкан» для диверсантов. Однако прошло больше месяца, а обещанного абвером самолета, боеприпасов и продовольствия они так и не получили. Поступавшие из штаба «Валли-1» радиограммы носили общий характер. Видимо, в гитлеровских спецслужбах поняли несостоятельность плана восстания в национальных республиках. Он дал осечку не только в Калмыкии, но и в республиках Северного Кавказа.

Руководители Смерша, в частности генерал Барышников, пришел к выводу о бесперспективности дальнейшего продолжения радиоигры «Арийцы». К этому его подталкивало и поведение «Кваста»-«Бороды». Тот попытался начать двойную игру с контрразведчиками. В разговорах с Ганzenом-«Колонизатором» он начал склонять его к передаче в абвер условного сигнала о своей работе под контролем Смерша, но не нашел поддержки. Более того, Ганзен осудил Шеллера. При

этом он, видимо, руководствовался не только страхом за свою жизнь, им двигали и чисто человеческие мотивы. За время общения с советскими контрразведчиками в его взглядах произошла значительная трансформация. Это нашло отражение в его автобиографии от 14 июля 1944 года.

В ней Ганзен написал: *«Я хочу заявить, что я как офицер не встретил обесчещивающего или унижающего меня отношения, если не считать поведения милиции во время пленения. Наоборот, я познакомился с прямыми и справедливыми людьми, которых раньше нам описывали совершенно в ином роде. Я не могу еще вынести суждения о Советском Союзе, так как слишком мало знаю страну и ее учреждения. Если страна произведет на меня такое же приятное впечатление, какое произвели на меня офицеры и солдаты, то, можно сказать, что любая нация почтет себя счастливой, имея дружбу с Советским Союзом».*

С учетом всех этих обстоятельств Абакумов и Барышников решили сделать свой заключительный ход, который отбил бы у гитлеровских спецслужб всякое желание затевать восстания в тылу советских войск.

13 августа в абвера от «Кваста»-«Бороды» ушла следующая радиограмма:

«Начальнику органа. Положение здесь совершенно невыносимое. Отряд Оздонова разбит, нам калмыки отказывают в помощи. Вынужден, согласно договоренности, пробираться к повстанцам на Западный Кавказ, откуда, возможно, в Румынию. Несколько людей из экипажа по болезни и невозможности их транспортировки вынужден буду оставить у калмыков, которым объясню, что направляюсь в Германию, чтобы лично добиться помощи и усиления. Прошу санкции или контрприказа в течение 3-х дней, так как дальше не могу ждать. Кваст».

Реакция на нее была более чем вялая и сводилась к тому, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Абвер самоустранился от всякой помощи «борцам с большевизмом» и рекомендовал самостоятельно пробиваться через линию фронта.

После такого ответа в руководстве операции «Арийцы» посчитали, что пришло время вместе с ней «похоронить» и другие планы гитлеровских спецслужб, связанные с инспирированием всякого рода восстаний на Северном Кавказе.

Последние радиogramмы, отправленные «Квастом»-«Бородой» 18 и 20 августа в адрес руководителей операции, содержали проклятия, и напоминали крик отчаяния:

«Сегодня, юго-западнее Бергин, стычка с отрядом НКВД. Будучи без боеприпасов спаслись только на конях. Продолжаем марш юго-западным направлением. Успеха не предвижу. Мучают жажда и голод. Случае гибели позаботьтесь о наших семьях. Калмыки изменили, мы остались одни, без боеприпасов, продуктов и воды. Гибель неизбежна. Предотвратить ничем не можем. Мы свой долг выполнили до конца. Во всем считаем виновным Вас и Марвиц. Абсурдность операции была очевидна еще до ее начала. Почему нам не помогли. Кваст».

20 августа радиogramма оборвалась на полуслове:

«Нас преследуют. Кругом пески и соль. Вынуждены изменить маршрут. Мучает жажда...».

После провала операции в гитлеровских спецслужбах постарались поскорее забыть о ней и сделали ставку на агентурную группу «Иосиф». Ей предстояло добыть информацию о стратегических планах советского командования и ликвидировать одного из соратников Сталина — наркома путей сообщения Лазаря Кагановича.

«Загадка» Смерша

Часть первая. На пути в Берлин

Сталин медленно прошелся по ковровой дорожке, остановился у окна и задумался. Его взгляд блуждал в прозрачной синеве майского неба и не замечал нервно переминавшихся у летней беседки Меркулова, Абакумова и Судоплатова. Нарком государственной безопасности, начальник военной контрразведки Смерш и руководитель 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД СССР были вызваны на Ближнюю дачу в таком составе впервые. Интуиция им подсказывала: Сталин стоял перед каким-то важным выбором. Перед выбором, который, вероятно, должен был решительно повлиять на дальнейшее ход войны.

Ее маятник на Восточном фронте на какое-то время остановился, чтобы затем качнуться и продолжить свой сокрушительный ход. В каком месте и в который час танковая армада вермахта могла обрушиться на оборону советских войск, в те майские дни сорок третьего в Москве точно не знал никто.

План операции «Цитадель» — летнего наступления вермахта под Курском и Орлом, задуманный в Берлине, в штабных кабинетах, покрытых плотной завесой тайны, только еще обретал зримые контуры.

Накануне предстоящей битвы противники пытались предугадать шаги друг друга и блефовали, как в банальной карточной игре, чтобы затем, когда придет время, пойти с козырей. В сложившейся ситуации пролить истинный свет на тайные замыслы армейских штабов могли только спецслужбы. Последние разведывательные сводки, касавшиеся действительных

и мнимых планов гитлеровского наступления на Восточном фронте, лежали на столе у Сталина.

Спецсообщение 1-го Управления НКГБ СССР, основанное на донесениях лондонской резидентуры, не оставляло сомнений в том, что в ближайшие месяцы гитлеровцы предпримут новое наступление. Ссылки Меркулова на таких информированных лиц, как бывший чехословацкий президент Бенеш, военный атташе Японии в Берлине генерал-майор Кумацу и редактор финской газеты «Ууси Суоми» Лаури, выглядели убедительными.

Эти данные подтверждались особо ценным агентом — Джоном Кэрнкроссом, работавшим в самом сердце британской разведки — в службе радиоперехвата. 25 апреля ей удалось перехватить переговоры командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Вейхса с оперативным отделом Генерального штаба вермахта. В них шла речь о подготовке крупной наступательной операции вермахта на Восточном фронте.

Основываясь на данных материалах, Меркулов делал осторожный вывод о том, что основной удар гитлеровцы нанесут в полосе Центрального и Брянского фронтов. При этом он не исключал повторения наступления как на Ленинград, так и на столицу. Его оценки подтверждались разведывательными данными, полученными спецгруппами 4-го Управления НКГБ СССР. В частности, агент «Святой», внедренный в абверкоманду-103, в своем последнем сообщении доложил:

«8 мая в бюро находился лейтенант из абверкоманды-103. При нем находилась карта разведотдела с обстановкой на фронте по состоянию на 5 мая. В беседе он рассказал, что гитлеровское командование решило наступать в направлении Орел — Елец и Белгород — Малоархангельск с задачей окружить и уничтожить группировку наших войск, находящуюся на этом участке фронта. К настоящему времени, по его словам, в район Орла стянуто девять армий, из которых половина танковых. На участке фронта от Великих Лук до Дорогобужа гитлеровское

командование решило перейти в оборону, там сейчас находится всего две армии».

Информация «Святого» переключалась с материалами, добытыми зафронтовым агентом Смерша «Гальченко».

Курск? Москва? Ленинград? Где на сей раз ожидать удара гитлеровских войск? Весной 43-го этот вопрос не давал покоя Сталину. И здесь невольно на память приходили трагические события годичной давности. Тогда гитлеровским спецслужбам и вермахту удалось его провести.

29 мая командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге ловко подкинул «убойную дезу» — директиву «Кремль» Генштаба вермахта. А чтобы в Москве отпали последние сомнения в плане захвата столицы, издал по армии аналогичный приказ. Спустя несколько дней оба «сверхсекретных» документа обнаружила поисковая группа красноармейцев в самолете, упавшем на советской территории.

Не успели еще остыть его обломки, как план «Кремль» был уже в Москве. Тогда в Генштабе Красной армии поверили, что тевтонский меч снова готов обрушиться на столицу. И он, Сталин, тоже поймался на эту уловку, и не принял в расчет данные лондонской резидентуры. Ее резидент, Иван Чичаев, сообщал совершенно обратное — о наступлении гитлеровцев на Южном фронте. Заблуждение дорого обошлось стране. Красная армия потерпела сокрушительное поражение и откатилась к берегам Волги и предгорьям Кавказа.

Спустя год история повторялась. На этот раз намерение Гитлера захватить и уничтожить Москву не выглядело таким уж беспочвенным. Как всякий авантюрный игрок, он, лишившись за два года войны многих своих козырей, собирался одним махом сорвать весь банк и решил любой ценой сокрушить советскую столицу. В этом имелась своя логика. Впереди было целое лето, то, чего ему не хватило в 41-м. Очевидны были и политические дивиденды подобной рискованной игры. Успех мог поднять боевой дух вермахта, а Япония, союзник Германии, решила бы, наконец, нанести удар на Дальнем Востоке.

Сталин вновь оказался перед трудным выбором и потому потребовал от Меркулова, Абакумова и Судоплатова получения достоверной информации о предстоящем наступлении гитлеровцев, чтобы своевременно принять ответные мер. На них была возложена задача не только обеспечения в глубочайшей тайне плана подготовки контрнаступления Красной армии, а и проведения стратегических дезинформационных операций, которые бы ввели в заблуждение гитлеровскую разведку, а вместе с ней и командование вермахта относительно ответных действий советских войск.

После совещания у Сталина Виктор Абакумов, несмотря на поздний час, поехал сразу на Лубянку. Его мысли были заняты только одним: как выполнить задачу Сталина? Он не замечал буйства природы весенней Москвы и не чувствовал пьянящего аромата молодой листвы и первых цветов. Скрип тормозов и часовой, вытянувшийся в струнку у входа в 4-й подъезд, на время отвлекли от назойливых мыслей. На его приветствие Абакумов машинально кивнул головой, поднялся на лестничную площадку и, не дожидаясь лифта, энергично зашагал на четвертый этаж.

Там его встретил дежурный по Главку, кратко доложил по обстановке в управлениях Смерш и проводил до двери кабинета. На приставном столике надрывалась звонками батарея разнокалиберных телефонов. Абакумов прошел к креслу и, не обращая внимания на трезвон, приказал дежурному «поставить на связь» начальников 3-го и 4-го отделов, а затем потянулся к папиросам и закурил.

Начальник 3-го отдела полковник Барышников находился на месте, а 4-го отдела полковник Тимофеев был в командировке, вместо него ответил заместитель полковник Утехин. Не вдаваясь в детали, Абакумов потребовал от них немедленно представить материалы на всех перспективных зафронтowych агентов, и только потом стал принимать доклады руководителей фронтowych управлений Смерш.

Первым на связи «стоял» начальник управления Брянского фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга Железников.

Он сообщил важные разведывательные данные о прибытии в Орел бронетанковой дивизии «Мертвая голова» и нескольких отборных подразделений СС.

Вслед за ним комиссар госбезопасности 3-го ранга Вадис с возмущением доложил об обнаружении в ряде артиллерийских частей Центрального фронта бракованных реактивных снарядов.

В танковой армии Воронежского фронта оперативные работники комиссара госбезопасности 3-го ранга Осетрова выявили пропажу шести совершенно секретных документов.

Из управления Забайкальского фронта сообщили об оперативной разработке некоего Де До Суна, подозреваемого в связях с японской разведкой.

Стук в дверь прервал разговор Абакумова с начальником Управления Смерш Северо-Западного фронта комиссаром госбезопасности 3-го ранга Едуновым. В кабинет вошли ведущие разработчики разведывательных и контрразведывательных операций Владимир Барышников и Георгий Утехин. В их руках громоздились пухлые тома дел. Абакумов кивнул головой на стол. Они оставили материалы и так же тихо, как вошли, удалились. Закончив разговор с Едуновым, Абакумов переключил телефоны на заместителя генерала Селивановского и принялся за работу над делами.

Они пестрели разноцветными закладками. Барышников и Утехин предусмотрительно заострили его внимания на значимых эпизодах в работе перспективных зафронтовых агентов. Абакумов, попыхивая папирсой, внимательно, страница за страницей, перечитывал рапорта оперативников и спецсообщения самих разведчиков. В отдельных делах попадались пожелтевшие от времени, со старомодными «Ъ», доносы жандармских агентов на родителей разведчиков и копии записей из церковных книг.

Контрразведка в работе не знает мелочей. Порой незначительная деталь — дальний родственник, занимающий высокий пост, выводила, казалось бы, безнадежную операцию из тупика

и обеспечивала ее успех. Досадная мелочь, упущенная на этапе подготовки — не там поставленная отметка в документе или неточность в легенде прикрытия, делала даже самого опытного разведчика легкой добычей абвера и гестапо.

Время приближалось к обеду. Стопка дел становилась все тоньше, а Абакумов так и не выпустил из руки красного карандаша. Несколько листов были сплошь покрыты его размашистым почерком. Он вникал в детали и внимательно вчитывался в эту одну из самых захватывающих книг — книгу необыкновенных человеческих судеб.

Зафронтовой агент особого отдела Юго-Западного фронта «Моссейчук» — Владимир Даниленко в январе 1942 года был заброшен в гитлеровский тыл и поступил в полицию. Сумел завоевать доверие, вырос по службе до начальника подразделения в Киеве.

«Михайлов» — Алексей Соболев в июне 1942 годы по заданию особого отдела 20-й армии Западного фронта под легендой перебежчика перешел линию фронта с целью внедрения в гитлеровскую разведку. Задание успешно выполнил. Находясь в смоленской диверсионной школе, подчинявшейся абверкоманде-103, он склонил для работы на советскую разведку 12 курсантов.

«Борисов» — Лев Бретнер уже в течение нескольких месяцев действовал в составе аппарата управления 721-й группы тайной полевой полиции (ГФП). Привлек к сотрудничеству еще одного кадрового сотрудника и создал разведывательную сеть из числа жителей города Донецка.

Они и ряд других зафронтowych агентов Смерша работали в самом логове врага — разведцентрах и диверсионных школах гитлеровских спецслужб. Поступающая от них информация позволила разоблачить сотни шпионов и обезвредить десятки диверсионных групп. Отдавая должное их мужеству и самоотверженности, Абакумов как профессионал вынужден был признать, что только двое были способны выполнить задачу стратегического характера.

Он снова вернулся к делу «Гальченко», старшего техника-интенданта 1-го ранга — старшего лейтенанта Прядко, и остановился на характеристике, написанной на него еще в 1941 году начальником особого отдела НКВД 6-й армии капитаном Павлом Рязанцевым:

«Прядко Петр Иванович, оперативный псевдоним «Гальченко», он же «Петренко», кадровый сотрудник абвергруппы-102, 1913 года рождения, уроженец м. Каневцы Чернобаевского района Полтавской области, кандидат в члены ВКП(б), украинец, кадровый военный, в Красной армии с 1937 года.

...По своим качествам исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный. Быстро и хорошо ориентируется в боевой обстановке.

К заданиям относится серьезно и выполняет их точно, в соответствии с нашими указаниями...».

Каждое слово характеристики Петр подтвердил делами. Добытые им материалы позволили обезвредить 101 агента абвера. Такими результатами могли гордиться далеко не все фронтовые управления Смерш.

Абакумов вытащил из кармашка на внутренней обложке дела фотографию разведчика. Прядко, молодой, лобастый, с открытым взглядом, в котором таилась лукавинка, вызывал симпатию и доверие. Но одного этого было мало, чтобы обеспечить успех предстоящей операции. При всех своих способностях, смелости и надежности разведчик объективно не мог выполнить задачу стратегического уровня. Петр был уязвим. Только благодаря находчивости и везению он трижды, в Абинске, Краснодаре и Вороновицах, избежал провала. Четвертого раза могло и не быть — гестапо тоже не дремало. Но главным препятствием на пути к участию в предстоящей операции яв-

ялось то, что у него отсутствовали связи, которые бы могли заинтересовать высшее руководство абвера.

Из всего списка остался один «Северов» — Виктор Бутырин. У него было то, что не имел никто другой из разведчиков Смерша. Его родственник — Леонов являлся ответственным работником Наркомата путей сообщений (НКПС) и находился на «короткой ноге» с железнодорожным наркомом Лазарем Кагановичем. Даже человеку, далекому от разведки, одна его должность говорила о многом. Иметь своего агента в таком месте, как НКПС, было не просто находкой, а мечтой для любой разведки.

Абакумов вновь внимательно перечитал последние донесения «Северова» и затем вернулся к характеристике:

«Контрразведывательную работу любит. Проявляет находчивость и инициативу. Хорошо ориентируется в сложной обстановке. Успешно участвовал в серьезных агентурных мероприятиях.»

По личным качествам — волевой, энергичный, дисциплинированный, всесторонне развит.

По навыкам, умению и личным качествам может быть использован для выполнения серьезных заданий».

И не столько этот вывод, говоривший о высоком разведывательном потенциале Бутырина-«Северова», сколько его оперативные возможности предопределили выбор Абакумова.

Путь Виктора в разведку мало чем отличался от того, каким пришли в нее Петр Прядко, Алексей Соболев, Владимир Даниленко и другие. В начале войны он добровольцем вступил в Красную армию. Знание радиодела, неплохое владение немецким языком, смелость, находчивость и умение хладнокровно действовать в сложных ситуациях привлекли к нему внимание армейских разведчиков.

С октября 1941 года Бутырин приступил к выполнению их заданий. Обстановка на участке Северо-Западного фронта сложилась критическая. Танковые клещи вермахта разрывали зыбкую оборону советских войск и тянулись к Ленинграду. На

передовой каждый человек и каждый штык были на счету, а в это время десятки тысяч командиров и бойцов Красной армии отчаянно бились в окружении.

Перед Виктором стояла нелегкая задача: после десантирования в тыл противника организовать связь окруженцев с Большой землей, а затем в качестве проводника обеспечить их выход к линии фронта. За два с небольшим месяца ему пришлось совершить несколько таких ходок. Последняя закончилась трагически. При приземлении он повредил позвоночник, а когда пришел в сознание, то оказался в руках фашистов — поисковой группы Тайной полевой полиции. Рация с парашютом не оставляли ему выбора, и тогда Виктор решил завязать с гитлеровцами игру. Его связи в армейской разведке заинтересовали начальника ГФП-501 майора Гофмайера.

После долгих и изнурительных допросов Гофмайер решил, прежде чем дать важное задание Виктору, теперь уже «своему» агенту «Попову», «замарать» его на партизанах. Его снабдили фиктивными документами, рацией и в составе поисковой группы направили в район действий партизан с задачей внедриться в их ряды и вести разведку.

В псковских лесах Виктор вышел на контакт с партизанами и в беседе с командиром отряда рассказал, что выполняет разведывательное задание командования Северо-Западного фронта. Первым же самолетом его переправили на Большую землю. И здесь он оказался перед сложным выбором. Рассказать или промолчать о том, что произошло с ним во время последней заброски? Как поступают с подозрительными окруженцами, а тем более с теми, кто пошел на сотрудничество с гитлеровцами, пусть даже вынужденное, ему было хорошо известно. В те месяцы, когда враг стоял в нескольких десятках километров от Ленинграда, военные трибуналы не скупались на смертные приговоры. После долгих раздумий Виктор обратился к военным контрразведчикам.

В Особом отделе Северо-Западного фронта ему сразу на слово не поверили и взяли в оперативную проверку. Ее ре-

зультаты, прошлый послужной список и открывшиеся перед военными контрразведчиками возможности по проникновению в гитлеровскую спецслужбу, привели их к решению: через «Северова»-«Попова» завязать с ней оперативную игру.

Несмотря на опасность снова оказаться перед угрозой расстрела (Гофмайер практиковал подобную проверку возвратившихся из советского тыла агентов), Виктор согласился отправиться к гитлеровцам с новым заданием.

Само по себе оно было на грани разумного риска. Ему предлагалось при встрече с Гофмайером сообщить:

«В первый же день в районе Старой Руссы я был пойман партизанами и на самолете доставлен в г. Валдай Северо-Западного фронта. Там выдал себя за своего друга Ефимова Виктора, который пропал без вести под Ленинградом. Однажды, узнав о том, что немцы набирают в отряд для борьбы с партизанами, я поступил в отряд с целью при первой же возможности бежать к красным. Из-за ранения (повреждение позвоночника) меня взяли радистом.

В одну из карательных поездок, когда группа была обстреляна (Это так и было. — Авт.), я воспользовался паникой и бежал к партизанам с рацией. Сняв с меня допрос и, проверив показания через свою партизанскую агентуру, решили забросить меня обратно с заданием — убить или похитить Гофмайера и пообещали награду — звание Героя Советского Союза».

По завершению подготовки 9 апреля 1942 года Виктор был сброшен на парашюте в районе между Старой Руссой и станцией Дно. Гофмайера с его штабом он нашел в деревне Скугры и «порадовал» заданием особистов — предстоящей его ликвидацией. Майор на этот раз не высказал особого энтузиазма по поводу успешного возвращения «своего» агента, и полтора месяца Виктор находился не у дел. Растить у себя под боком будущего «советского героя» Гофмайер, вероятно, не рискнул и убрал его от греха подальше. В июне вместе с другим Виктором — Белинским, который, видимо, должен был при-

глядывать за Бутыриным, их отправили в Ригу, в разведшколу «Абверштеллеостланд».

В Риге Виктор не задержался. В числе других наиболее подготовленных и опытных агентов его направили в диверсионную школу, располагавшуюся в местечке Вяцати, а в июле перевели в Балдоне. Там он в составе специальной группы в течение нескольких месяцев проходил интенсивную подготовку для «глубинной разведывательно-диверсионной деятельности на территории Республики Коми». В высшем руководстве абвера рассчитывали на то, что группа «Попова» станет ядром повстанческого движения, вокруг которого должны были объединиться находившиеся в ссылке выходцы из республик Прибалтики.

Комплектование и работу с группой вел кадровый разведчик Николай Дуайт — «Юрьев», для курсантов — «Волков». Виктор, воспользовавшись тем, что его мать была родом из Ленинграда, сумел сблизиться с ним и установить приятельские отношения. В дальнейшем с помощью Дуайта он познакомился с другими преподавателями-инструкторами и через них «втемную» собрал данные на руководителей и ряд курсантов разведшколы.

В сентябре 1942 года группу в полном составе возвратили в Ригу, в распределительный пункт «Абверштеллеостланд». В течение трех месяцев она находилась в готовности для заброски в советский тыл. Преподаватели в обучении курсантов особенно не усердствовали, и Виктор, воспользовавшись этим, принялся исподволь готовить почву для вербовки Дуайта. Под предлогом изучения «Майн Кампф» Гитлера просил его перевести основные положения книги. В ходе их обсуждения неназойливо сеял у него сомнения в идеях национал-социализма.

Это, а также недовольство Дуайта топорными методами работы германской разведки и тем, что его, полукровку, «истинные арийцы» держали за черную кость, привели к тому, что в декабре 1942 года он сам предложил Виктору установить контакт с советской разведкой. К такому решению пройдо-

шливого и прагматичного Дуайта подтолкнуло, видимо, доказавшееся до тихой Риги эхо грядущей катастрофы вермахта под Сталинградом. Виктор, опасаясь провокации, не сразу принял это предложение и, чтобы отрезать ему пути назад, предложил сначала собрать компрометирующий материал на личный состав «Абверштеллеостланд», а потом уже искать канал связи с советской разведкой. Дуайт согласился, но довести эту работу до конца им не удалось.

В январе 1943 года группу «Попова» передали из абвера в Главное управление имперской безопасности (РСХА), в подразделение «Цеппелин-Норд». На базе его учебного центра в Гатчине, а позже в Пскове, Виктор с Дуайтом готовились к выполнению специального задания в Ленинграде и одновременно занимались сбором разведывательных данных и интересах советской контрразведки. У них накопился значительный объем разведматериала, но все попытки, в том числе и через местное подполье, восстановить канал связи с Особым отделом Северо-Западного фронта Виктору так и не удалось.

Заброска в тыл Красной армии также откладывалась. Ни начальник центра гауптштурмфюрер СС Мартин Курмис, ни преподаватели, ни тем более курсанты не могли знать ее причины. Все решалось на самом верху, а там северное направление стало второстепенным. Вермахт готовился нанести сокрушительный удар на центральном участке фронта, под Курском и Орлом. 15 апреля 1943 года Гитлер подписал Директиву № 6. И мощный бронированный «зверинец» — тысячи новейших танков «Тигр», «Пантера» и самоходных артиллерийских систем — штурмовых орудий «Фердинанд» начали сосредотачиваться на Курской дуге.

В этих условиях оставаться и дальше без связи с «Центром», имея на руках материалы на десятки агентов, которые шпионили и совершали диверсии в тылу советских войск, Виктор уже не мог и решил использовать свой последний козырь. В беседе с Дуайтом он вскользь упомянул о своем высокопоставленном родственнике «Леонове» в НКПС. Тот с

ходу предложил ему обратиться к начальнику центра. Виктор отказался, так как опасался, что такой опытный разведчик, каким являлся Курмис, мог заподозрить подвох. Действительно, после четырех месяцев молчания, подобное заявление выглядело бы странным, если не сказать больше — подозрительным. После недолгого спора Дуайт согласился с тем, что информацию доводить до Курмиса лучше через него.

Расчет оправдался. Курмис с полуслова понял, какой важный кадр попал в его руки, и незамедлительно сообщил в Берлин. Первый шаг в операции, от успеха которой через месяц-другой будут зависеть жизни и смерти тысяч советских солдат, был сделан. Дальше события развивались с калейдоскопической быстротой.

Часть вторая. Визит к Кальтенбруннеру

На докладную начальника центра «Цеппелин-Норд» гауптштурмфюрера СС Мартина Курмиса на Потсдамерштрассе, 29, где размещалось 6-е управление РСХА — политическая разведка службы безопасности среагировали оперативно. Шифровка на столах его руководителей не залежалась. Вечером того же дня с предложениями ведущего специалиста по русской агентуре штурмбанфюрера СС Вальтера Курека она легла на стол руководителя «Цеппелина» оберштурмбанфюрера СС доктора Гайнца Грефе. После ознакомления с шифровкой он позвонил Курмису и потребовал немедленно командировать «Попова», а с ним «Волкова» — Дуайта в его распоряжение.

Ближайший поезд на Берлин отправлялся через час. К тому времени билеты, командировочные и спецпропуска на Дуайта и Бутырина лежали на столе Курмиса. Поднятые среди ночи, они стояли перед ним и сонно хлопали глазами. Курмис был краток, так как там, в столице, уже вряд ли чем мог им помочь, и потому потребовал только одного — не быть идиотами и использовать подвернувшуюся возможность, чтобы проявить себя.

Прифронтной Псков провожал Виктора и Николая переключкой ночных патрулей и лязгом затворов автоматов. К вокзалу они добрались одновременно с приходом поезда. Паровоз сердито попыхивал парами. Из приоткрытых дверей тамбуров бледными полосками пробивался свет. На ступеньках застыли заспанные кондуктора и, помахивая фонарями, выкрикивали номера вагонов. Пассажиров оказалось немного. На фронте шли затяжные бои, и командиры не баловали своих подчиненных отпусками в фатерланд.

Виктор с Николаем поднялись в полупустой вагон, прошли в купе и по-хозяйски заняли нижние полки. Сиплый свисток паровоза потонул в грохоте и лязге металла. Вскоре под мерный перестук колес Виктор не заметил, как задремал. Проснулся он поздно, солнце вовсю палило в окно. За ним мелькали ухоженные поля, расчерченные, будто по линейке, на идеальные квадраты и прямоугольники, дороги без единой выбоины, как армейский плац, у сверкающих свежей краской фольварков и кирх — лужайки, подстриженные, словно, под гребенку.

Здесь, в самом сердце военной машины Германии — Восточной Пруссии, эти идиллические картинки мирной жизни, представляли резительный контраст с теми чудовищными разрушениями, которые еще вчера стояли перед глазами Виктора. Он уже больше не мог спокойно смотреть на это бургерское благополучие и слышать звучащую в коридоре гортанную немецкую речь и раскатистый смех. Перед глазами невольно возникали исковерканные взрывами подводы, машины и вагоны, раздавленные гусеницами танков тела женщин, стариков и детей. От жутких воспоминаний Виктор поежился и, чтобы на время забыться, зарылся в газеты и журналы, которые неутомимый Николай наташил в купе.

В столицу Германии они приехали поздним вечером. Поезд бесшумно остановился у сверкающей идеальной чистотой платформы. Дуайт подхватил чемодан и, сгибаясь под его тяжестью, первым вышел из вагона и завертел головой по сторонам.

Виктор, с трудом выбравшись из толчи, стал рядом и терпеливо дождался сопровождающего от «Цеппелина».

Встретил их худощавый, напоминающий юношу, оберштурмфюрер. На вид ему было не больше двадцати. Над верхней губой пробивалась редкая щетка усов, на щеках играл нежный девичий румянец. При ближайшем рассмотрении курьер для особых поручений из специальной команды СД Алоиз Гальфе оказался не настолько юн. Под его остекленевшим взглядом Виктор почувствовал себя неуютно. В нем сквозило холодное презрение к прибывшим с периферии провинциалам.

Дауйт молча проглотил обиду и, вцепившись в свой неподъемный чемодан, потащился за Гальфе. На привокзальной площади их поджидала машина. Вышколенный водитель запихнул вещи в багажник и, не проронив ни слова, тронулся в путь. Виктор приник к стеклу и с жадным любопытством разглядывал Берлин — город, который в далеком шестнадцатом году укрыл его дядю — петербургского большевика от ищеек царской охраны.

За прошедшие десятилетия с городом и его жителями произошло, казалось, невысказанное. Кучка нацистов, свившая свое гнездо в прокуренных подвалах баварских пивных, за короткий срок сумела вывернуть наизнанку Берлин, а вместе с ним и всю Германию, степенных и рассудительных гансов и гертруд. Рожденные их безумие губительные бактерии национализма, подобно отвратительным тифозным вшам, расплодились в душах миллионов немцев. В мрачных каменных джунглях, что назывались Берлином, множилось чудовищное зло. В сентябре тридцать девятого года оно лопнуло, и как гнойный нарыв залило зловонной коричневой жижей тысячи мирных городов Европы.

Виктор, сжав кулаки, продолжал напряженно всматриваться в город и его обитателей. Он уже давно пытался найти и не находил ответа на мучительный вопрос: как могло произойти столь чудовищное превращение целой нации в кровожадное чудовище? Как? Серые стены домов и одинаковые, напомина-

ющие театральные маски лица немцев были немы и безлики. Он замкнулся в себе и перестал обращать внимание на неугомонного Николая. Тот живо реагировал на то, что происходило вокруг, и пытался тормозить вопросами Гальфе, но вскоре и ему надоело глазеть по сторонам.

Начались пригороды Берлина. За увитыми плющом металлических оградами линиями лубочными картинками мелькали виллы и частные пансионаты. Виктор гадал, куда их везет Гальфе, но тот хранил гробовое молчание. За несколько километров до Ораниенбурга водитель свернул на лесную дорогу. Она серой змейкой петляла среди густого соснового бора и закончилась перед высокими металлическими воротами.

В глаза, как в Пскове, не бросались караульные вышки с часовыми, а слух не оглушал лай сторожевых псов. Лишь внимательный глаз мог заметить поблескивающую на солнце серебристую нить проводов высокого напряжению, идущих поверх крепостного парапета, а в угловых башнях угадывались искусно замаскированные пулеметные гнезда. Вместо привычных рядов колючей проволоки по периметру замкнутой петлей вытянулась аллея из аккуратно подстриженных, будто новобранец, молодых лип. За ними на длинных металлических штырях, походя на паутину, висела сетка-«путанка».

На внутренней территории вместо привычного плаца перед главным корпусом раскинулся пышный розарий. Прямые, как стрелы, дорожки были тщательно посыпаны золотистым песком. Сам замок и примыкающие к нему постройки дышали патриархальной стариной и напоминали загородный пансионат для заслуженных ветеранов нацистской партии. Лишь частые глухие хлопки, доносившиеся из подземного тира, где будущие суперагенты и супердиверсанты «вострили себе глаз и набиwali руку», нарушали благодатную тишину и напоминали, что здесь находится лагерь особого назначения Главного управления имперской безопасности.

В холле гостиницы Виктора и Николая встретил детина с непроницаемым лицом и проводил их на второй этаж, открыл

двери двух соседних номеров и оставил одних. Не успели они расположиться, как в коридоре послышался шум шагов. Вместе с Гальфе появился рыжеволосый крепыш среднего роста с фигурой борца и холодным взглядом профессионального убийцы. Это был начальник лагеря особого назначения гауптштурмфюрер СС Зигель. Окатив новобранцев цепким взглядом, он, как хорошо заученный урок, провел с ними инструктаж. После этого Виктор с Николаем остались одни и принялись обживать новое место.

Утро следующего дня началось для них с раннего подъема и энергичной зарядки. После завтрака последовали изматывающие душу допросы, чередовавшиеся с занятиями по радио и минно-взрывному делу. Свободное время оставалось только на сон. С утра и до позднего вечера они крутились, как белки в колесе, в бесконечной череде тренажей. От пальбы из пистолетов и автоматов, казалось, расколется голова. К вечеру указательный палец немел от ударов по ключу радиопередатчика, а от хитроумных схем минирования, которые чертили инструктора на досках, начинало рябить в глазах.

Короткий перерыв наступал лишь после ужина. Виктор пытался воспользоваться им, чтоб хоть что-нибудь узнать о загадочном лагере особого назначения гитлеровской разведки. Но завеса тайны над всем, что здесь происходило, была такая, что кроме фамилии начальника лагеря Зигеля, его заместителя Родентала и периодически наезжавшего из Берлина штурмбанфюрера СС Вальтера Курека, контролировавшего ход их подготовки, ему мало что удалось выяснить. Лишь по количеству стульев в столовой он догадался, что таких, как они с Николаем, здесь было семнадцать.

По обрывкам речи, доносившейся из-за неплотно прикрытых дверей классов, Виктор сделал вывод, что разведывательно-диверсионную подготовку проходили также англичане, поляки, французы и даже американцы. Это был «международный учебный лагерь» для элитных разведчиков Главного управления имперской безопасности.

Единственной нитью, связывавшей Виктора и Николая с внешним миром, был Курек. Он с постоянством маятника Фуко появлялся в замке ровно в девять, и начинались изматывающие Виктору душу беседы-допросы. Курек, подобно клещу, цеплялся за мельчайшие детали его прошлой жизни и службы. Из чего можно было сделать вывод, что он и стоящие за ним высшие руководители «Цепелина» со всей серьезностью отнеслись к информации о Леонове и, судя по всему, планировали ни много ни мало, а его вербовку с целью получения стратегических разведанных. И для того у них имелись основания.

После возвращения Леонова из командировки в США он был вскоре арестован. Ему предъявили дежурное обвинение в «американском шпионаже». И если бы не «смена караула» на Лубянке — «кровавого карлика» Ежова сменил более либеральный Берия, то Леонова ждала бы печальная участь — либо умереть от непосильного труда в лагерях Колымы, либо безымянная могила в Подмосковье. В 1939 году с него сняли все обвинения. Похудевший и поседевший он возвратился на работу в Наркомат путей сообщения. В руководстве «Цепелина» учли это и полагали, что страх Леонова снова оказаться в камере на Лубянке может стать хорошей основой для его вербовки.

Наряду с этим рассказы Виктора о времени, проведенном в кругу Леонова, где не редким гостем был сам нарком Лазарь Каганович, натолкнули Курека на, казалось бы, сумасшедшую мысль — поправить дела вермахта на Восточном фронте. Вскоре она оформилась в план осуществления теракта против Кагановича, а при удачном стечении обстоятельств — самого Сталина. Главными исполнителями его замысла должны были стать Виктор и Леонов.

Руководство «Цепелина» поддержало этот план. Спецы из Главного управления имперской безопасности взялись за подготовку Виктора. Перед его глазами начало рябить от тайного арсенала убийств. По ночам ему снились то ручки, выстреливающие смертоносными ядами, то безобидные заколки, от легких уколов которых с ног валился здоровенный бык.

В конце концов Курек остановился на специально изготовленном бесшумном пистолете, распыляющем отравляющий газ. Это оружие Виктору предстояло применить, когда он вместе с Леоновым окажется на приеме у Кагановича. Собственную, его жизнь Курек гарантировал антидотом — противоядием.

Шел четырнадцатый день подготовки. Утро 18 июня не предвещало ничего необычного. Разве что на этот раз занятия начались без Курека. После завтрака Виктор и Николай вместе с Роденталом отправились в лабораторию и заняли места в специальных кабинетах. Инструктор принялся раскладывать на стеллажах свои «гремучие штучки»: ручки, портсигары, зонты, которые когда надо в руках боевиков начинали стрелять или брызгать ядами. И тут в дверях появился Зигель.

Судя по выражению его лица, произошло что-то из ряда вон выходящее. Ничего не объясняя, он отвел Виктора и Николая на вещевой склад. Там у них запестрело в глазах от обилия военных мундиров: немецких, русских, английских. Это разнообразие говорило о том, что гитлеровская разведка пока еще работала с размахом. Кладовщик подобрал два мундира пехотных офицеров Красной армии.

Переодевшись, Виктор с Николаем поднялись в кабинет Зигеля и там столкнулись с Курмисом. На днях тот был переведен из Пскова в Берлин с повышением. Новое назначение и новое звание — штурмбанфюрер, кажется, сделали его на полголовы выше. Придирчиво осмотрев бывших своих подчиненных в новой форме, Курмис остался доволен, и пригласил к себе в машину. По дороге на их вопросы о цели поездки отделялся общими фразами и ссылался на то, что подробные разъяснения они получают в Берлине непосредственно от Грефе.

Эта еще больше разожгло любопытство Виктора и Николая. Они пытались разговорить Курмиса, но тот всякий раз уходил от ответа и предпочитал переводить разговор на другие темы. Чем меньше километров оставалось до Берлина, тем больше он замыкался в себе. Предстоящая встреча бывших подопечных с руководителем «Цепелина» немало значила

и лично для него. Пришло время, как говорят у русских, показывать товар лицом. От норовистого Грефе, болезнь которого сделала его характер непредсказуемым, можно было ожидать чего угодно.

Скрип тормозов и возникшая перед ними мрачная каменная громада Главного управления имперской безопасности положила конец терзаниям Курмиса и заставила неугомонного Дуайта прикусить язык. Они поднялись по ступенькам, вошли в просторный холл и остановились перед часовым. Тот проверил документы, потом скользящим взглядом прошелся по Виктору с Николаем. На его лице не дрогнул ни один мускул — будто перед ним каждый день десятками проходили советские офицеры — и отступил в сторону.

Курмис быстрым шагом двинулся по лабиринту коридоров. Виктор и Николай едва поспевали за ним и продолжали гадать, что их ждет впереди. На них смотрели одинаковые, безликие двери с номерами на металлических табличках. Курмис, видимо, еще не успел освоиться на новом месте и вертел головой по сторонам. После очередного поворота остановился и, помедлив, неуверенно толкнул дверь, за ней оказалась приемная. Навстречу поднялся затянутый в ремни адъютант Грефе. Бросив любопытный взгляд на Виктора с Николаем, распахнул дверь в кабинет.

Пройдя узкий темный тамбур, они оказались в большом квадратном кабинете. Он мало чем отличался от тех, на которые Виктор успел насмотреться в последние дни. За креслом, на стене, висел неизменный портрет Гитлера. В углу неторопливо отсчитывали время старинные напольные часы. За огромным дубовым столом, покрытым синим сукном, в массивном кожаном кресле сидел хозяин кабинета.

Руководитель «Цепелина» оберштурмбанфюрер Гайнц Грефе напоминал старого кота: все его движения были по кошачьему мягкими и пластичными. На невзрачном, землистого цвета лице выделялись лишь глаза — холодные и неподвижные, они невидимыми щупальцами цепко хватили собеседника, и

как рентгеном просвечивали потаенные уголки души. Он, к удивлению Виктора, заговорил на сносном русском языке и был немногословен. Его короткие и хлесткие вопросы, не оставляли времени на обдумывание ответов. Этой пристрелкой Грефе, похоже, остался доволен.

Беседа-опрос подходила к концу, когда он огорошил их заявлением о предстоящей встрече с всесильным шефом службы имперской безопасности Германии обергруппенфюрером Кальтенбруннером. Вытянувшаяся физиономия Курмис красноречивее всего говорила о том, что подобный поворот дела и для него явился полной неожиданностью. Решение лично выслушать двух перспективных агентов, которым предстояло сыграть ключевую роль в предстоящей важной операции, получившей кодовое название «Предприятие «Джозеф» («Иосиф»), Кальтенбруннер принял несколько минут назад.

Предложения Грефе и Курека он поддержал, за одним исключением: вербовку Леонова потребовал провести от имени американцев. В этом был свой резон. Кальтенбруннер не был слепым фанатиком и хорошо понимал, что после болезненных поражений вермахта под Москвой, Сталинградом и на Северном Кавказе только недалекий человек мог променять свою близость к Кремлю на мешок рейхсмарок, с каждым днем терявших в цене. Страх нового ареста, который Леонов пережил по возвращению из командировки в США в тридцать седьмом, должен был, по расчетам Кальтенбруннера, стать мощным стимулом к сотрудничеству с американцами. Америка, где Леонов в течение двух лет катался, как сыр в масле, в случае угрозы нового ареста могла стать для него запасным аэродромом.

До приема у Кальтенбруннера оставались считанные минуты, и Грефе пришлось на ходу втолковать Виктору и Николаю, как вести себя и что отвечать на его вопросы. Перепрыгивая, через ступеньки, они поднялись в особый сектор. Здесь все, начиная с исполинского часового и заканчивая мрачными серыми стенами коридора, было пропитано духом аскетизма и суровой неподкупности.

На пороге приемной Кальтенбруннера Грефе суетливо поправил сбившуюся нарукавную повязку и пригладил рукой растрепавшуюся прядь волос. Имя «несгибаемого и беспощадного Эрнста» нагоняло страх не только на врагов рейха, но и на соратников по партии. Редкая улыбка на его иссушенном, как кора дуба, лице, испещренном шрамами от ударов шпаги, напоминавшими о временах бурной студенческой молодости, могла ввести в заблуждение только непосвященных. После убийства в 1942 году в Праге английскими агентами группенфюрера СС Гейдриха он жестоко отомстил за смерть своего предшественника. В первый же день после назначения на должность по его приказу были арестованы и расстреляны тысячи чехов. Потом железной рукой он навел порядок в собственном «хозяйстве». Десятки проштрафившихся офицеров отправились на фронт искупать кровью допущенные в работе промахи.

Разоблачение «Красной капеллы» — сети русских агентов, сумевших пробраться в святая святых — Главный штаб авиации и таскавших секреты из-под носа Геринга, захват большевистской резидентуры и ее руководителя в Бельгии, а еще больше личная преданность, подняли авторитет Кальтенбруннера в глазах фюрера. Гитлер без тени сомнения доверял ему расправы не только над внутренними врагами рейха, но и все чаще полагался на его разведывательные доклады, чем на абвер, начавший терять «нюх». Агенты Главного управления имперской безопасности активно действовали в Швейцарии, США, Британии и регулярно добывали ценную информацию о планах западных союзников СССР. Но судьба войны решалась не в пустынях Африки, а на Восточном фронте — на бескрайних русских просторах.

До начала операции «Цитадель», которая по всем расчетам должна была переломить хребет упрямому русскому «медведю», оставалось меньше месяца. Совещания у фюрера заканчивались одним и тем же: он требовал от разведки одного — проникнуть под завесу тайны, и разгадать замыслы коварного Сталина. Несмотря на массовую засылку агентуры в тыл

Красной армии (только весной абвер и «Цепелин» забросили свыше двухсот сорока разведывательно-диверсионных групп), результаты их работы оказались плачевными. Большинство агентов было ликвидировано в первые же дни, а оставшиеся в живых долго не продержались. Несколько десятков групп, которым повезло больше, тоже не могли похвастаться особыми результатами — поступающая от них информация носила тактический характер.

Поэтому агента «Попова» с его родственником, ответственным работником НКПС, Кальтенбруннер воспринял как дар божий. Вербовка Леонова открывала прямой доступ к стратегическим секретам Сталина. Планы перевозок, которые разрабатывались в НКПС и затем докладывались Кагановичем высшему руководству страны, позволяли заблаговременно узнавать о будущих ударах русских армий.

Рейхсфюрер Гиммлер тоже зацепился за группу «Иосиф» и взял на личный контроль подготовку к операции. Все это вывело ее на такой уровень, что Кальтенбруннер решил своими глазами посмотреть на перспективных агентов.

Первым в кабинет вызвали Дуайта-«Волкова». Вместе с ним вошел и Грефе. От волнения перед глазами Николая все плыло и сливалось. На непослушных ногах он прошел к столу, не помнил, как сел на стул, и долго не мог понять вопроса. Постепенно ровный тон и деловитость Кальтенбруннера вернули ему уверенность в себе. Николай, как ему рекомендовал Грефе, отвечал коротко и по существу вопросов. Судя по всему, разговор вызвал живой интерес у шефа германской спецслужбы. Его занимала не только предстоящая операция, но и более широкий круг вопросов. Кальтенбруннер будто забыл про Грефе и обращался только к Дуайту. Он пытался разобраться во многом: почему такой большой отсев среди кандидатов в агенты из русского контингента? В связи с чем происходят их частые провалы? Почему невысок уровень добываемой ими разведывательной информации? Что надо сделать, чтобы изменить положение к лучшему?

И таких «почему?» и «что надо делать?» Николаю, видимо, пришлось бы слышать еще долго, если бы не звонок: Кальтенбруннера срочно вызывали в ставку Гитлера. Прием закончился. Беседа, которая, как казалось Николаю, продолжалась вечность, заняла всего несколько минут. Он не помнил, как вышел в приемную. Виктор подался к нему и Грефе. Их лица и радостно поблескивающие глаза гитлеровца сказали ему все. Операция агентурной группы «Предприятие Джозеф» получила поддержку у Кальтенбруннера. По возвращении в лагерь Виктор, Николай, Курмис и Курек занимались подготовкой к вылету.

В ночь на 19 июля 1943 года плотные облака, казалось, стелились над самой землей, и в них, словно в вате, тонул надсадный гул моторов, крадущегося в кромешной темноте «Хейнкеля-111» — спецсамолета из особой эскадрильи рейхсфюрера СС Гимmlера. На полете к железнодорожной станции Егорьевская, в Подмоскowie, он сбросил скорость, совершил крутой разворот и на мгновение будто повис в воздухе. Прошло несколько секунд, и в ночном небе огромными тюльпанами распустились купола двух парашютов. Вскоре молочная пелена, поднимавшаяся над лесным озером, поглотила парашютистов. Налегая на стропы, они проломили стену из прошлогоднего камыша и приземлились на кромке берега...

В ноль часов десять минут 20 июня 1943 года дежурный по 47-й радиолокационной станции засек нарушителя на экране радара и немедленно сообщил на командный пункт. Спустя несколько минут об этом уже знали в штабе 1-й воздушной армии Западного фронта, а затем в отделе Смерш. Тут же в воздух взлетели истребители и бросились на перехват гитлеровского самолета, а на земле были подняты по тревоге оперативно-поисковые отряды. Через полчаса сотни солдат и офицеров из дивизии внутренних войск НКВД по охране тыла армии заняли места в кузовах грузовиков, и две колонны двинулись к станции Егорьевская. К рассвету они блокировали ближайшие к ней дороги, а с восходом солнца взяли в кольцо участок леса, где высадились парашютисты, и начали поиск.

Продолжался он недолго. Гитлеровцы слишком торопились и не потрудились спрятать парашюты — они валялись на берегу озера. На влажном песке отчетливо проступали отпечатки сапог. Розыскные собаки быстро взяли свежий след, который привел к ручью и там оборвался. Поджав хвосты, они жалобно скулили, виновато поглядывая на проводников. Взять диверсантов на месте не удалось, и трубки телефонов в штабах раскалились от командного рева и крепкого мата начальников.

А в это время в тридцати километрах от Егорьевска двое — настырный капитан-летчик и старший лейтенант-артиллерист — вломились в кабинет начальника станции Хорлово и потребовали немедленно дать им связь с Москвой. Тот, оглохший от непрерывных телефонных звонков и угроз начальников эшелонов, не нашел в себе сил сопротивляться и пустил их в кабинет. Заглянувший вслед за ними заместитель, не решился задать вопрос. Он недовольно покосился на нахрапистых офицеров и развернулся, чтобы уйти, но в последний момент задержался. Его взгляд упал на старшего лейтенанта. Тот бесцеремонно развалился на топчане и лениво ковырялся спичкой в зубах. Под его сапогами, давно не знавшими щетки и походившими на раскисшую тряпку, расплылась грязная лужа. В углу валялся потемневший от воды и набитый под самую завязку армейский вещмешок. В глазах заместителя мелькнула тень подозрения, и он быстренько выскользнул за дверь.

Кабинет начальника станции снова загудел, как пустой барабан, от голоса капитана. Он потрясал трубкой, дергал телефонной шнур и пытался докричаться до телефонистки. Наконец сквозь треск и шум прорвался ее голос. Капитан потребовал соединить его с дежурным по Главному управлению контрразведки Смерш.

Мембрана снова отозвалась потрескиванием и свистом. Какое-то время в трубке раздавались неясные шорохи, а затем на удивление ясно зазвучал голос дежурного. Капитан повел

речь о каком-то полковнике Королеве — фамилия ничего не говорила дежурному, и тогда он потребовал соединить его с самим начальником Смерша Абакумовым.

Сонно клевавший носом начальник станции при упоминании этой фамилии вздрогнул и с испугом покосился на капитана. Тот сделал многозначительное лицо и кивнул на дверь. И он, чего только не слышавшийся за последние сутки от разгневанных комендантов эшелонов и командиров частей, на этот раз безропотно подчинился. Капитан снова склонился над телефоном и попросил дежурного сообщить Абакумову, что «Северов» прибыл и находится на станции Хорлово. Закончить разговор он не успел.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвались бойцы с младшим лейтенантом. Необстрелянный, еще не нюхавший пороха молоденький, почти мальчишка, офицер ошалелым взглядом заметался по кабинету, остановился на капитане и, потрясая пистолетом, ринулся к нему. Виктор не успел произнести даже слова, как бойцы смели его и Николая на пол и придавили телами. В проеме двери промелькнуло пылающее, как станционный фонарь, лицо заместителя начальника станции. Он торжествующим взглядом смотрел на распластанных «гитлеровских диверсантов». Последним в кабинет влетел старшина, стреляный «воробей». Он сразу кинулся к вещмешкам. Его цепкие пальцы сноровисто развязали веревки, и под ноги младшего лейтенанта полетели нательные рубашки, портянки и пачки махорки. Под ворохом белья тускло блеснула радиостанция. Старшина торжествовал, но не долго.

В болтавшейся телефонной трубке рокотал голос дежурного по Главному управлению Смерш. Младший лейтенант подхватил ее, приложил к уху, и через мгновение его лицо пошло красными пятнами. По обрывкам разговора старшина догадался, что не на тех напали и кивнул бойцам. Те ослабили хватку и, с любопытством поглядывая на загадочных «диверсантов», отступили к стене. Виктор с трудом поднялся, перед глазами все плыло и покачивалось, смахнул с подбородка кровь,

перехватил трубку у побелевшего, как мел, младшего лейтенанта и повторил пароль.

На этот раз тон речи дежурного был совершенно иным. Он потребовал от начальника станции накормить и разместить офицеров на отдых и до приезда оперативной группы Смерша их не беспокоить, а бдительному младшему лейтенанту объявил благодарность. Тот окончательно потерял голову и, лепеча что-то себе под нос, покинул кабинет начальника станции вместе с подчиненными.

После его ухода пришедший в себя заместитель начальника станции принялся мелким бисером рассыпаться перед Виктором и Николаем. На столе, как по волшебству, появились пузатый самовар, горка из кусков сахара-рафинада, краюха ржаного хлеба и пара запеченных в углях картофелин. На этом хлебосольство хозяев не закончилось. Начальник станции метнул на заместителя многозначительный взгляд. Тот понял все без слов и исчез за дверь. Возвратился он со свертком, в нем оказалась бутылка самогонки. Вскоре веселый перезвон стаканов лишний раз напомнил Виктору о том, что он дома. Ядреный, не меньше шестидесяти градусов, самогон быстро ударил в голову и по ногам. После третьей стопки его и Николая повело, перед глазами закачались и поплыли стены и потолок.

Впервые за последние дни они спали безмятежным сном и не слышали трещавшего за стеной телефона, грохота колес вагонов и охрипших от криков комендантов эшелонов и дежурного по станции. Мало кому известная станция Хорлово-Егорьевская и десятки других в эти последние июньские дни 1943 года напоминали собой один бесконечный железнодорожный состав. До начала великого сражения под Курском и Орлом оставались считанные дни. Сотни эшелонов, подчиняясь совершенно секретным предписаниям Генерального штаба и наркома путей сообщений, совершали замысловатые маневры по густой железнодорожной паутине, чтобы завести в тупик гитлеровскую разведку и в нужный час и в нужном месте сосредоточиться

для ответного удара по бронированной гитлеровской армаде из «тигров» и «пантер». Виктор с Николаем, не подозревали об этом, и спали так, как спят только на войне.

Всего два слова — «Ребята, подъем!» — капитана из отдела Смерш по коломенскому гарнизону подняли Виктора и Николая на ноги. Во дворе их поджидал трудяга — армейский «козлик». Разбитной водитель предупредительно вышел навстречу, подхватил вещмешки, уложил в «собачник» и затем, лихо развернувшись по двору, выехал за ворота. За ними царил хаос из повозок и машин. Но ему, где глоткой, а где нахальством, удалось пробиться к московскому шоссе, и там армейский «козлик» показал, на что способен.

Солнце палило немилосердно. Клубы раскаленной пыли столбом стояли над разбитой бомбежками, гусеницами танков и колесами машин дорогой. Она набивалась за ворот и обжигала кожу, скрипела на зубах, грязными солеными ручьями стекала по лицу. Виктор этого не замечал. Его душа пела. Спустя полтора года он живой и невредимый вернулся домой! Задание «Центра» было выполнено! Рядом с ним сидел кадровый сотрудник «Цепелина».

А Николай, похоже, все не мог поверить в то, что не арестован, и молча смотрел по сторонам. Вокруг все живо напоминало о недавних ожесточенных боях. Глубокие, словно незаживающие раны, рубцы противотанковых рвов терялись в знойном мареве. Обочины дорог были усеяны ржавой сыпью искореженной военной техники. Сиротливо смотревшие в небо иссеченные осколками колодезные журавли и кирпичные трубы русских печей напоминали о том, что когда-то на их месте были деревни. Проселок вскоре закончился, и серая лента шоссе стремительно понеслась под колесами машины. О близости Москвы напоминали оживленное движение на дороге и дачные поселки.

К этому времени на Лубянке, в кабинете начальника 4-го отдела ГУКР Смерш НКО СССР полковника Георгия Утехина, собрались: начальник 2-го отделения капитан Андрей Окунев

и старший оперуполномоченный капитан Сергей Сафронов. Новость о возвращении с задания «Северова» взбудоражила их. После потери с ним связи они жили надеждой на то, что в Берлине ему удастся пройти сито проверок и заинтересовать своими оперативными возможностями руководство «Цеппелина». Теперь все опасения оказались позади. Он вернулся, и не один. Кто был тот, второй, им оставалось только гадать

Окунев с Сафроновым, ерзали на стульях, сверлили Утехина вопросительными взглядами и с нетерпением ждали ответов на свои немые вопросы. Тот тоже сгорал от нетерпения увидеть, наконец, живого, из плоти и крови разведчика «Северова». Но больше всего им не давал покоя его напарник. Кто он — надежный помощник Виктора или ловко вошедший к нему в доверие хитрый и коварный враг? Он становился ключевой фигурой. Без проверки его надежности операция с гитлеровской спецслужбой теряла всякий смысл. Поэтому сразу же возник вопрос: где поселить Виктора и его напарника, чтобы обеспечить за ними плотный оперативный контроль и перехватить возможный контакт со связником «Цеппелина».

Служебная дача Смерша находилась поблизости от Москвы, в Малаховке, и мало чем отличалась от десятка других. Большинство из них с начала войны пустовало, и потому новый человек был на виду. В таких условиях даже начинающий агент не спешил бы искать связь с резидентом. Поэтому ждать, когда напарник Виктора проявит себя, ни Утехин, ни Окунев, ни Сафронов не могли. Логика развития операции, а еще больше — ход последних событий на фронте, диктовали свои условия.

После короткого спора они пришли к решению поселить Виктора и посланца «Цеппелина» в Москве, на конспиративной квартире в Тихвинском переулке, и дать им свободу действий, чтобы проследить их контакты. Конец разговору положил звонок дежурного по Главку, он сообщил: в управление Смерш Московского военного округа доставили двух задержанных на железнодорожной станции Хорлово.

Дорога в управление заняла у контрразведчиков не больше двадцати мину. Все это время Утехина не покидала одна и та же мысль: с кем ему предстоит иметь дело? С советским разведчиком «Северовым» или подставой противника? Жестокое, но справедливое правило разведки — «не проверил, — значит, проиграл» — сурово действовало как для чужих, так и для своих. По-человечески он готов был задушить в объятиях вернувшегося из небытия разведчика, но как профессионал обязан ставить под сомнение каждое его слово. С этими сложными чувствами Утехин переступил порог кабинета следователя. Навстречу ему поднялся из кресла осунувшийся, заросший густой щетиной и мало походивший на изображение с фотографии «Северов»-Бутырин. Его напарник остался стоять у стены и настороженно наблюдал за встречей. Пожимая его руку, Утехин ощутил в ней дрожь, и это лишний раз напомнило ему, что впереди предстоит кропотливая работа. Поручив Дуайта Сафронову и Окуневу, сам он занялся Виктором.

За время беседы они успели выпить не один чайник. На дворе уже ступились ночные сумерки, когда в отчетах Виктор и Николая были поставлены последние точки. Завершился их первый день в Москве ужином в столовой управления. Затем вместе с Сафроновым они отправились на конспиративную квартиру. А Утехин с Окуневым возвратились на Лубянку и, не заходя к себе, поднялись в приемную Абакумова. Там уже находился начальник 3-го отдела подполковник Владимир Барышников. С недавнего времени ему с подчиненными приходилось заниматься не только разработкой заброшенных в тыл советских войск гитлеровских агентов-парашютистов, но и держать в своих руках нити всех радиоигр, которые вели органы Смерша.

Теперь, когда все были в сборе, их принял Абакумов. За те несколько дней, что Утехин провел в командировке, ему бросилась в глаза лежащая на нем смертельная усталость. В последнее время, перед решающей схваткой под Курском, Абакумов работал на износ. При такой нагрузке даже его богатырское

здоровье начало давать сбои. Глаза от хронической бессонницы воспалились, щеки глубоко запади, а лицо осунулось и напоминало пергаментную маску. Предложив сесть, Абакумов поторопил Утехина с докладом.

Утехин, прежде чем начать доклад, представил материалы, добытые Виктором в гитлеровских спецслужбах. Они впечатляли. Результаты работы разведчика не уступали некоторым управлениям Смерш фронта. На восьми густо исписанных листах бумаги, содержалась ценнейшая информация: фамилии 98 кадровых сотрудников и 133 агентов «Цепелина», места расположения и системы охраны разведшкол и многое другое. Вместе с тем все это могло оказаться лишь прикрытием в стратегической игре руководства гитлеровской спецслужбы, в которой главной ставкой являлась не жизнь сотни второсортных агентов, а решающий успех в летней военной компании 1943 года на Восточном фронте. Поэтому Абакумов внимательно читал отчет, подчеркивал красным карандашом важные места и напряженно думал, пытаясь разгадать головоломку, которую, возможно, загадал «Цепелин».

В той, рискованной и многообещающей оперативной игре, что была задумана им, Утехиным и Барышниковым, нельзя было исключать того, что гитлеровцы перехватили инициативу и сделали ответный ход. Но какой? Решили использовать «Серверова» втемную и пошли на жертву кадрового сотрудника Дуайта, чтобы навязать Смершу свою волю? Ответ на этот и многие другие вопросы могли дать только время и сама радиопередача — одна из самых сложных по исполнению и эффективная по результатам контрразведывательная операция.

По замыслу Абакумова, ей предстояло стать не просто классической оперативной двух- или трехходовкой, а первой для Смерша гроссмейстерской партией, в которой требовалось связать незримыми нитями десятки действующих разведчиков и контрразведчиков, агентов-радиостов, агентов-связников и специалистов по дезинформации из армейских штабов. В этом, поистине смертельном спектакле, каждому из них отводилась

своя строго определенная роль, и потому любая фальшь или малейший просчет могли привести к невозполнимым потерям. Несмотря на огромный риск, игра стоила свеч. Для настоящего профессионала нет, и не может, быть более высокой цели, чем вынудить сильного противника действовать под свою диктовку и при этом создавать у него иллюзию успеха и превосходства.

За спиной Абакумова и его подчиненных к середине 1943 года уже имелось несколько успешно проведенных радиоигр. Но все они проходили на тактическом уровне. Этой же предстояло стать первой стратегической, и ее цену должен был определять сам Верховый. И несмотря на то, что Сталин в последнее время благоволил к нему, порой прощал ошибки, как это случилось в сорок втором году с изменником генералом Власовым, второй раз рассчитывать на его снисхождение не приходилось. Эти мысли болезненной grimасой отразились на лице Абакумова. Отчет Бутырина содержал больше вопросов, чем ответов. Еще большее беспокойство у него вызывали планы «Цепелина», связанные с проведением теракта против Кагановича. Такая игра становилась опасной и лично для него. Даже малейшей промашки Сталин ему бы не простил. Поэтому на первый план выходила проверка не только Дуайта, но и «Северова». План ее проведения, предложенный Утехиным и заключающийся в подводе к Дуайту перевербованного гитлеровского агента, Абакумов после доработки отдельных деталей утвердил.

Возвратившись к себе, Утехин и Окунев сели за разработку плана проверки Бутырина и Дуайта. Захваченные остроумной идеей Абакумова, они не замечали времени, и ломали головы над тем, как осуществить подвод к ним бывшего агента псковской разведывательной школы Герасимова, подготовкой которого занимался Дуайт.

Виктор с Николаем об этом даже не подозревали и спали безмятежным сном. Они были среди своих. Утро следующего дня для них началось не с рыка инструкторов и грохота сапог по булыжному плацу, а с задорного трезвона будильника и

аппетитных запахов, доносившихся с кухни. Они с трудом смогли оторвать головы от подушек, но не в силах бороться со сладким искушением сна, снова зарылись в постели. Разбудил их Сафронов.

После завтрака он рассадил Виктора и Николая по разным комнатам, дал листы с кучей вопросов. Ответы заняли у них полдня. После обеда Сафронов уехал на Лубянку, а они отправились прогуляться по Москве и до позднего вечера бродили по городу. На следующий день все повторилась, и так продолжалось почти всю неделю.

25 июня, как обычно в девять, появился Сафронов с неизменным портфелем. На этот раз он не стал утомлять Виктора и Николая вопросами, бегло просмотрев отчеты, забрал их с собой, и все отправились на Лубянку.

Там Виктор и Николай не задержались, и, несмотря на то что за окном начали сгущаться тучи, решили прогуляться по городу. Прихватив зонты, спустились вниз, прошли к остановке; едва успели запрыгнуть на подножку подоспевшего трамвая, как хлынул проливной дождь.

Казалось, что само небо обрушилось на землю. От чудовищных раскатов грома закладывало уши, а яркие вспышки молнии слепили глаза. Асфальт пучился, кипел, словно свинец во время плавки. Через мгновение улицы превратились в бурлящие потоки. Стена воды встала перед трамваем, и он пополз, как черепаха. Ливень продолжался недолго. Над Ленинскими горами еще продолжало погромохивать, а в центре Москвы уже посветлело. Прошло несколько минут, и о былом ненастье, как это бывает в июне, напоминали лишь стайки легких облаков, робко жавшихся к краю горизонта, и лужи на асфальте. Небо, умытое коротким грозovým дождем, снова ожило и после изнурительной жары завораживало нежными красками. В воздухе появилась та удивительная свежесть, которая бывает только в это время года.

Трамвай остановился у площади Пушкина. Николай с Виктором выбрались из душного вагона и тут же окунулись в

жизнерадостную толпу. Веселыми ручейками она растекалась по скверу и закручивалась в водовороты у летних палаток. Аппетитный запах сдобы привел Виктора в очередь за чебуреками. Николай задержался у памятника Пушкину и, задрвав голову, что-то с любопытством разглядывал в великом поэте.

Из задумчивости его вывел удивленный возглас. Он обернулся и вздрогнул. Из-под низко надвинутого на лоб козырька кепки на него смотрел не кто иной, как агент псковской разведшколы Валерий Герасимов. В том, что это он, не было никаких сомнений. Характерный акающий московский акцент, квадратный подбородок и здоровенный кадык на шее еще были свежи в памяти Николая. Четыре месяца назад его и еще двух агентов он готовил для заброски на длительное оседание в Иваново.

Николай смотрел на бывшего курсанта, а в его душе царило смятение. Еще недавно он делал все ради того, чтобы такие, как Герасимов, без тени сомнений убивали, взрывали и шпионили здесь, в Москве, Иваново, Ярославле и где только можно, чтоб только навредить большевикам. И сейчас, когда они снова сошлись лицом к лицу, он находился в растерянности. А Герасимов продолжал теревить его вопросами. Появление Виктора со стопкой чебуреков в одной руке и двумя кружками пива — в другой прервало разговор с Герасимовым. Буркнув что-то невнятно на прощание, он растворился в толпе.

Для контрразведчиков Смерша, наблюдавших за этой встречей, наступил момент истины: как себя поведет Дуайт? Его поведение и действия сняли у них все вопросы. Он тут же рассказал Виктору о встрече с Герасимовым, и уже вместе они попытались организовать за ним слежку.

Тот оказался третьим калачом. По пути несколько раз переживался из трамвая в трамвай, перебегал улицу на красный свет. Виктору и Николаю пришлось немало потрудиться, чтобы не потерять его из виду. Больше часа они кружили по центру Москвы. Герасимов вел себя предельно осторожно и прежде чем зайти на конспиративную квартиру, находившуюся в

районе стадиона «Динамо», пустился петлять по проходным дворам.

На следующий день на стол Утехина легли подробный рапорт бывшего агента «Цепелина», а теперь агента-опознавателя Смерша Валерия Герасимова, сводки разведчиков наружного наблюдения и технических служб. Все материалы говорили в пользу Бутырина с Дуайтом и снимали последние опасения. Просмотрев итоговую справку, подписанную Окуневым, и не найдя в ней подводных камней, Утехин вызвал его к себе, а затем позвонил Барышникову. В приемную к Абакумову они подошли вместе. Тот принял их без промедления и внимательно изучил материалы проверки и прежде чем дать разрешение на начало радиоигры предложил, чтобы завершить морально-психологическую перековку Дуайта, помимо просмотра советских фильмов, провести его по местам, где зверствовали фашисты и организовать встречи с их жертвами. Позже такая поездка состоялась и оказала большое влияние на Дуайта. От его профашистских взглядов не осталось и следа.

В операции «Предприятие «Иосиф» («Джозеф»), задуманной гитлеровским разведорганом «Цепелин» 6-го управления РСХА, советская контрразведка Смерш перехватила инициативу.

В рапорте на имя Абакумова о начале радиоигры Утехин так изложил ее существо и высказал свое предложение:

«В связи с тем, что группа («Иосиф»). — Авт.) имеет очень интересное задание, по которому можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как вызов, например, квалифицированных вербовщиков, данную группу целесообразно включить в радиоигру. Первую радиограмму установить 26-го июня т[екущего] г[ода], передав радиограмму следующего содержания: «Приземлился хорошо. Следующая связь 2 июля в 21 час». Текст будет передан на немецком языке... Прошу Вашей санкции».

В обсуждении этого предложения, помимо Абакумова и Утехина, принял участие начальник 3-го отдела полковник

Барышников. Совещание было коротким. Небольшой спор возник, когда речь зашла о названии предстоящей операции. В конце концов остановились на «Загадке». И когда все вопросы были сняты, Абакумов размашисто, красным карандашом поставил свою подпись на рапорте Утехина.

После этого контрразведчики принялись готовить в Малаховке, на служебной даче, радиоточку для работы радиостанции «Иосифа», а в Москве сохранили конспиративную квартиру для проживания Виктора и Николая на тот случай, если в «Цепелине» задумают направить курьеров для проверки.

26 июня 1943 года на служебной даче в Малаховке, в 24.45 по берлинскому времени, в эфире прозвучали позывные радиста «PR 7»:

«Легализация прошла успешно. «А» в служебной командировке до 25 июля. Ищем других знакомых и постоянную квартиру. PR 7».

Группа «Иосиф» приступила к выполнению задания.

Часть третья. «Загадка»

Эта радиограмма от агентурной группы «Иосиф» поступила в Берлин поздно ночью. Первым о ней в отделе «Цет-1» «Цепелина» узнал Курмис. Несмотря на то что на его счету были десятки успешных забросок агентов в советский тыл, с таким нетерпением, как сейчас, он никогда не ждал сообщения. Удачный старт карьеры в Берлине теперь во многом, если не во всем, зависел от того, как сложится дальнейшая судьба «Волкова» и «Попова» в далекой Москве. 19 июня они сообщили об успешном приземлении, после чего позывные «PR 7» на восемь суток пропали из эфира. Все это время Курмис не находил себе места. Задолго до начала службы приходил в кабинет и первым делом начинал названивать в радиоцентр. Но каждый раз дежурный докладывал одно и то же: «PR 7» на связь не выходит, на вызовы радиоцентра не отвечает».

28 июня воистину оказалось счастливым для Курмиса. Не успел он переступить порог кабинета, как на столе требовательно зазвонил телефон. В трубке раздался ставший уже хорошо знакомым голос дежурного по радиоприемному центру «Цепелина». Бодрые интонации в его голосе заставили сердце Курмиса учащенно забиться. В своих предчувствиях он не ошибся. Наконец поступила долгожданная радиограмма от «Иосифа». Две скупые строчки из донесения агентов прозвучали для него самой сладкой музыкой, и даже отсутствие на месте Леонова нисколько не омрачило настроения. Возвращение в Москву главного фигуранта в будущей операции было делом времени. После такого сообщения Курмис с трудом смог усидеть на месте и, как только Курек появился в управлении, поспешил к нему с докладом.

Тот со вчерашнего вечера был на взводе. Вторые сутки с фронта из-под Курска поступали оперативные сводки одна хуже другой. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Курека, стал провал двух разведывательно-диверсионных групп. Вербовочный конвейер «Цепелина» фактически работал вхолостую. Из заброшенных в мае — июне в район Курска и Орла одиннадцати агентурных групп уцелело всего три, и те ничего существенного не сообщали. Поэтому сияющий вид Курмиса, а еще больше оживший «Иосиф», смягчили горечь от последних неудач и прибавили Куреку настроения. Очередной важный шаг в операции был сделан и прошел успешно. С этим можно было смело являться в кабинет Гrefe. Дождавшись, когда тот освободится, поднялся к нему.

Доклад Курмиса Гrefe выслушал с непроницаемым лицом. Он испытывал двойкие чувства. С одной стороны, донесение «Иосифа» развеяло возникшие было сомнения в успешной легализации агентов в Москве, а с другой — отсутствие на месте Леонова не приблизило к главной цели — секретам русских. До начала операции «Цитадель» — сокрушительного удара по большевикам под Курском и Орлом — оставалась всего неделя, а ему до сих пор нечего было доложить шефу — Кальтенбрунне-

ру. «Цеппелин» и он, оберштурмбанфюрер Гайнц Грефе, пока оставались так же далеки от тайных планов контрнаступления Красной армии, как и две недели назад, когда замышлялась эта многообещающая комбинация с «Поповым» и его высокопоставленным родственником в Наркомате путей сообщения.

Ждать до 25 июля — возвращения Леонова из командировки в Москву Грефе не мог, и распорядился направить «Иосифу» срочную радиogramму с требованием немедленно выехать в Тбилиси и там провести вербовку Леонова. Курек и Курмис в душе были против, так как понимали опасность подобной поездки для агентов, еще не успевших основательно легализоваться, но, зная шаткое положение Грефе на «верху», промолчали. Тому едва ли не каждый день приходилось отдуваться на «ковре» у Кальтенбруннера за провалы агентуры. Шеф Главного управления имперской безопасности требовал от подчиненных результатов, а не пустых обещаний. Грефе и Куреку не оставалось ничего другого, как только форсировать операцию.

30 июня на конспиративной даче Смерша в Малаховке «Волков» принял радиogramму, подписанную Куреком. Он требовал от «Попова» в ближайшие дни провести вербовку Леонова. В тот же день она легла на стол Утехина. Теперь уже контрразведчикам Абакумова предстояло сделать очередной ход в радиоигре. Они взяли паузу, чтобы просчитать все риски дальнейших своих шагов.

В Берлине для Курмиса потянулись часы томительного ожидания. В душе он был уверен, что поездка агентов к Леонову в лучшем случае не состоится, а в худшем — может закончиться провалом. Это свое мнение ему пришлось оставить при себе — приказы не обсуждаются, а выполняются.

3 июля в эфире снова зазвучали позывные «PR 7». «Иосиф» сообщал, что Леонов до конца командировки будет находиться в Тбилиси, а предпринятая ими попытка выехать к нему едва не привела к провалу. Руководству «Цеппелина» ничего другого не оставалось, как отменить свой приказ и отложить вербовку Леонова до его возвращения в Москву.

Прошло еще двое суток. Курмису, Куреку и Грефе на время стало не до «Иосифа». Гигантская пружина войны, сжатая до предела под Курском и Орлом, с чудовищной силой распрямилась. Ранним утром 5 июля, в 2 часа и 20 минут, советские войска нанесли мощный упреждающий контрудар по частям вермахта. Предраассветную тишину расколол залп тысяч орудий. В адской какофонии звуков слились воедино душераздирающий вой реактивных снарядов «катюш», разрывы артиллерийских снарядов и тяжелых авиационных бомб, крики раненных и предсмертные стоны умирающих.

Ураганный огонь снес с лица земли передовые укрепления гитлеровских войск. Казалось, ничто живое не могло уцелеть в этом огнедышащем смерче, но «Цитадель» вермахта устояла. Придя в себя, почти миллионная армада обрушилась на Брянский и Центральный фронты. Танковые клинья, несмотря на понесенные потери, вгрызались в оборону советских войск. Силы ответного удара вермахту хватило на неделю. 12 июля части Брянского, Западного, а 15 июля — и Центрального фронтов перешли в наступление.

«Цитадель» рухнула, и напрасно Гитлер взывал к беспощадной борьбе с заклятым большевизмом и чести воинов-арийцев. Победный грохот советских орудий заглушал истошные вопли фюрера, а деморализованные и измотанные в кровопролитных боях войска откатывались все дальше на запад.

В те последние июльские дни 1943 года в штабе вермахта, руководстве абвера и Главного управления имперской безопасности царили растерянность и уныние. Поэтому сообщение «Иосифа» о возвращении в Москву Леонова и встрече с ним было воспринято в «Цеппелине» без энтузиазма. Грефе вяло подтвердил свое распоряжение о скорейшей его вербовке и надолго слег в постель. Ответственность за операцию легла на плечи Курека с Курмисом, и они насели на «Иосифа».

В руководстве Смерша не сшили форсировать события, и оставляли себе поле для оперативного маневра. Ссылаясь на перемены в настроении Леонова после победы под Курском,

«Иосиф» предлагал пока использовать его втемную. В Берлине, скрипя зубами, вынуждены были согласиться. В течение нескольких недель шел дежурный обмен радиogramмами. Но до бесконечности тянуть время в Смерше не могли, и по распоряжению Абакумова было решено активизировать радиоигру.

В этих целях Утехин подготовил для направления в «Цепелин» стратегическую дезинформацию, согласованную с Разведывательным управлением и Генеральным штабом Красной армии. В августе «Иосиф» передал ее в эфир. Она касалась крупных перемещений советских войск в полосе наступления войск Западного и Юго-Западного фронтов. Но воспользоваться ими гитлеровское командование не смогло, обстановка стремительно менялась.

Спустя два месяца, «Иосиф» сообщил в «Цепелин», со ссылкой на Леонова, очередную «стратегическую информацию» о прибытии 23 ноября 1943 года на станцию Москва-Сортировочная четырех эшелонов танкового корпуса и переброске в район Могилева живой силы и техники для подготовки зимнего наступления.

Шифровку тут же доложили Кальтенбруннеру. Его резолюция на докладной Грефе не оставляла сомнений в том, что она будет направлена самому рейхсфюреру Гиммлеру и начальнику штаб сухопутных войск генерал-полковнику Цейтцлеру. Два восклицательных знака на полях лишний раз свидетельствовали о важности добытых «Иосифом» разведывательных материалов. В той ситуации, что сложилась на Восточном фронте, они были необходимы потрепанному в боях вермахту как воздух. Поэтому «Цепелин» требовал от «Иосифа» новых данных и ускорения вербовки Леонова.

В Смерше под различными предложениями ее оттягивали и одновременно осторожно прощупывали гитлеровскую разведку. Абакумова, Утехина и Барышникова интересовало, что ей известно о планах советского командования, какими, кроме «Иосифа», агентурными группами она располагает в Москве и, одновременно они продолжали подогревать интерес к Леонову.

От его имени «Цепелину» периодически подбрасывалась «секретная» информация.

Эта активность в эфире не осталась незамеченной радиотехнической службой НКВД. Она зафиксировала на территории Московской области интенсивно работавший передатчик, и за ним началась охота. В ведомстве Берия даже не подозревали, что это военные контрразведчики вели радиоигру. Одновременно по разведывательным каналам 1-м управлением НКГБ СССР (внешняя разведка) были получены агентурные данные о содержании этого радиообмена.

По их существу 13 ноября 1943 года руководитель разведки Павел Фитин ориентировал руководителей НКВД и Смерша. В частности, он поставил в известность об этом Абакумова:

«Нами получены агентурным путем радиogramмы немецкой разведки:

«Из Берлина в Псков. 30 октября. Здесь проявляется большой интерес к конференции трех министров индел в Москве (Московская конференция 19–30 октября 1943 г. — Авт.). Поскольку «Джозеф» (группа «Иосиф»). — Авт.) имеет хорошие возможности давать материал по политическим вопросам, мы просим передать ему по радио следующие вопросы: каковы фактические цели Кремля на конференции трех министров. Считает ли Кремль, что его планы были осуществлены вопреки англо-американским.

Хенгелгаупт».

Наше примечание: «Джозеф» часто проходил в переписке Берлина с Псковом и обратно. Из переписки можно предположить, что он находится в нашем тылу».

Фитин не ошибся в местоположении группы «Иосиф» и важности ее информации для гитлеровских спецслужб. Абакумов в своем ответе был краток. Не раскрывая содержания радиоигры, он просил Фитина информировать «о всех материалах, касающихся «Джозефа». Таким образом, Смерш

получал дополнительную возможность контролировать ход операции и замыслы противника через агентурные возможности советской разведки.

Радиоигра «Загадка» набирала обороты. Группа «Иосиф» продолжала интенсивно снабжать «Цеппелин» дезинформацией. Его руководство исправно благодарило и настойчиво добивалось вербовки Леонова. И тогда Абакумов решил, что настало время пойти навстречу этим требованиям. По его поручению Утехин и Барышников приступили к разработке плана «вербовки».

Первый его пункт не вызвал разногласий. Леонову предстояло стать «паровозом», который должен был потащить дальше радиоигру, начавшую затухать. Чистый лист бумаги под рукой Утехина быстро заполнялся новыми пунктами, и роль еще одного будущего «гитлеровского агента», без пяти минут наркома, еще ничего не подозревавшего о ней, приобретала все более зримые очертания.

Опытные, проработавшие не один месяц бок о бок контрразведчики, с полуслова понимали друг друга и говорили языком, порой, не всегда понятным для армейского офицера, не говоря уже о простом обывателе. Самую большую сложность у них вызвал вопрос от имени кого: «Цеппелина» или, возможно, неправительственной организации прогерманской направленности делать Леонову предложение о сотрудничестве и в какой форме. Положение Германии на фронтах не располагало к такому варианту, и тогда Барышников с Утехиным нашли выход, который выглядел бы естественным и более того поднял бы будущего агента в глазах гитлеровской спецслужбы. Они пришли к общему мнению: провести вербовку Леонова под «чужим флагом» — не от имени немцев, а спецслужбы США. Здесь они исходили не только из сложившейся военно-политической ситуации, но и учитывали то, что перед войной он несколько лет находился в командировке в этой стране.

Спустя два дня Абакумов рассмотрел предложенный ими план, внес в него небольшие коррективы, и утвердил оконча-

тельный текст радиogramмы «Иосифа» для «Цеппелина». В то же вечер в Малаховке заработал радиопередатчик. Дуайт передал в Берлин срочное донесение:

«А» дал принципиальное согласие на сотрудничество, но только с американцами, при условии получения паспорта гражданина США, пятнадцати тысяч долларов наличными и открытием счета на его имя в одном из банков Швейцарии».

Реакция «Цеппелина» не заставила себя ждать. В ответной радиogramме Курек рассыпался в благодарностях:

«Выражаем восхищение Вашей блестящей работой и передаем личную благодарность обергруппенфюрера Кальтенбрунера...».

Это было то, что так долго добивалась гитлеровская разведка от своих агентов в Москве. Делая такие предложения, советские контрразведчики рассчитывали, что в «Цеппелине» не удержатся от искушения и рискнут кадровым сотрудником. В своих прогнозах они не ошиблись. Выбор пал на курьера лагеря особого назначения Главного управления имперской безопасности, специалиста по подготовке радистов оберштурмфюрера СС Алоиза Гальфе. 10 февраля 1944 года из «Цеппелина» ушла радиogramма:

«Новый усовершенствованный самолет подготовлен. Работайте завтра. Сообщим срок старта. «А» будут сброшены 5000 долларов, крупные суммы денег в рублях и все требуемые вещи. Задержите «А» в Москве».

Спустя сутки «Иосифу» поступило новое указание:

«Отправляйтесь к месту выброски. Костры жечь 12 февраля в 23 часа по московскому времени. Если выброска 12 февраля не произойдет, костры жечь на следующий день».

Напрасно группа захвата жгла сигнальные костры 12 и 13 февраля — самолет так и не прилетел. Вскоре из «Цеппелина» поступило разъяснение. В те дни «Цеппелин-Норд», через который поддерживалась связь и осуществлялось снабжение группы «Иосиф», переезжал из Пскова в Ригу. Выброска Гальфе откладывалась. Кроме того, в планы гитлеровской разведки

постоянно вмешивались то погода, то быстро меняющаяся не в пользу вермахта обстановка на фронте.

1 марта «Цеппелин» в очередной раз обнадежил «Иосифа»:

«Гальфе скоро прибудет с вещами. Дайте советы, как ему вести себя на вокзале «Е».

Смерш, чтобы не гоняться по лесам и болотам за гитлеровским курьером, посоветовала:

«Гальфе сбросьте в форме ст. лейтенанта авиации в районе Егорьевска. Вещи пусть спрячет на месте. Рубли, доллары и другие ценные вещи возьмет с собой и утром прибудет на пассажирский вокзал в «Е». Встретимся на перроне между 12 и 13 часами».

Прошла неделя, а «Цеппелин» все тянул с отправкой Гальфе. Тогда в Смерше решили подхлестнуть Курека. В очередной радиограмме «Иосиф» сообщил:

«А. был на приеме у зам. наркома НКПС. Ему предложили остаться в Москве заместителем начальника Управления НКПС. Он колеблется. Я уговариваю согласиться. Намекнул, что в ближайшие дни все гарантии будут выполнены» (оплата за сотрудничество и американский паспорт. — Авт.).

В Берлине поторопились и немедленно радировали:

«Для оказания помощи в вербовке «А» в ночь на тридцатое марта будет направлен известный вам А. Г. Он доставит запасную радиостанцию, чистые бланки фиктивных советских документов, 5 тыс. долларов США и 500 тыс. рублей. Встречайте его на железнодорожной станции Егорьевская в тринадцать ноль-ноль. В случае срыва явки повторная встреча на том же месте на следующий день. Да поможет вам Бог!».

Это сообщение из Берлина всколыхнуло опергруппу Смерша. Накануне высадки курьера «Цеппелина» в отделах Барышников и Утехина царило напряженное ожидание, которое спало, когда посты воздушного наблюдения засекали в небе над Егорьевском гитлеровский самолет. В час тридцать из него десантировался только один человек и приземлился в семи

километрах от станции. К тому времени Виктор уже находился в Егорьевске и остаток ночи провел на скрипучей кровати в штабе батальона внутренних войск НКВД. В соседней комнате Окуневу и Тарасову тоже было не до сна. Через неплотно прикрытую дверь до Виктора доносились их приглушенные голоса и шорохи. Уснул он перед рассветом. Разбудил его Окунев, когда на дворе уже был в разгаре день.

После плотного армейского завтрака Виктор, чтобы убить время, взялся за томик стихов Пушкина, невесть как оказавшихся здесь. Но они не отвлекли его от назойливых мыслей о предстоящей встрече с курьером «Цеппелина». Вольно или невольно он возвращался к решающему ее моменту, когда они должны будут встретиться и посмотреть друг другу в глаза. Что мог прочесть в них опытный Гальфе? На этот счет Виктору оставалось только гадать. Поэтому он снова и снова пытался просчитать его реакцию, чтобы наметить свои действия. Но Гальфе был не предсказуем. Устав ломать себе голову, Виктор решил положиться на удачу, и вышел на улицу.

Яркое солнце слепило глаза, легкий ветерок ласково обвевал разгоряченное лицо. Ранняя и бурная весна решительно брала свое, и ее бодрящее дыхание, в котором смешались запахи молодой, пробившейся у завалинки травы и распутившей под окном вербы, кружили голову. О недавней холодной зиме напоминали лишь кучки серого, съездившегося в тени забора снега.

Виктор бросил взгляд на часы, стрелки показывали двенадцать десять. Он расправил складки шинели под ремнем, спустился во двор и прошел к машине. В ней его ждал Сафронов. Через пятнадцать минут они были на станции. В двух крохотных залах ожидания царилла благостная тишина, пассажиры высыпали на перрон и грелись под солнцем. Среди них промелькнули лица Окунев и Тарасов. Они тенями следовали за ним. Ситуация находилось под полным контролем контрразведчиков, и даже если бы Гальфе что-то заподозрил, то у него не было шансов скрыться. Виктору осталось только запастись

терпением и ждать его появления у киоска, где «Цеппелин» назначил им явку.

Минута за минутой невыносимо долго тянулось время. Истек контрольный срок выхода на встречу, а Гальфе пока себя никак не проявил. Виктор бросил тревожный взгляд на часы, затем на Окунева, тот дал знак — ждать, и тут за штабелем шпал мелькнула знакомая фигура. Сердце радостно встрепенулось, и Виктор направился к киоску. Навстречу, со стороны входной стрелки, устало брел ладный старший лейтенант-летчик с вещмешком за спиной. Это был Гальфе! Форма советского офицера и измененная прическа не могли ввести в заблуждение Виктора. Ему была хорошо знакома характерная, подпрыгивающая походка и надменная посадка головы курьера «Цеппелина». Он отыскал взглядом Окунева, и тот по его глазам все понял. Операция по захвату вступила в решающую фазу.

Гальфе поднялся на платформу. Держался он на удивление уверенно, так, будто встреча происходила не в тылу врага, а где-нибудь в Потсдаме. Но первое впечатление оказалось обманчиво. Они сблизались, и Виктор увидел над его верхней губой бисеринки пота. Опытный, не раз находившийся на грани провала, курьер «Цеппелина» ясно представлял, что эта первая явка с агентом на вражеской территории могла стать и последней. Его вопрошающий взгляд искал ответ на лице Виктор. А тот опасался выдать себя и прятал глаза. Всего несколько шагов отделяли Гальфе от ареста. Он, похоже, ничего не подозревал. В его походке появилась уверенность, спина распрямилась, и на лице появилась вымученная улыбка. Они сошлись у киоска. Виктор пожал протянутую руку и почувствовал в ней слабую дрожь. Гальфе с облегчением выдохнул и с хрипотцой в голосе произнес пароль. Виктор назвал отзыв и предложил пройти к машине. Гальфе перебросил с плеча на плечо вещмешок — в нем находились радиостанция типа «Осло», чистые бланки советских документов, 5000 долларов и 500 тысяч рублей, предназначенных для вербовки Леонова, и последовал за Виктором.

Они вышли на привокзальную площадь и остановились у черной эмки с зашторенными окнами. Виктор распахнул перед Гальфе заднюю дверцу. Тот наклонился и в следующее мгновение в воздухе мелькнули испачканные в глине подошвы сапог гитлеровского курьера. Дверца за ним захлопнулась, и машина сорвалась с места.

Оказавшись в ловушке, Гальфе попытался оказать сопротивление, но мощный удар в солнечное сплетение согнул его пополам и заставил затихнуть. До самой Москвы и потом, оказавшись в камере внутренней тюрьмы на Лубянке, он за все это время не проронил ни слова.

30 марта 1944 года массивная металлическая дверь навсегда захлопнулась за спиной гитлеровского курьера. Серые, безликие тюремные стены, забранное ржавой паутиной решетки крохотное оконце под потолком отрезали Гальфе от той прежней жизни, в которой он решал чужие судьбы. Теперь решалась его собственная. Особая тюремная тишина холодного каменного мешка, словно кислота, разъедала волю и невидимым свинцовым прессом плющила мысли и чувства. Как загнанный зверь, он метался по камере и готов был в клочья разорвать Бутырина, окажись тот рядом.

Время шло. О нем, казалось, забыли. Прозвучала команда отбой. Прошел час, когда команда надзирателя подняла его на ноги. Он подчинился и, заложив руки за спину, двинулся по бесконечно длинному, казалось, не имеющему конца коридору. С каменным выражением на лице курьер «Цеппелина» вошел в кабинет Абакумова. Кроме его хозяина, там находились Барышников с Утехиным. Они долго и внимательно, словно примеряясь, разглядывали Гальфе. А тот ненавидящим взглядом постреливал на них исподлобья. Эта молчаливая перестрелка глазами продолжалась несколько секунд. Она сказала многое контрразведчикам. Перед ними находился не просто матерый шпион, а, судя по поведению, упрямый фанатик.

Первые минуты допроса подтвердили их предположения. Им буквально клещами приходилось вырывать из Гальфе каж-

дое слов, даже «разогрев» его на второстепенных вопросах мало что дал. Он отделялся односложными вопросами, но под напором Абакумова, в конце концов, «поплыл» и стал проговариваться. Хитроумно поставленные вопросы запутали гитлеровца. Гальфе не заметил, как из него «вытащили» главное — руководство агентурной группой «Иосифа», чего больше всего опасались контрразведчики, не переходило к нему, а по-прежнему оставалось за «Поповым» — Виктором Бутыриным. Это важное обстоятельство в случае ухода Гальфе в «глухой отказ» оставляло им поле для маневра.

Допрос продолжался пятый час — стрелки больших напольных часов показывали третий час ночи, и Абакумов прекратил его. Гальфе отправили в камеру. Контрразведчики остались одни и подвели первые итоги этого этапа в операции. Пока все складывалось в их пользу. Несмотря на то что курьер «Цеппелина» отказался от сотрудничества, инициатива в операции оставалась за Смершем. Теперь надо было убедить Берлин в том, что Гальфе вышел на связь и активно включился в подготовку к вербовке Леонова.

31 марта «Волков»-Дуайт под диктовку Окунева отправил из Малаховки в «Цеппелин» очередную радиogramму:

«Друг прибыл на станцию в 13.20. Инструмент в исправном состоянии. Благодарим за подарки. Передали их «А». Он охотно принял, но настаивает на паспорте».

«Цеппелин» не замедлил с ответом:

«PR 7.

«А. Г. поступает в ваше распоряжение. С его помощью активизируйте подготовку вербовки «А». Надеемся, что в ближайшее время удастся привлечь его к сотрудничеству. В интересах вашей безопасности подыщите для А. Г. другую квартиру. Да поможет вам Бог».

После этой радиogramмы на Лубянке не стали испытывать терпение руководителей «Цеппелина» и решили порадовать их долгожданным сообщением. Приближался день рождения фюрера, и донесение «Иосифа», направленное в Берлин

20 апреля, оказалось как никогда кстати. Курек, Курмис и Бакхауз передавали его друг другу и перечитывали по нескольку раз. Каждая строчка радиограммы, как бальзам, ложилась на их истомленные долгим ожиданием души. Курек радостно потер руки и не удержался, чтобы еще раз не зачитать ее вслух:

«В предварительном порядке «А» дал согласие на сотрудничество. В ближайшее время пообещал предоставить подробные данные по американским и английским военным поставкам за январь, февраль и март сорок четвертого года. Взамен требует сообщить название банка, в котором открыт его именной счет, перечисленную на него сумму, и настаивает на предоставлении американского паспорта».

Беззастенчивая алчность и откровенный цинизм завербованного агента, которому большевистская власть дала, казалось, все: должность, открывшую прямую дорогу в Кремль, а вместе с ней привилегии, невысказанные для рядового коммуниста, несколько не смутила Курека. Старая, как сам мир истина: деньги правят всем, в лице Леонова лишний раз нашла подтверждение. Ради них он не побоялся пойти против Сталина и всемогущего НКВД. Курек ликовал и не стеснялся своих эмоций. Не скрывали их и Курмис с Бакхаузом.

Заглянувший в кабинет дежурный так и остался стоять на пороге с разинутым ртом, наблюдая за странной картиной. Скупые на эмоции разведчики, подобно детям, кружили вокруг столов в каком-то невысказанном танце. Он растерянно захолопал глазами и, ничего не поняв, попятился назад. Вслед ему раздавался взрыв хохота. Это по праву был их звездный час. Вербовкой такого уровня, как Леонов, вряд ли кто мог похвастаться в «Цепелине». Впереди открывались такие перспективы, что от них захватывало дух. Позади остались мучительные сомнения, бессонные ночи напряженной работы и разносы на ковре у начальства.

За прошедшие с начала операции девять месяцев обстоятельства не один раз складывались так, что ставили на грань провала не только вербовку Леонова, но и само существование

группы «Иосиф». В начале сорок четвертого само упоминание о ней и ее будущем агенте в Кремле, в кабинетах на Потсдамерштрассе, 29 вызывало на лица начальников других отделов кривые ухмылки. В «верхах» отношение к операции тоже изменилось не к лучшему. Кальтенбруннер, до недавнего времени поддерживавший ее, похоже, потерял интерес. И только они, Вальтер Курек и Мартин Курмис, продолжали надеяться на успех. А когда он, наконец, пришел, то заставил прикусить ядовитые языки последних завистников. За все годы службы в разведке ни самому Куреку, ни его подчиненным еще не приходилось слышать о такой перспективной вербовке агента. И какого агента!

В «Цепелине» и абвере их насчитывались тысячи. Они шпионили, убивали, взрывали, но все это напоминало комариные укусы слону. Красная армия, подобно молоху, перемалывала одну за другой лучшие дивизии вермахта и неумолимо, как предвестник ужасного Армагеддона, приближалась к границам рейха. Ее военные тайны, хранившиеся в сейфах советских генералов, по-прежнему оставались недоступными для «суперагентов» абвера, которыми накануне войны с большевиками не уставал похваляться Канарис.

Вербовка Леонова стояла особняком в этой безликой и, как оказалось на поверку, никчемной «тайной армии» агентов. В руках «Цепелина» и именно его — штурмбанфюрера Вальтера Курека — появилось грозное оружие. Леонову предстояло стать тем самым волшебным ключом, с помощью которого германская разведка теперь откроет «дверцу» к самым сокровенным тайнам верхушки большевиков.

И неизвестно, сколько бы еще в кабинете Курека длилось это ликование, если бы не требовательный телефонный звонок прямой связи с Кальтенбруннером. По коротким репликам Курмис с Бакхаузом догадались, что речь шла о «Иосифе» и Леонове. Судя по загоревшимся глазам Курека, о ней, видимо, стало известно самому Гиммлеру, и тот затребовал к себе материалы дела. Торопливо сложив в папку последние донесения

«Иосифа» он прошел в кабинет Кальтенбруннера. Тот тоже не скрывал эмоций, и его не смутили некоторые мелочи в докладе «Иосифа»:

«В и Г привезли часть вещей. Тюк с рацией не найден. Выехали искать вторично. Вербовка А может вызвать трудности, т. к. мы обещали ему американский паспорт, а он не прислан. Гарантировать ли А, что при угрозе провала вы вывезете его за границу и оформите документы? Посоветуйте, как лучше поступить? Каких сведений сейчас лучше добиваться от А? Что больше всего интересует?».

Поздравив Курека с успехом, Кальтенбруннер сразу взял «быка за рога» — потребовал от него в кратчайшие сроки закрепить вербовку Леонова и обеспечить получение от него разведывательной информации. Вопрос о планировавшемся перед отправкой «Попова» и «Волкова» теракте против Кагановича им не поднимался. В той критической обстановке, что складывалась на Восточном фронте, они, живые вместе с Леоновым, стоили гораздо больше, чем мертвый нарком.

«Цеппелин» ради информации о планах советского командования готов был обещать Леонову все, что угодно, и во время очередного сеанса радиосвязи с «Иосифом» передал:

«Берем на себя гарантии, что А в случае опасности будет доставлен за границу и потом получит документы. Доставьте нам через А фамилии и адреса начальников отделов его учреждения. Наилучшие пожелания в успешной работе».

В ответной радиограмме от 19 апреля «Иосиф» доложил то, что так долго ждали в «Цеппелине»:

«О работе с А договорились. Вербовал В от имени американцев. Вручил А 5000 долларов и 20 000 рублей. На его вопрос о документах убедил не беспокоиться, гарантировал ему, что паспорт он получит, как только возникнет необходимость в бегстве из СССР».

В Берлине радовались, а в Москве взгрустнули. Кальтенбруннер и Курек захотели лично, из первых уст получить ин-

формацию о работе своей разведывательной группы и лишний раз убедиться в ее надежности.

24 апреля из «Цепелина» в адрес «Иосифа» поступило распоряжение:

«Обергруппенфюрер и мы вместе с ним гордимся вашей блестящей работой. В полном объеме подключайте к ней А. Г. Поступающая от вас информация заслуживает самых высоких оценок. В связи с исключительной ценностью «А» в интересах максимального использования его возможностей необходимо в ближайшее время направить к нам «Волкова». Вместе с ним переправьте фото «А» для оформления ему американского паспорта. На время отсутствия «Волкова» поручить А. Г. работу на рации. О дате отправки «Волкова» сообщите дополнительно. Да поможет вам Бог!».

Контрразведчики Смерша оказались между двух огней. Невыполнение приказа Кальтенбруннера было равносильно провалу операции. С другой стороны, направление Дуайта в Берлин также ставило под серьезное сомнение ее дальнейшее продолжение. Несмотря на то что за ним были «сожжены все мосты», тем не менее никто не мог дать гарантии, что, оказавшись он в подвалах «старины Мюллера», от одного имени которого даже у самых неразговорчивых развязывались языки, ему удастся устоять. Получался замкнутый круг, из которого пока не было выхода.

В сложившейся ситуации руководство Смерша затягивало отправку Дуайта, как могло, и готовило операцию по захвату самолета, который «Цепелин» намеривался отправить за ним. В «Цепелине» тоже не все складывалось гладко. В одном случае не устраивало место посадки, в другом — вмешалась погода. Собственно, и в самом руководстве не было единства мнений по поводу целесообразности столь рискованной операции

Но Утехин не собирался полагаться на удачу, и искал выход из сложившейся ситуации. Решение пришло неожиданно.

И оказалось простым и работало на авторитет Леонова. В очередной радиограмме «Иосиф» сообщил:

«В ближайшее время через возможности «А» планируем отpravку «Волкова» в командировку на фронт. Его переход намечаем осуществить на северном участке Западного фронта. При нем будет фото «А» и ряд материалов по железнодорожным перевозкам за апрель».

В Берлине немедленно откликнулись на это донесение:

«С нетерпением ждем «Волкова» и материалы. После перехода линии фронта для связи с нами пусть использует пароль — «Псков». Без лишней необходимости не злоупотребляйте возможностями «А».

После этого между «Цепелином» и «Иосифом» продолжился дежурный обмен радиограммами. Тон их был нейтральным. В Берлине предпочитали лишний раз не накручивать нервы своим агентам, и терпеливо дожидались выхода за линию фронта «Волкова». К концу подходил май, и, несмотря на то что «Иосиф» еще шестнадцатого числа известил «Цепелин» о его «командировке на фронт», тот так и не дал о себе знать. В Берлине забились тревогу и начали теревить «Попова»-Бутырина. Закончилась эта нервотрепка в начале июня, после того, когда «Иосиф» сообщил о тяжелой контузии «Волкова» при бомбежке эшелона, следовавшего на фронт. С того дня Курек перестал напоминать о его командировке в Берлин, и в операции снова наступила пауза.

В руководстве Смерша считали, что долго так продолжаться не может и решили активизировать «Цепелин».

12 июля на совещании у Абакумова, на котором присутствовали Утехина и Барышникова, пришли к мысли, что настала пора вытащить на советскую территории шпионскую «дичь» более крупную, чем Гальфе, и сделали гитлеровской спецслужбе такое предложение, от которого невозможно было отказаться.

15 июля 1944 года «Иосиф» радировал в Берлин:

«А» имеет у себя план воинских перевозок на июль, август и сентябрь. По его словам, из плана можно определить на-

правления потоков грузов, их характер, размеры и т. п. После долгих уговоров «А» согласился, чтобы мы в его присутствии сфотографировали эти материалы с условием вручения ему 15 тысяч долларов наличными и чека на 25 тысяч долларов в одном из американских банков. Этой возможностью «А» будет располагать до 19 июля. 20-го утром он должен возвратить план руководству и больше такой возможности может не представиться».

Это была убойная информация. Радиограмма, как горячий блин, жгла руки Куреку. Он, будто на крыльях, неся с ней по лестницам в кабинет Кальтенбруннера. Тот проводил совещание, но вынужден был прервать и, отложив все дела, принялся за изучение радиограммы. Уже на первой фразе его брови взлетели вверх, а дрогнувшая рука оставила жирную и неровную черту на полях страницы. Прочитав до конца, он будто забыл про Курека и лихорадочно нашарил трубку прямой связи с Гиммлером. Через мгновение в кабинете отчетливо, будто тот находился рядом, зазвучал ровный, лишенный интонаций голос рейхсфюрера. Курек вытянулся в струнку и превратился в слух.

Кальтенбруннер зачитал текст радиограммы «Иосифа». Гиммлер с ходу оценил всю важность сообщения, и тут же принял решение. Для получения добытых разведывательных материалов он распорядился отправить за ними и агентами самолет.

Возвратившись к себе, Курек вместе с Бакхаузом тут же набросали ответ «Иосифу». Он был лаконичен:

«Все вами затребованное заказано в Берлине. Мы в высшей степени заинтересованы в успешном завершении ваших планов».

После этого они вплотную занялись подготовкой операции. При такой мощной поддержке сверху все вопросы решались влет. На следующий день на Темпельгофском аэродроме стоял заправленный под самую завязку «Хенкель-111» из личной эскадрильи Гиммлера. В сейфе Курека поблескивал новенький, последнее слово в шпионской технике, миниатюрный фотоаппарат с великолепной цейсовской оптикой, а к нему десяток фотопленок. В соседнем кабинете Курмис заканчивал работу с

заинструктированным до одури курьером Кенигсбергской школы разведчиков-диверсантов, бывшим младшим командиром Красной армии Иваном Бородавко. В отличие от большинства «восточных» агентов, этот оказался на редкость смышленным экземпляром и особых забот не вызывал. 18 июля Курек доложил Кальтенбруннеру о готовности к выполнению операции, и получил добро.

Вечером из «Цеппелина» в адрес «Иосифа» ушла радиogramма:

«В ночь с 19 на 20 июля в районе Егорьевска будет сброшен наш курьер Б лейтенант-пехотинец. При нем будет фотоаппарат, чек на пятнадцать тысяч долларов и пять тысяч фунтов стерлингов наличными. Встречайте его так же, как и А. Г. у киоска».

20 июля 1944 года стал последним днем на свободе агента «Цеппелина» Бородавко. Ровно в 12.00, с пунктуальностью, которой могли позавидовать истинные арийцы, он был конспиративно арестован на станции Егорьевская контрразведчиками Смерша и доставлен во внутреннюю тюрьму на Лубенке. Там перед лицом Гальфе — в тюремной робе и Бутырина — в стильном костюме, сияющий вид которого говорил, что с советской контрразведкой можно и даже очень хорошо дружить, «крепкий орешек» «Цеппелина» раскололся уже на первых минутах. Спасая свою шкуру, Бородавко дал подробные показания, сообщил сигнал опасности, который должен был отправить в том случае, если бы работал под контролем советской контрразведки и отправился в камеру, чтобы, когда придет время, предстать перед очередным курьером «Цеппелина».

На следующий день, 21 июля, «Иосиф» сообщил в Берлин: *«Друг прибыл. Привез все! Материалы сфотографированы. Всего 97 листов в таблицах».*

Правда, фунты стерлингов оказались фальшивыми. Но на этой мелочности гитлеровской разведки контрразведчики Смерша не стали акцентировать внимание.

В ответной радиограмме «Цепелин» не скупилась на похвалы:

«Выражаем благодарность и наивысшую похвалу! Желаем успеха! Заберем Вас, как только возможно».

Лучшая агентурная группа «Цепелина» — «Иосиф» по-прежнему оставалась вне подозрений.

После этого прошла неделя, а Берлин все тянул с отправкой спецгруппы и вылетом самолета. Вмешались погода и бюрократические проволочки. Эти последние июльские дни 1944 года стали самыми напряженными для контрразведчиков за все время ведения радиоигры. И только 28 июля расчет Абакумова, Барышникова и Утехина оправдался.

Берлинский радиоцентр радировал:

«Самолет наготове. В ближайшие дни заберем».

Но закончился июль, наступил август, а самолета и курьеров «Цепелина» на Лубянке так и не дождались. В оперативном штабе Смерша ломали головы над тем, как заставить активизироваться гитлеровцев. Продолжать просто «бомбардировать» «Цепелин» радиограммами не имело смысла. Контрразведчики хорошо понимали, что окончательное решение об отправке самолета и спецгруппы под Егорьевск будет приниматься, как минимум, на уровне Кальтенбруннера, а то и выше. Вдохнуть свежее дыхание в операцию можно было только неординарным ход, и на его поиски Барышников с Утехиным отправились в кабинет Абакумова.

Тот славился неожиданными поворотами и ходами от «жизни», которые сначала озадачивали подчиненных, а позже наталкивали, на первый взгляд, на не совсем логичные, но в конечном итоге эффективные пути решения самых острых проблем. Из вороха замысловатых выражений, которыми порой грешили в своих докладных умствующие начальники, или в запутанных оперативных комбинациях, где терялись молодые сотрудники, Абакумов каким-то немислимым образом находил тонкий ход, выводивший, казалось бы, безнадежную ситуацию

из тупика. И на этот раз его предложение дало толчок новому направлению мыслей для Барышникова и Утехина.

3 августа «Иосиф», набравшись «смелости», через голову руководства «Цеппелина» направил радиogramму лично Кальтербруннеру. За всю историю Главного управления имперской безопасности Германии это был первый случай, когда агент обращался непосредственно к его руководителю. В своем обращении «Иосиф» не скупился на хлесткие оценки работы бюрократов от разведки:

«Господин обергруппенфюрер Кальтенбруннер! В момент, когда Германия находится в опасности, нам удалось добыть весьма ценный материал. Этот материал не используется уже 14 дней. Он стареет. Мы в Мисцево, у площадки, уже четыре дня. Когда мы приехали на площадку, то нам предложили искать другую. Мы предложили забрать из М. контейнер с материалами, и, несмотря на это, уже два дня не получаем никаких указаний. Поиски другой площадки оттянут время и потребуют дополнительного риска. Мы вынуждены Вас беспокоить нашей просьбой о немедленном решении».

Тот день стал воистину «черным» для Курека, Курмиса и Бакхауза. Они не находили себе места в кабинете Кальтенбруннера. Взбешенный обергруппенфюрер не хотел слушать никаких объяснений. Попытки Курека свалить все на летчиков, которые не смогли как следует подготовить самолет, и плохую погоду только распалили его. Такого рева стены кабинета давно не слышали. За пять минут, что бушевал Кальтенбруннер, Курек Курмис и Бакхауз успели «побывать» на Восточном фронте и быть «разжалованными» в рядовые. Курек не пытался возражать и искать себе оправдание. Ему ничего другого не оставалось, как молча сносить оскорбления. Требовательный телефонный звонок оборвал Кальтенбруннера на полуслове. Заработала линия прямой связи с Гиммлером. Он поднял трубку и, подавив вспышку гнева, заговорил рубленными фразами.

Курек с Курмисом переглянулись и по обрывкам разговора догадались, что содержание радиogramмы дошло до Гиммлера.

Они ловили каждое слово и пытались прочитать по лицу Кальтенбруннера, чем это грозит им. Судя по интонациям в голосе и сухим лаконичным ответам, он, похоже, пока не собирался поднимать большого шума из-за скандального случая с радиограммой «Иосифа». Закончив разговор, Кальтенбруннер зло сверкнул глазами на вытянувшихся у стены подчиненных и дал им срок — неделю на выполнение задания; документы от Леонова должны лежать у него на столе не позже десятого августа.

Курмис с Бакхаузом, наступая Куреку на пятки, как ошпаренные выскочили из кабинета. Подстегнутые недвусмысленными угрозами Кальтербруннера об отправке на Восточный фронт, они рьяно взялись за выполнение приказа. Бакхауз тут же выехал на Темпельгофский аэродром, чтобы подогнать специалистов с подготовкой самолета. Курек с Курмисом занялись составлением радиограммы для «Иосифа». В ней они пытались, как могли, успокоить своих агентов и удержать от опрометчивых шагов. Курек писал, и перо, будто тупой плуг в проросшей корнями земле, застревало на каждой букве. После разноса у Кальтенбруннера ему приходилось выдавливать из себя каждое слово.

«Ваша обеспокоенность доложена обергруппенфюреру. Он выражает восхищение вашим мужеством и выдержкой. Сохраняйте терпение. Мы делаем все возможное, чтобы забрать вас и материалы. В ближайшее время за вами будет направлен самолет и специальная группа из сотрудников «Цепелина». Координаты площадки для посадки останутся прежние. Да по-может вам Бог!».

Очередной рискованный ход, задуманный в оперативном штабе Смерша, оправдал себя. Сообщение из «Цепелина» от 3 августа, сразу после расшифровки попавшее на стол Абакумова, рассеяло последние сомнения контрразведчиков в том, что в Берлине решили отказаться от рискованной затеи, связанной с посылкой самолета для вывоза агентов и материалов. Окончательную точку в переговорах поставила следующая

радиограмма «Цепелина». Ее «Иосиф» принял 8 августа. В ней гитлеровский разведцентр извещал:

«Ждите самолет в ночь с десятого на одиннадцатое».

Но напрасно Окунев, Тарасов и Виктор вместе с бойцами из группы захвата всю ночь жгли костры на поляне неподалеку от деревни Михали. Самолет так и не появился.

На следующий день «Цепелин» поспешил успокоить своих агентов и сообщил:

«Приносим свои извинения за ту опасность, которой подвергаем вас. Летчики ошиблись с районом. Сохраняйте терпение и выдержку. Мы до конца остаемся с вами. Операцию повторим в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое».

Прошло два невыносимо долгих дня, когда, наконец, наступило 14 августа 44-го года. Ранним утром оперативная группа Смерша, которой на этот раз руководил сам Барышников, вышла из Москвы в Егорьевск. Вместе с ним на встречу с курьерами «Цепелина» отправился Виктор Бутырин и Николай Дуайт. В батальоне внутренних войск НКВД им пришлось оставить машины и дальше до места добираться на подводах. В пяти километрах от деревни Михали, в глубине леса, на поросшей мелким кустарником поляне находилась посадочная площадка для приема самолета из Берлина.

За прошедшее время на ней ничего не изменилось. Разве что пожухлые листья на срубленных ветках выдавали канавы, отрытые в конце посадочной полосы. После короткого отдыха и обеда Барышников распорядился сменить маскировку на ямах-ловушках, а от инженера-авиатора потребовал заново перепроверить свои расчеты. Его беспокоили глубина и ширина канав. Они показались ему чересчур большими. Он опасался, что экипажу самолета не удастся погасить скорость, и в итоге контрразведчикам придется довольствоваться грудой металла и десятком обгоревших трупов.

Инженер-авиатор попытался было вступить с ним в спор, но так и не смог развеять сомнения. Потрепанный блокнот, испещренный расчетами, на Барышникова впечатления не

произвел, и тому ничего другого не оставалось, как заново все пересчитывать. После этого пятеро бойцов, вооружившись лопатами, принялись засыпать старые и рыть новые канавы.

Не пришлось скучать и Тарасову с группой захвата. Накануне прошел сильный дождь, и кучи валежника, которые должны были послужить сигнальными огнями, отсырели. Барышников, не надеясь на канистру с бензином, приказал им собрать сушняк. Окунев тоже не остался без дела и вместе с радистом занялся сооружением из жердей и елового лапника шалаша. В нем затем разместился штаб управления операцией. Рядом с ним Николай и Виктор развернули свою рацию для связи с «Цепелином».

С наступлением вечерних сумерек движение на поляне прекратилось, и только очень внимательный взгляд мог заметить следы пребывания человека. Ужина прошел «всухую»; Барышников не разрешил старшине выдать положенные «наркомовские» сто граммов — это был не тот случай. После ужина, офицеры, собравшись в штабе, коротали время за не имеющими ни начала, ни конца армейскими байками и анекдотами. Рядом с ними, под навесом из веток, кучковались бойцы. Оттуда нередко раздавался сдавленный смех и глухая возня. Молодые парни, у которых энергия и силы перехлестывала через край, разминали в борьбе затекшие тела. Время перевалило за полночь. Стрелки подобрались к часу и, несмотря на убаюкивающую таинственными шорохами тишину, ни у кого, ни в одном глазу не было сна. С приближением часа «Ч» — появления вражеского самолета — нервный азарт будоражил офицеров и бойцов. Они все чаще бросали вопрошающие взгляды на радиста, ошестинившегося в небо острым штырем антенны.

Барышников поднес часы к глазам, и светящиеся слабым фосфоресцирующим светом стрелки показали половину второго. По всем расчетам самолет с посланцами «Цепелина» должен был находиться на подлете. Он поднял голову к небу — оно было безмолвно — и нервно повел плечами. И тут ожила

рация. Бодрый писк морзянки всколыхнул его, и он подался к радисту. Тот с ходу переводил на понятный ему язык замысловатый набор из точек и тире:

«Зверолову» от «Наблюдателя». Гости появились в квадрате в час двадцать восемь. Расчетное время выхода в ваш район в час сорок. Желая теплой встречи!».

Прошло еще несколько минут, и с запада донесся приглушенный рокот авиационных моторов. И на поляне все пришло в движение. Натренированные на засадах и захватах офицеры и бойцы быстро и без суеты рассредоточились по поляне, и их взгляды обратились к небу. В начале взлетной полосы вспыхнули сигнальные костры, и огненный треугольник разорвал темноту августовской ночи. Его вершина указывала направление посадки экипажу гитлеровского самолета. Прошла еще одна томительная минута, и на поляну обрушился рев авиационных моторов. Над головами контрразведчиков промелькнула хищная серая тень и пропала за стеной леса. Сделав круг, самолет зашел на посадку и, едва не коснувшись макушек елей, соскользнул на землю, не докатился каких-то десяти метров до канавы и начала разворот. Асы из спецэскадрильи Гиммлера, видимо, решили брать группу «Иосифа» прямо на «крыло».

Ловушка, задуманная контрразведчиками, не сработала. В расчеты вкралась ошибка, которую трудно было предусмотреть. Вместо «хейнкеля» руководство Главного управления имперской безопасности прислало специально созданный для высадки диверсантов самолет «Арадо-232». Он имел укороченный взлет и шасси, оборудованные каучуковыми траками, обеспечивавшими приземление даже на заболоченной местности.

И тогда Виктор ринулся ему на перехват. Корневища цеплялись за ноги, ветки кустарника хлестали по лицу, но он ничего не чувствовал и не видел, кроме мрачного, нахохлившего, подобно хищной птице, «Арадо-232». До него оставалось совсем немного. В отблесках пламени костров прорезались три

темных силуэта: два человека затаились под крыльями, а третий маячил в проеме люка. В их руках угадывались автоматы. На этот раз «Цеппелин» прислал отборную команду головорезов. Они действовали по всем правилам военного искусства и не допускали ошибок. Виктор призывно махнул им рукой и выкрикнул пароль.

Гитлеровец, сидевший в люке, спрыгнул на землю и двинулся ему навстречу. В эти мгновения Виктора занимало только одно, что сказать курьерам «Цеппелина», чтобы отвлечь их внимание и позволить группе захвата вплотную подобраться к самолету. Отблески пламени костров упали на лицо гитлеровца, и ему показалось, что они уже встречались. Вот только где? И тут под чьей-то неловкой ногой хрустнул корень, затем прозвучал сдавленный вскрик, и гулкая автоматная очередь впелася в притихший рокот моторов. В следующую секунду все смешалось: истошные вопли, выстрелы и стоны раненых.

Из-под крыльев самолета полыхнули два снопа огня. Из люка им злобно вторил пулемет. Головорезы из «Цеппелина» не собирались сдаваться. Их плотный огонь быстро накрыл огневые точки Окунева. Виктор, чудом уцелел под этим шквалом огня, распластался на земле и в бессильной ярости кусал губы. Экипаж самолета отчаянно отстреливался и не намеривался сдаваться. Двигатели пронзительно выли, винты с сумасшедшей скоростью рубили воздух. «Арадо-232», сминая кустарник, набирал скорость. Гитлеровские автоматчики, дав последний залп, выскочили из-под крыльев, на ходу запрыгнули на борт, и темная пасть люка захлопнулась. Град пуль обрушился на самолет, но он, как заговоренный, продолжал катиться вперед. Плексигласовый фонарь пилотской кабины в отблесках пламени костров, словно глаз раненной птицы, наливался багровым цветом. Тяжело оторвавшись от земли, «Арадо-232» взмыл в небо.

Автоматные и пулеметные очереди остервенело терзали чернильное августовское небо, но уже не могли причинить вреда самолету. Тень «Арадо-232» последний раз мелькнула

за макушками елей и растворилась в ночном мраке. На поляне воцарилась звенящая тишина, которую нарушал печальный треск догоравших сигнальных костров и стоны раненных.

Барышников в бессильной ярости закричал зубами. Спецгруппа «Цепелина», находившаяся почти в его руках, в самый последний момент ускользнула. Операция, где, казалось, все было предусмотрено до мелочей, с оглушительным треском провалилась. Нелепая, досадная оплошность, допущенная в расчетах летчиком-инженером, свела на нет все усилия контрразведчиков. Под их испепеляющими взглядами он стал будто меньше ростом, а с его дрожащих губ срывалось лишь нечленораздельное мычание.

Не лучше Барышникова чувствовал себя Утехин. За последние сутки он не сомкнул глаз и не покидал оперативный штаб на Лубянке. Прошли все мыслимые и немыслимые сроки, а доклад о результатах операции от группы Барышникова так и не поступил. После часа ночи связь с ней вовсе оборвалась. На все вызовы оперативного штаба ее радист не отвечал. Это странное и необъяснимое молчание путало и сбивало с толку Утехина. Он одну за другой глотал чаши с крепко заваренным кофе и нервным шагом из угла в угол мерил кабинет. В худшее ему не хотелось верить. Это была далеко не первая боевая операция Барышникова. В глубине души Утехин все еще надеялся на лучшее и чутко прислушивался к тому, что происходило в коридоре. В нем царил тишина, изредка нарушаемая приглушенными голосами дежурного по Главку и телефонными звонками.

Шум шагов и приглушенные голоса в коридоре заставили встрепенуться Утехина. Он обернулся к двери. В кабинет не вошел, а, скорее, ввалился Барышников. Таким его Утехин еще не видел. Обычно пышущее здоровьем лицо начальника ведущего отдела теперь напоминало восковую маску. В глубоко запавших глазах разлилась смертная тоска. На правой щеке наливался синевой здоровенный рубец. Не лучше выглядели Окунев с Бутыриным. У Виктора в расстегнутом вороте гимнастерки

проглядывала полоска бинта. Тяжело ступая, Барышников дотасился до кресла и без сил рухнул.

Его вид и красноречивое молчание говорили сами за себя — операция провалилась. Утехин скосил глаз на телефон прямой связи с Абакумовым, но не решился поднять трубку. Первым принять на себя удар было не так-то просто. А тот, словно, почувствовал, что происходит в кабинете, позвонил сам. Утехин догадался, это дежурный по Главку успел доложить о прибытии Барышникова, и непослушной рукой снял трубку. В кабинете зарокотал голос Абакумова.

Барышников понял все без слов и понуро побрел к двери. Вслед за ним потянулись остальные. В приемной Абакумова никого не был. Дежурный по Главку с сочувствием посмотрел на них и снова уткнулся в бумаги. Они нервно переминались у двери и не отважились перешагнуть порог. Первым решился Барышников и, как пловец перед прыжком в воду, набрав полную грудь воздуха, шагнул в кабинет. За ним протиснулись в приоткрытую дверь Утехин с Окуневым. Выстроившись у стены, они прятали глаза от Абакумова. Тот поднялся из кресла, прошел вперед и горой навис над ними. Какое-то время в кабинете было слышно лишь прерывистое дыхание и шорох работавшего вентилятора. Крутой, но отходчивый Абакумов долго зла не держал, кивнул на кресла, сам сел во главе стола и вопросительно посмотрел на Барышникова. Тот, тяжело вздохнув, приступил к докладу, и когда закончил, в кабинете надолго воцарилась томительная пауза. Первым ее нарушил Абакумов, не став распекать, предложил «раньше времени не посыпать головы пеплом», а попытаться еще что-нибудь выжать из «Цепелина». Барышников, Утехин и Окунев оживились и, забыв на время о неудаче, принялись искать варианты. И они нашлись. Суровые складки в уголках рта Абакумова разгладились, в глазах блеснул азартный огонек. Он потянулся к пачке с папиросами, закурил и после нескольких затяжек повеселевшим взглядом окинул подчиненных. Те тоже приободрились и с нетерпением ждали окончательного реше-

ния. Пустив замысловатое кольцо из дыма, Абакумов одобрил последнее их предложение.

К себе в кабинет Утехин, Барышников и Окунев возвратились бодрой походкой. Там к ним присоединились Бутырин с Окуневым. Взбодрившись крепким кофе, они принялись за составление радиограммы. Как и обещал Барышников, уже через час она лежала на столе у Абакумова.

В ночь с 21 на 22 августа из района Рязска Дуайт передал ее в адрес Курека. Содержание радиограммы было выдержано в суровых тонах:

«Самолет приняли в обусловленном районе. Передать собранные материалы не удалось. Попали под огонь автоматчиков. Пришлось прорываться с боем. Гальфе убит. Бородавко потерялся. «Попов» ранен в шею, но может передвигаться. В Москву решили не возвращаться, опасаясь попасть в засаду. Сейчас находимся в районе Рязска. Патроны и продукты на исходе. Несмотря на очень тяжелое положение, по-прежнему остаемся преданными нашему делу. После получения необходимой помощи готовы выполнять любые задания. Переходим на запасной вариант связи. Ждем вас в условленное время по нечетным дням».

Минули сутки. За ними другие. А «Цеппелин» все молчал. В сердцах советских участников радиоигры «Загадка» снова поселилось уныние. Похоже, сбывался один из самых худших прогнозов развития операции. В Берлине, видимо, не поверили в случайность провала и чудесное спасение «Иосифа», и положили на нем крест. Но все оказалось гораздо проще и прозаичнее.

В те дни Куреку и Курмису было не до агентов. Их собственная судьба весела на волоске. Изрешеченный, как решето, «Арадо-232», чудом дотянувший до полевого аэродрома под Ригой, и двое раненых стали итогом операции, на которую было потрачено столько усилий и средств.

Кальтенбруннер был вне себя от ярости. Вместо совершенно секретных данных, добытых агентурной группой «Иосиф», ему пришлось докладывать Гиммлеру о потерях. Тот метал

громы и молнии. Потеря для германской разведки такого перспективного источника информации, как Леонов, явилась тяжелым ударом. Он жаждал крови и головы виновного.

В «Цеппелине» началось служебное расследования. Поостыв, Кальтенбруннер не стал раздувать скандал. Это уловил Курек и быстро сориентировался. Начальству требовался козел отпущения. Того долго искать не пришлось. Исчезнувший Бородавко, как никто другой, подходил на эту роль. Доклад о причине провала операции Кальтенбруннер проглотил молча. Волна его гнева быстро пошла на убыль, и тогда Курек вспомнил об «Иосифе».

25 августа 1944 года в его адрес ушла радиogramма:

«Мы гордимся вашим мужеством и стойкостью. Примите искреннее восхищение обергруппенфюрера вашей преданностью делу. Она будет по достоинству вознаграждена. Мы скорби о гибели Алоиза. Бородавко — предатель. При встрече ликвидировать. Сохраняйте терпение и рассчитывайте на нашу поддержку и помощь. Согласны с вашим решением покинуть Москву. Продвигайтесь на запад. В интересах нашего общего дела целесообразно закрепить близости от крупного транспортного узла».

В тот же день расшифровка радиogramмы легла на стол Барышникову. Ее содержание не оставляло сомнений в том, что в «Цеппелине» по-прежнему сохраняли доверие к «Иосифу». Судя по последнему указанию, Курек с Курмисом рассчитывали использовать его возможности для решения тактических задач: сбора разведанных и проведения диверсий на транспортных магистралях. В определенной степени это упрощало работу оперативной группы Смерша, так как отпадала необходимость изнурительной процедуры согласования с Генштабом стратегической дезинформации, передававшейся «Иосифом» в «Цеппелин».

Несмотря на это, Абакумов не спешил давать команды на активизацию операции и решил на время «подвесить» Курека с Курмисом, а для этого приказал Барышникову погонять «Попова» с «Волковым» по советским тылам. Остаток августа,

весь сентября и начало октября им вместе Окуневым пришлось блуждать по лесам Смоленщины и Брянщины. В течение этого времени обе стороны обменивались заверениями в преданности делу и готовности к продолжению работы.

14 октября Смерш сделал решительный ход. «Иосиф» сообщил, что, наконец, смог закрепиться в Витебске. Расчет Барышников строился на том, что такой крупный железнодорожный узел должен стать лакомой приманкой для «Цеппелина» и заставить его раскошелиться на новых курьеров, оружие, взрывчатку и деньги. И он не ошибся.

Ответ Курека на радиogramму «Иосифа» последовал незамедлительно:

«Мы рады, что ваши усилия увенчались успехом. Место действия выбрано очень удачно. Нас будут интересовать любые сведения, касающиеся перемещения всех грузов по станции. В первую очередь представляют интерес данные о перевозке танков и артиллерии. А именно, типы, количество и направления следования. В ближайшее время планируем направить вам груз: новые документы прикрытия, питание для рации, деньги, оружие, взрывчатку и одежду. О готовности к его приему сообщите».

2 декабря 1944 года «Иосиф», ссылаясь на надежный источник в администрации железной дороги Витебска, передал в адрес «Цеппелина» собранные через него, а также «личным наблюдением» сведения о перемещении воинских грузов. В ответной радиogramме Курек благодарил за «представление весьма ценной информации и эффективную работу». Через некоторое время ее эффект на своей шкуре испытали гитлеровцы от войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Чуть позже «Цеппелин» порадовал своих агентов не только словами, но и подарками. Накануне Нового года оперативная группа Смерша приняла сброшенный с самолета груз: три битком набитых тюка.

Радиоигра «Загадка» снова набрала обороты. «Иосиф» продолжал исправно снабжать «Цеппелин» добротной дезой. В свою очередь Курек и Курмис не скупились на благодарности,

и время от времени материально поддерживали боевой дух агентов. Очередная «посылка» была сброшена в ночь с 3 на 4 февраля 1945 года и принята оперативной группой Окунева, а затем оприходована на складе Смерша.

Берлин же получил ответ:

«Нашли 5 тюков. Два парашюта оторвались от тюков, и один не раскрылся. Сохранились рация, деньги около 95 тысяч рублей, ракетный пистолет и немного пищи. Остальное разбилось. Ждем срочных указаний о дальнейшей работе».

Такая «преданность» агентов не могла не радовать руководителей гитлеровской спецслужбы. Уже на следующие сутки в адрес «Иосифу» ушла очередная радиограмма:

«Сообщите наблюдения о настоящем советском наступлении, в особенности о продвижении транспорта и резервов».

Барышников и оперативный штаб не стал тянуть с докладом и скупиться на информацию. Стремительное наступление частей Красной армии расширяло им возможности для введения в заблуждение гитлеровской разведки. Спустя две недели «Цеппелин» получил подробное донесение «Иосифа». Одно только перечисление типов и единиц тяжелой военной техники, проследовавшей за это время через Витебск, должно было вселить ужас в генералов вермахта. И не только в них. Курек с Курмисом долго переваривали эту информацию и только 2 марта вяло отреагировали.

«Благодарны вам за ценные материалы. Дальнейшие задания следуют».

Но следующих заданий «Иосифу» так и не дождался.

22 марта «Цеппелин» последний раз вышел на связь. Обращение Курека скорее походило на некролог:

«Соратники. Долгие месяцы мы вместе с вами вели самоотверженную борьбу с ненавистным большевизмом. Но обстоятельства и судьба так распорядились, что сегодня мы вынуждены отступить. С горечью в душе мы должны сообщить о прекращении оказания вам помощи. Каким бы ни было наше будущее, мы должны жить надеждой. Да поможет вам Бог».

Фашистский режим корчился в предсмертной агонии. В Берлине стало не до агентов; там каждый спасал свою шкуру как мог. «Загадка», которую загадал Смерш, так и не была разгадана в Главном управлении имперской безопасности. Виктора это мало волновало. С этой последней радиограммой «Цепелина» с него будто свалились невидимые путы. Он снова стал самим собой.

Сидя в купе поезда, мчавшего его, Николая, и Окунева к Москве, он впервые за 42 месяца учился радоваться бесхитростным мелочам жизни. У него не кружилась голова от мысли, что все это время он был главным действующим лицом в одной из самых блистательных операций советской военной контрразведки, что его имя звучало в докладах генерала Абакумова самому Сталину. Тем более ему было наплевать на то, что его «самоотверженная работа» удостоивалась наивысших похвал фашистских бонз.

А они числили группу «Иосиф» по самому высшему разряду. Спустя три месяца, 26 июня 1945 года, на допросе у следователя Смерша высокопоставленный сотрудник «Цепелина» Александр Джон показал:

«В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что «Иосиф» — лучшая агентурная группа. До июля 1944 года группа «Иосиф» давала довольно ценные сведения, которые докладывались шефу службы безопасности Кальтенбруннеру и не исключено, что Гиммлеру».

Ошибался Джон только в одном. Группа «Иосиф» действительно работала блестяще, но на Иосифа Сталина.

В те мартовские дни 1945 года Виктор Бутырин и Андрей Окунев жили тем, чем жили их соседи по купе, тем, чем жила вся страна. Они жили радостью близкой победой! Она звучала в задорных переливах гармонии, катившихся по вагону и бурной рекой плескавшихся на станциях. Она оглушила их громом духового оркестра, игравшего на перроне Белорусского вокзала Москвы. Это принимали делегацию будущего правительства Польши.

В стороне от ликующей толпы их поджидал Тарасов. После крепких объятий они сели в машину и отправились в Главк, но в кабинете Барышникова не задержались. В десять часов им была назначена встреча у самого начальника грозного Смерша. С легким волнением Виктор поднимался к нему. Абакумов встретил его широкой улыбкой, прошел навстречу и, крепко пожав руку, возвратился к столу. В его руках появилась картонная коробочка. И когда ее крышка открылась, то в ярком дневном свете блеснула позолота часов.

После теплой встречи у Абакумова Виктор выехал домой. Московский вокзал и родной Ленинград потрясли его. Город походил на больного, только вставшего на ноги. Повсюду виднелись следы войны и жесточайшей блокады. С тяжелым сердцем он поднялся к себе на этаж. На лестничной клетке царил гулкая тишина. Из всех жильцов подъезда уцелела одна единственная соседка — приятельница матери, жившая этажом ниже. У нее оказались ключи от квартиры. За три с лишним года, с того дня, когда он добровольцем ушел на фронт, в ней ничего не изменилось. На всем лежал толстый слой пыли. До позднего вечера ему пришлось наводить порядок в комнатах.

На следующий день Виктор отправился в город на поиски друзей и знакомых. И везде его ждало горькое разочарование. Пожалуй, нигде так остро, как в Ленинграде, не давала о себе знать война. Бомбардировки, артобстрелы и голод превратили его в город-призрак. Потеряв всякую надежду встретить знакомых, он забрел в свою бывшую лабораторию. И, о чудо, нашел там ее начальника. Они стали тем немногим, что связывало его с уже ставшим бесконечно далеким довоенным прошлым. Каждое утро Виктор приходил в лабораторию и вместе с ним пытался вернуть ее к жизни. В конце апреля к ним прибавилось еще четверо, и лаборатория ожила.

Мирная жизнь с ее маленькими радостями и огорчениями все более властно завладевала Виктором. Он уже стал забывать о войне, но неожиданное появление на пороге Андрея Окунева снова напомнило о ней. Его смущенный вид говорил сам за себя.

Виктор понял все без слов, и пошел собирать вещи. Служба в Смерше, которая, как ему казалась, навсегда осталась в прошлом, снова позвала его в боевой строй...

Ранним утром 10 мая 1945 года с подмосковного аэродрома в небо поднялся транспортный самолет и взял курс на Берлин. В числе его немногочисленных пассажиров находился разведчик «Северов» — Виктор Бутырин. Сверкающие белозубыми улыбками и иконостасом из наград молодежавшие полковники и подполковники-фронтовики снисходительно поглядывали на гражданского штафирку, скромно сидевшего в конце пассажирского салона. Накрыв походный стол, они сдвинули армейские кружки, в которых плескалась водка, и подняли тост: «За победу!».

В тот теплый майский день, когда столица и вся страна продолжали праздновать долгожданную и выстраданную такой невероятно-страшной ценой победу, военная контрразведка Смерш начала новую операцию. Она получила кодовое название «Искатель». Ее целью являлось проникновение в американские спецслужбы. Эта труднейшая задача была возложена на Виктора. Ему снова предстояло перевоплотиться и стать своим среди чужих. Об этом не догадывался ни весельчак-подполковник, поднесший ему кружку водки и ломоть хлеба с куском сала, ни майор-артиллерист освободивший место рядом с собой, ни их однополчане. Они, выстрадавшие эту Великую победу, радовались, как дети, и были счастливы тем, что сломали хребет фашизму и остались живы.

Радовались победе не только они, и не только в Москве или в самой отдаленной деревушке Советского Союза, но и на берегах германской реки Эльбы, где братались и клялись в вечной дружбе советские, американские, британские и французские солдаты и офицеры. Они искренне верили, что после таких чудовищных жертв повсюду воцарится долгожданный мир и наступит всеобщая эра милосердия. Так думали они — наивные победители, но не так считали в Вашингтоне, Лондоне и Москве.

В тиши властных кабинетов, пока еще в глубочайшей тайне от собственных народов, циничные политики безжалостно кроили границы государств и намечали зоны жизненно-важных интересов. Еще не успел остыть пепел пожарищ, а вдовы и матери выплакать слез, как они взялись за новый передел мира. Над освобожденной от фашизма ликующей Западной Европой повеяли ветры будущей «холодной войны». Первыми ее ледяное дыхание ощутили на себе спецслужбы. В этой новой, только еще набирающей силу тайной войне Запада и Востока разведчику «Северову» предстояло начать свой новый бой.

По оперативным данным, поступившим в Смерш, в оккупационной зоне пока еще союзников, под крылышком американской разведки пригрелись бывшие кураторы агентурной группы «Иосиф» штурмбанфюрер СС Мартин Курек и гауптштурмфюрер СС Альфред Бакхауз. Расчет Абакумова и Барышникова строился на том, что их новые хозяева не оставят без внимания одного из лучших агентов Главного управления имперской безопасности фашисткой Германии и его высокопоставленного дядю, продолжавшего работать в Наркомате путей сообщений. Они сделали все, что было в их силах, и теперь успех операции зависел только от Виктора и оперативной группы Смерша, которая, как ангел-хранитель, вела его по Германии.

11 мая он и Андрей Окунев, получивший звание «майор», поселились в неприметном домике, затерявшемся в глубине сада провинциального баварского городка Розенгейма. Война обошла его далеко стороной. Жизнь в нем текла своим неспешным чередом так же, как и двадцать лет назад. Здесь, в конце апреля 1945 года, нашел себе прибежище Курмис. Бывший специалист по агентурной работе в России; он пришелся ко двору американской разведке. Ее мало смущала принадлежность бывшего штурмбанфюрера СС к одной из самых зловещих организаций фашистской Германии. Грязные дела не делаются в белых перчатках, и потому сотрудник американской разведывательной службы Хью Донахью после нескольких дней интенсивных допросов рекомендовал своему руководству обеспечить Курмису

надежное прикрытие и защиту от советской контрразведки, ведущей охоту на гитлеровских военных преступников.

Получив документы на имя благопристойного гражданина Австрии Альфреда Линке и, сменив армейский мундир на гражданский костюм, Курмис, наконец, вздохнул свободно. Скамья подсудимых ему уже не грозила. Прошлый опыт работы со славянской агентурой, а еще больше — хранившиеся в памяти десятки имен, фамилий и кличек тех, кто остался в СССР и Польше, на весах американской разведки весили много. Поэтому, не дав и дня на передышку, напористый Донахью сразу же взял «быка за рога». Вместе с Курмисом он ездил по лагерям интернированных и занимался подбором курьеров для отправки в Прибалтику и Западную Украину. Там подняло голову националистическое бандподполье, и бывшие агенты «Цепелина» снова оказались в цене.

17 мая 1945 года у Курмиса впервые выдалось несколько свободных часов. Перед этим он весь день мотался по лагерям интернированных, подбирая будущих агентов для заброски в Прибалтику. На квартиру возвратился поздно вечером, выжатый как лимон, и сразу завалился в постель. Ночь проспал безмятежным сном и не слышал ни грозы, ни бушевавшего ливня. Проснулся, когда стрелки подобрались к девяти часам. К этому времени небо прояснилось, и о былом ненастье напоминали лишь лужи на лужайке перед домом и белый ковер из опавших лепестков цветущих яблонь. Яркое весеннее солнце ласковым теплом заливало террасу и, отражаясь от стекол, веселыми зайчиками скакало по столу и благодушной физиономии Курмиса. Смакуя каждый глоток, он допил кофе, а затем, набросив пиджак на плечи, вышел на улицу.

Бодрящий утренний воздух, напоенный запахом цветущих садов и сирени, кружил голову. Курмис с наслаждением вдыхал его полной грудью и вальяжной походкой спускался под горку. Впереди показался дорожный ресторанчик «Подкова». Несмотря на ранний час, на летней террасе уже сидело несколько завсегдатаев. Курмис скользнул по ним взглядом и словно натол-

кнулся на стену. Он не поверил собственным глазам. В десяти метрах от него находился исхудавший, в потрепанном костюме агент «Попов»-Бутырин. На террасе произошло движение. Агент узнал бывшего начальника и приподнялся над столом. На его лице отразилось неподдельное изумление. Прошла секунда-другая, и они шагнули навстречу друг другу.

В тот же день в Москву, в адрес Барышникова, была отправлена шифровка. В ней майор Окунев доложил:

«17 мая с. г. «Северов» вышел на контакт с «Арийцем». Встреча прошла без осложнений. По мнению «Северова», она не вызвала подозрений у «Арийца». На 21 мая назначена встреча на конспиративной квартире. Жду дополнительных указаний.

Олег».

В операции «Искатель» контрразведка Смерш сделала свой новый ход.

Охота на комиссара

Бледно-розовая полоска робко окрасила горизонт на востоке. Звезды трепетно мигнули и поблекли. Легкий ветерок прошуршал среди зарослей папоротника и затих в густом подлеске. Воздух стал недвижим. Стихли все звуки. Прошло еще мгновение, и яркая вспышка разорвала предрассветный полумрак. Из-за сопки показалась алая кромка солнца, и ее склоны запылали нежно-голубым пламенем фанфына — лазурника. Все ожило и пришло в движение. В кустарнике защелбетали птицы. Порыв ветра зеленой волной прокатился по бескрайнему морю папоротника. На озере заиграла рыба, и зеркальную гладь покрыли сотни больших и малых кругов. Новый день вступил в свои права. На календаре было 13 июня 1938 года.

Начальник 59-го Посьетского погранотряда и наряд с нарастающей тревогой смотрели на густую стену папоротника. Несколько минут назад за ней скрылся начальник УНКВД по Дальневосточному краю — гроза шпионов, вредителей и антисоветского элемента комиссар государственной безопасности 3-го ранга Генрих Люшков. Где-то там, на нейтральной полосе, должна была состояться его явка с особо ценным закордонным агентом.

Тревога пограничников еще больше усилилась, когда на маньчжурской стороне, на тропе, возникли два серых силуэта патрульных японской погранполицейской службы. Они приближались. Над Люшковым нависла опасность, и здесь выдержка изменила пограничникам. Несмотря на его категоричный приказ обеспечивать прикрытие явки с дальних позиций, начальник погранотряда и наряд ринулись к нейтральной полосе. Японцы заметили их движение и насторожились. Один

из них сбросил с плеча карабин и взял ее наизготовку. Это не остановило пограничников. В эти секунды ими двигал ужас того, что комиссар мог быть захвачен в плен. Они бежали вперед с одной только мыслью: опередить японцев и спасти Люшкова. И когда заросли папоротника закончились, перед ними, метрах в сорока, на секунду возникла и затем исчезла знакомая фигура комиссара.

Густой туман молочной рекой выплеснулся из распадка на нейтральную полосу, серебристой росой осел на высокой траве, голенищах сапог, прохладными струйками потек по пышущему жаром лицу Люшкова. Пограничники продолжали что-то кричать вслед, а он упорно шел вперед, страхась оглянуться назад и увидеть вспышку выстрела. Закончилась полоска вспаханной земли. Их, проклятой земли! Он не выдержал и сорвался на бег. Прочь от ненавистного Берия, его холоуев, братьев Кобуловых, и этой проклятой советской власти! Власти, которая выпила, высосала из него все соки. Власти, которой он отдал всего себя без остатка.

В памяти Люшкова в одно мгновение промелькнула все его жизнь.

Убогая коморка в бедняцком квартале Одессы, в которой в 1900 году он появился на свет. В семье еврея-портного Геня стал третьим. Как говорится, бог любит троицу и, кажется, он полюбил его. С его рождением у отца появились заказы, и теперь семья могла позволить себе по праздникам на кусок хлеба намазывать тонкий слой масла. В пятнадцать лет Геня окончил шесть классов казенного училища, и, возможно, так же, как и отец, всю жизнь шил бы толстовки и косоворотки на чужое плечо, если бы не революция.

Люшков принял ее, и с первого дня безоглядно окунулся в кипящий омут революционной стихии. Когда части Красной гвардии вошли в Одессу, он вступил в ее ряды. Во время оккупации города белогвардейскими войсками ушел в подполье, был арестован, но бежал из-под стражи и пробился к частям Красной армии, находившимся в городе Николаеве. Службу начал

рядовым, но природный ум, хватка и ораторские способности не остались незамеченными командирами и комиссарами. В феврале 1919 года его назначили на должность политработника 1-го Николаевского советского полка. Хватка и ораторский талант привлекли к Люшкову внимание начальников, и спустя десять месяцев, в декабре 1919 года, он возглавил политотдел 2-й бригады 57-й стрелковой дивизии. На этом участке работы на него обратили внимание чекисты, и в судьбе Люшкова произошел резкий поворот.

В июне 1920 года он перешел на службу в особый отдел ВЧК по 57-й дивизии. К 1924 году сменил одиннадцать рядовых должностей, помотался по многим уездным городкам Юго-Западной Украины, но так и не добился высоких чинов, пока судьба не свела с М. Леплевским. Сын официанта из харьковского ресторана, он, как и Люшков, поднялся на гребне революционной войны. Его карьера складывалась более удачно; к моменту их встречи Леплевский занимал высокую должность в ГПУ Украины и был награжден орденом Красного Знамени.

Они быстро сработались. В должности начальника Проскуровского окружного отделения ГПУ, замыкавшегося на Подольский губернский отдел, которым руководил Леплевский, Люшков проявил себя как способный агентурист и умелый разработчик. Из его отделения (с 1 августа 1925 года — отдела) валом валили перспективные дела. Он знал как «развернуть показания» арестованных, чтобы «дело получило резонанс». Здесь что Люшков, что Леплевский могли дать фору многим.

В Харькове, до 1939 года столице советской Украины, в центральном аппарате заметили перспективных работников, и в октябре 1925 года Леплевского первым выдвинули на более ответственный участок, назначив начальником губернского ГПУ в Одессу. Он, в свою очередь, не забыл «способного агентуриста-разработчика» Люшкова и рекомендовал в центральный аппарат: «свои люди» наверху всегда нужны. На должности начальника информационно-осведомительского отдела (ИНФО) ГПУ Украины Люшков просидел целых пять лет.

Несмотря на то что ему удалось раскрыть «террористическую группу», готовившую покушение на председателя Всеукраинского Центрального исполнительного комитета (ВУЦИК) Г. Петровского, эта заслуга не были оценены — Люшков в круг соратников председателя украинской ГПУ не входил.

Все изменилось с приходом в Харьков на должность начальника Секретно-оперативного управления ГПУ Украины старого покровителя — Леплевского.

3 мая 1930 года Люшков был назначен начальником секретного отдела Секретно-оперативного управления (СО СОУ) ГПУ УССР и, наконец, попал в номенклатурную обойму. Под руководством Леплевского он принимал самое активное участие в оперативной разработке подпольных «контрреволюционных, повстанческих организаций»: «Украинского национального центра», «Военно-офицерской организации» (дело «Весна») и других. Эта их работа не осталась незамеченной. Новый председатель ГПУ УССР В. Балицкий так оценил вклад в нее Люшкова: «Личные выезды т. Люшкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых организаций».

Не обошли стороной и покровителя Люшкова — Леплевского. В его адрес Балицкий не жалел громких слов и подчеркивал, что «...благодаря исключительной энергии, четкости и оперативному руководству и непосредственному участию в практической работе со стороны т. Леплевского были ликвидированы крупные контрреволюционные организации».

Прошло всего шесть лет. И Леплевский с Балицким, стравленные Сталиным и Ежовым, терзали друг друга, как пауки в банке, а спецгруппы НКВД рыскали по всей стране и вылавливали их выдвиненцев. Но тогда, в начале 1930-х годов, Украина и они «гремели» своими результатами в борьбе с контрреволюцией. И этот гром слышали в Кремле.

Первым взяли в Москву Леплевского. Вслед за ним, 17 августа 1931 года, в центральный аппарат ОГПУ СССР отпра-

вился Люшков, и там за короткий срок вырос до заместителя начальника одного из ведущих отделов — Секретно-политического отдела (СПО) ГУГБ НКВД СССР, занимавшегося оперативной разработкой политической и внутривластной оппозиции. За пять лет совместной работы у него сложились близкие отношения с начальником отдела Г. Молчановым, игравшим одну из ключевых ролей в планах Сталина по ликвидации партийной оппозиции. Впоследствии эта близость с Молчановым и Леплевским сыграла роковую роль в судьбе Люшкова, а пока он шел в гору.

29 ноября 1935 года ему было присвоено генеральское звание — комиссар госбезопасности 3-го ранга. Не прошло и года, как 29 августа 1936 года, его назначили на важнейший участок — начальником УНКВД по громадному Азово-Черноморскому краю, площадь которого занимала территории нынешней Ростовской области и Краснодарского края.

Направляя Люшкова в Ростов, глава НКВД СССР Г. Ягода преследовал вполне конкретную цель — ослабить позиции своего возможного соперника, полпреда ОГПУ на Северном Кавказе Евдокимова. Но уже в сентябре его сняли с должности, и место наркома занял очередной выдвиженец Сталина — Ежов. Но Люшков остался на плаву. Новый нарком поставил перед ним новую задачу: убрать авторитетного секретаря крайкома Б. Шеболдаева и «зачистить» местные партийные организации, «сильно засоренные троцкистским и оппортунистическим элементом»

Люшков сразу понял, куда подул ветер, и с учетом прошлого опыта принялся плести вокруг Шеболдаева плотную оперативно-осведомительскую сеть. Но тот оказался тертым калачом и по-крупному нигде не подставился. Тогда Люшков зашел к нему с другой стороны: начал разработку его ближайшего окружения — Белобородова и Глебова. Осведомители ловили каждое неосторожно оброненное ими слово в адрес Сталина и критические высказывания в адрес «генеральной линии партии». Сын портного знал, как «шить» политические дела,

и к ноябрю 1936 года, помимо троцкистов и зиновьевцев Белобородова и Глебова, в тюрьме УНКВД оказалось свыше двухсот человек руководящего партийно-хозяйственного актива.

Результаты проделанной Люшковым «работы» оценили не только в Наркомате внутренних дел, но и выше. 2 января 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского края т. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)». После такого разгромного постановления судьбы Белобородова, Глебова и остальных «коммунистов-перерожденцев» были решены. Не избежал их участи и сам Шеболдаев. Сработала известная схема: сначала его «задвинули» в курский обком, потом сняли с должности, исключили из партии и репрессировали.

Казалось бы, Люшков снова «на коне». Но тут на место Шеболдаева назначили Евдокимова, под которого, по поручению предыдущего наркома Ягоды, он копал. Тучи вновь сгустились над Люшковым. На февральском пленуме ЦК ВКП(б) Ежов обвинил бывшего его покровителя Ягodu в том, что тот позволил «предателям» и «вредителям» проникнуть в центральный аппарат органов. Люшков оказался в подвешенном состоянии и, страхуя себя от обвинений в связях с «врагами народа», сделал ловкий ход: одним из первых выступил застрельщиком в изобличении перерожденцев-предателей в рядах сотрудников органов госбезопасности и «развернул» дела на своих подчиненных — начальника Таганрогского горотдела УНКВД Е. Баланюка и Новочеркасского райотдела УНКВД Д. Шаповалова.

Это его «начинание» подхватили ретивые начальники из других управлений, и завалили Центр докладами о разоблаченных «предателях». Кровавое колесо репрессий в органах безопасности сделало свой очередной поворот.

Наряду с политической задачей — «зачисткой» парторганизации края — перед Люшковым стояла и другая, не менее важная задача, связанная с оперативным обеспечением

безопасности Сталина во время его пребывания на спец-объектах — черноморских госдачах. Одна из них строилась в Сочи — «Сосновая роща».

Перед его сдачей Люшков оттуда не вылезал, вместе с архитектором М. Мержановым подчищали последние «хвосты». Приехав на объект, Хозяин остался доволен, и награда не заставила себя ждать. 3 июля 1937 года Люшков был награжден орденом Ленина и, казалось бы, трамплин в Москву готов, но неудача свалилась оттуда, откуда ее не ждал.

На объект прилетел с проверкой начальник личной охраны Сталина Николай Власик. Приехал он не в духе. Люшков с Мержановым решили поднять ему настроение и приготовили сюрприз. На площадке перед дачей Власика ожидал загадочный шатер. Машины остановились, он вышел, Люшков махнул рукой рабочим. Те дернули за веревки, полог слетел на землю, заработали насосы, и мощные струи фонтана забили в воздух. И тут произошла досадная оплошность. То ли Люшков, то ли Мержанов чего-то там не доглядели. Власика окатило с головы до ног. Он взбеленился и потом долго гонял их по даче, тыча мордами в цветочные вазы и задницы древнегреческих богов, которые Люшков утащил из Сухумского музея. В общем, хотели как лучше, а получилось как всегда. Перед отъездом Власик пригрозил отправить обоих туда, куда Макар телят не гонял.

С того дня неудачи одна за другой начали преследовать Люшкова. Его давние покровители, Леплевский и Балицкий, не смогли между собой поделить власть в Киеве. Позже это аукнулось Люшкову. В мае Балицкого сняли с должности наркома внутренних дел Украины и направили с понижением начальником УНКВД по Дальневосточному краю.

Новый нарком Леплевский, долгое время проработавший «правой рукой» — заместителем Балицкого, припомнил тому прошлые обиды, и вскоре вскрыл «заговор» среди украинских чекистов. К августу 1937 года были сняты с должностей и затем арестованы все заместители Балицкого, большинство начальников отделов центрального аппарата и областных управ-

лений. В своей мести Леплевский зашел так далеко, что бывших выдвиженцев Балицкого оперативные группы разыскивали и арестовывали по всей стране. В далеком Ташкенте отыскиали начальника второстепенного 3-го отдела П. Рахлиса. Вскоре был арестован и сам Балицкий.

Люшкову, на первый взгляд, можно было не опасаться, что волна репрессий накроет его: давний покровитель Леплевский круто шел в гору. Но он не был всемогущ, чтобы «замять» показания Балицкого и других арестованных коллег Люшкова по прошлой работе в ГПУ Украины. На его счастье, они против него ничего не дали, и тем не менее он не мог чувствовать себя спокойно.

Новый назначенец, начальник ГУГБ НКВД СССР М. Фриновский, близко связанный с Евдокимовым и много лет проработавший в органах на Северном Кавказе, резко негативно воспринял деятельность Люшкова по разоблачению «чекистов-перерожденцев» в УНКВД по Азово-Черноморскому краю, и начал под него «копать».

Вывел Люшкова из-под удара Фриновского сам Ежов, с которым он познакомился в Ленинграде во время работы по делу об убийстве Кирова. Тогда, по поручению Сталина, по линии партии Ежов курировал ход расследования, а Люшков с позиций органов вел оперативную разработку. Не желая столкновений Фриновского и Люшкова, нарком «развел» их по дальним углам.

31 июля 1937 года Люшков получил назначение на должность начальника УНКВД по Дальневосточному краю, сменив на этом посту комиссара 1-го ранга Т. Дерибаса. Приступив к работе, он всячески старался отвести от себя нависшую опасность и с учетом «ростовского опыта» рьяно взялся за «выкорчевывание» в партийных организациях края и органах «троцкистов», «зиновьевцев» и «предателей».

Первый, в ком Люшков распознал «замаскировавшегося врага», был ни кто иной, как его предшественник Дерибас. Тот с его подачи оказался одним из «главных организаторов»

в крае «правотроцкистского Дальневосточного центра». «Выбить» из Дерибаса нужные показания для команды костоломов Люшкова не составило большого труда. После этого оставалось только заполнить схему заговора исполнителями. Их долго искать не пришлось, все они были под рукой — заместители Дерибаса В. Западный и И. Барминский; последнего попутно сделали «японским шпионом». «Заговорщики», естественно, действовали не в одиночку, и «втянули в свою преступную деятельность перерожденцев-предателей», начальников областных управлений А. Липовского, С. Сидорова, А. Льва, А. Лавтакова и других.

Под руководством Люшкова очистка органов и партийного аппарата Дальневосточного края от «врагов народа» и «изменников» шла такими темпами, что лимиты на приговоры «троек» по «первой категории» — расстрел (2000 человек) и «второй категории» — осуждение к длительным срокам (4000 человек) были исчерпаны к октябрю 1937 года. В наркомате пошли навстречу его настойчивым просьбам и пересмотрели их в сторону увеличения.

От такой работы Люшкова был в восторге первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) И. Варейкис. В письме Сталину 8 сентября 1937 года он писал: «После приезда в край нового начальника НКВД Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерибас».

Далее он перечислял остальных участников «центра» и заверял товарища Сталина в том, что «партийные организации и дальше будут беспощадно бороться с «перерожденцами».

Варейкис, когда писал эти строки, вряд ли мог подумать, что благодаря «новому начальнику НКВД» уже в октябре он будет снят с должности и затем станет участником того самого «правотроцкистского Дальневосточного центра».

В результате «активной деятельности» Люшкова в Дальневосточном крае было репрессировано несколько десятков

тысяч человек. В январе 1938 года при подведении итогов работы Наркомата внутренних дел Ежов в своем выступлении поставил другим в пример УНКВД по Дальневосточному краю и его начальника Люшкова — «репрессировавшего 70 000 (!) врагов народа», то был самый высокий показатель по стране.

После таких лестных оценок перед Люшковым, казалось бы, снова открывалась перспектива оказаться на высокой должности в Москве. Но к тому времени Сталин уже раскладывал новый «пасьянс».

14 января 1938 года на Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом выступил член Политбюро Г. Маленков. Он подверг резкой критике «перегибы» и «перекосы» в работе партийных организаций, связанные с «необоснованными исключениями коммунистов». По итогам заседания было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии».

Видимо, Сталин считал, что пришло время осадить своего «цепного пса» — Ежова, а стране и народу в очередной раз явить «врагов» — виновников чудовищных злодеяний и преступлений. Одним из первых «козлов отпущения» стал нарком внутренних дел УССР Леплевский, наиболее рьяный исполнитель предыдущих разоблачений — «военно-фашистского заговора в Красной армии» и партийных организациях Украины. В январе его отозвали в Москву, сняли с должности и назначили начальником 6-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

За это время Фриновский со своей командой, поработав, как следует, на Украине, разработал «схему заговора» и подобрал в нее исполнителей. А когда все было готово, настал черед Леплевского. 26 апреля его арестовали и предъявили стандартное обвинение — «участие в правотроцкистской антисоветской организации и проведение контрреволюционной предательской деятельности».

Узнав об аресте Леплевского, Люшков почувствовал, что запахло жареным. Но беда, как водится, не ходит одна. Однажды в компании с заместителями зашел разговор, кто с кем и где

служил. Кто-то начал нахваливать братьев Кобуловых, которые с приходом Берия в наркомат круто пошли в гору. И черт дернул Люшкова за язык: ляпнул, что работники они — как из говна пуля, зато лизожопы отменные. Дальше, войдя в раж, брякнул, что «задницу начальству лизать можно, но повизгивать от удовольствия — это уж слишком».

Мерзавец зам в тот же вечер заложил его с потрохами и, наверняка, приврал с три короба. Через неделю в управление нагрянула московская комиссия, и начала копать. Работала две недели, уехала молча, прихватив с собой двух начальников отделов; те назад не вернулись. Следующим на очереди должен стать он, Люшков.

Эти опасения подтвердил предстоящий приезд в Хабаровск ставленника Фриновского и Евдокимова, начальника УНКВД по Западно-Сибирской области майора госбезопасности Г. Горбача. В телефонном разговоре с Люшковым о цели своего приезда тот ничего определенного не сообщил и отделался общими фразами. Люшков догадался: настал его черед. Подтверждением тому стал его внезапный вызов в Москву, и встреча у «живодера» — Богдана Кобулова. Какая к черту встреча! В Москве его ждала пуля.

13 июля 1938 года Люшков под предлогом встречи с закордонным агентом перешел государственную границу в полосе 59-го Посьетского погранотряда и сдался японским властям. В тот момент он, видимо, в душе ликовал. Ему удалось избежать мучительных пыток и смерти, в то время как его покровители, Балицкий с Леплевским, и их общие враги, Фриновский с Евдокимовым, были уже мертвы. Рьяно и беспощадно боровшиеся с «врагами советской власти», они из палачей превратились в жертвы. Вслед за ними не устоял и «железный нарком» Ежов. Многострадальный советский народ уже задыхался в его «ежовых рукавицах». Сталин понял: в НКВД пора менять «караул». 25 ноября 1938 года Ежов «сдал пост» Берии. 10 апреля 1939 года «верный нарком Сталина» по указанию вождя был арестован и спустя девять месяцев расстрелян.

Люшков пережил и тех, и других. В японской спецслужбе высокопоставленного перебежчика как следует «выпотрошили» — вытащили информацию о закордонной агентуре, действующей в Маньчжурии и Китае, о руководящем и оперативном составе Управления НКВД по Хабаровскому краю. И на время забыли о нем.

Вспомнили о Люшкове после военных поражений японской армии на реке Халхин-Гол и в районе озера Хасан. И тогда в руководстве разведки решили выиграть войну с Советским Союзом одним ударом — устранить Сталина. Люшков с его знанием системы охраны и порядка передвижения советского вождя снова пригодился.

Операция получила кодовое название «Охота на медведя». Покушение на Сталина, по предложению Люшкова, намечалось осуществить на водолечебнице в Мацесте во время приема им процедуры. Люшкову, знавшему там каждый закуток, все ходы и выходы, предстояло с группой боевиков из числа белогвардейцев проникнуть со стороны моря по сточным трубам в помещение, соседнее с ванной комнатой, и, уничтожив многочисленную охрану, ликвидировать Сталина. Операция была согласована и затем утверждена на самом высоком уровне.

Непосредственно подготовкой к ней занимался военный разведчик Х. Угаки. Тренировку боевиков проводили на макете, который был точной копией водолечебницы и находился неподалеку от города Харбина. Готовилась операция в глубочайшей тайне, но не от советской разведки. Через своих агентов «Лео» и «Абэ» ей удалось обеспечить за ней оперативный контроль.

В сентябре отряд террористов в двадцать человек, отборных головорезов, был переброшен из Китая в Турцию. Там, в Трабзоне, дождавшись сигнала о том, что Сталин выехал из Москвы в Сочи, боевики приступили к практическому выполнению операции. Первая группа из 12 человек высадилась на морской берег, неподалеку от Батума, и затаилась. Вслед за ней двинулись остальные боевики во главе с Люшковым, но далеко им пройти не дали. Оперативно-боевая группа НКВД блокировала их

в ущелье. В ходе перестрелки раненному Люшкову все-таки удалось вырваться из засады и уйти за границу.

В целях исключения провала харбинской резидентуры и зашифровки ее агентов, одному из боевиков, Пашкевичу, сотрудники госбезопасности подкинули информацию о «предательстве» другого участника группы — Осиповича, и потом, как по нотам, разыграли его побег из Батумской тюрьмы. Пашкевич добрался до базы в Трабзоне и, когда возвратился в Харбин, поведал историю, рожденную в стенах Лубянки. Она позволило отвести тень подозрений от «Лео» и других разведчиков харбинской резидентуры.

Сам же Люшкова, оправившись от ран, вскоре перебрался в Маньчжурию, но не успокоился и принялся за подготовку очередного покушения на Сталина. Он предложил провести теракт в том месте и в то время, где появление советского вождя можно было спрогнозировать со стопроцентной вероятностью — во время парада на Красной площади. Его предложение снова нашло поддержку в японской разведке, и вместе с Х. Угаки Люшков приступил к разработке плана новой операции.

На это раз они рассчитывали уничтожить Сталина на маршруте движения. В этих целях лучшие военные специалисты Японии разработали специальное оружие и заряды к нему. Они создали аналог современного гранатомета, снаряд которого легко пробивал сорокамиллиметровую броню. С этим арсеналом группа террористов оправилась на выполнение задания. Сам Люшков, под предлогом проблем со здоровьем, уклонился от участия в операции и остался в Маньчжурии. После пересечения советской границы диверсанты не смогли пройти дальше. Вновь сработали советские разведчики в японской спецслужбе. Группа была блокирована и уничтожена.

После таких неудач новые предложения Люшкова по организации диверсионно-террористической деятельности на территории СССР в японской спецслужбе не находили поддержки. В дальнейшем его использовали в качестве консультанта и при вербовках агентов, которые затем использовались

для проведения разведывательной деятельности в районах советского Дальнего Востока и Забайкалья.

Все то время, когда Люшков и 5-й (русский) отдел 2-го разведывательного управления Генерального штаба Японии вели охоту на такого крупного зверя, как «Медведь» — Сталин, «летучие группы» боевиков советских спецслужб рыскали по территории Маньчжурии и Китая в поисках одного из самых высокопоставленных перебежчиков НКВД.

Ежов и сменивший его на этом посту Берия без зубовного скрежета не могли слышать и произносить фамилию «Люшков». Комиссар госбезопасности 3-го ранга, до недавнего времени носивший на груди орден с новой иконой большевиков — изображением Ленина, не просто бросил тень на служебный мундир грозного наркомата, но и основательно изгадил его. Сталин не упускал случая, чтобы не напомнить им об этом. Они метали громы и молнии в адрес своих подчиненных и слали в адреса токийской, харбинской и шанхайской резидентур грозные приказы: живым или мертвым доставить предателя в Москву.

Люшков, далеко не последний профессионал в советской спецслужбе, прекрасно знал, как она действует, и умело путал следы. На него работало и то обстоятельство, что в 1938 году советская разведка подверглась массовым репрессиям. Отчасти их спровоцировали Люшков и другой высокопоставленный перебежчик — А. Орлов (Фельдбин). В Испании Орлов руководил всей разведывательно-диверсионной деятельностью советских спецслужб.

Их бегство, а также военно-политическая неудача социалистических сил в Испании явилась болезненным и тяжелым ударом по международному политическому престижу советских вождей. Несмотря на все их усилия, идеи социализма так и не смогли прорасти на испанской земле, выжженной палящим южным солнцем и опаленной огнем гражданской войны. Вставить «революционный фитиль старушке Европе» им не удалось, и тогда начался поиск «козлов отпущения» и наказание невинных.

В числе первых оказались разведчики. Ежов, а затем Берия и его ставленник в ИНО (внешняя разведка) В. Деканозов, со свирепостью восточных сатрапов взялись за зачистку рядов «двурушников и предателей». В течение нескольких месяцев большинство резидентов отозвали в Москву и уничтожили их; те, кто уцелел, получили длительные сроки заключения и пошли по этапу в Сибирь и на Колыму.

Из-за репрессий были утрачены важные агентурные позиции, в том числе в Китае и на Дальнем Востоке. Выполнить приказ и провести такую серьезную операцию, как негласный захват предателя на иностранной территории, к тому же на территории враждебного государства, было не кому.

«Меч Лубянки» — нелегальные оперативно-боевые группы, действовавшие на территории Западной Европы, Ближнего Востока и Китая, получившие в НКВД название «группы Яши», к тому времени были ликвидированы. Их руководителя — живую легенду советской разведки Якова Серебрянского — после возвращения на родину арестовали. Ему, руководителю мощнейшей разведывательно-диверсионной сети, участники которой совершили десятки диверсий на немецких и итальянских судах, доставлявших оружие и живую силу мятежнику генералу Франко, сумевшим добыть и переправить в СССР несколько новейших образцы вооружений, предъявили нелепое обвинение в измене Родине и приговорили к расстрелу.

Выдержав пытки следователей-палачей, Серебрянский никого не потянул за собой, и два года провел в камере смертников. И только начавшаяся война, востребовавшая профессионалов, а не халуйствующих политиканов, спасла его от смерти. Благодаря настойчивости испытанных боевых товарищей, в первую очередь П. Судоплатова, мастер тайных операций вышел на свободу и включился в борьбу.

Но в сложившихся условиях обстановки, как для них, так и для харбинской и шанхайской резидентур, Люшков по-прежнему оставался недосягаем. Он, словно тень, то возникал,

то исчезал на горизонте советской разведки. В конце 1941 года ей все же удалось напасть на его след — он обнаружился в Харбине. Сотрудники резидентуры приступили к подготовке операции по его ликвидации, но она закончилась провалом.

След Люшкова, скорее всего, оказался ловкой мистификацией японской разведки и контрразведки. В те последние месяцы 1941 года, когда в Токио колебались в решении — ударить силами Квантунской армии по советскому Дальнему Востоку или двинуть эскадру адмирала Нагумо к Перл-Харбору, военноморской базе ВМС США, любая утечка информации об этих планах могла помешать их осуществлению. Поэтому Люшков, видимо, сыграл роль своего рода живца, с помощью которого японцы рассчитывали выявить и обезвредить советскую разведывательную сеть. Отчасти это им удалось. После этого он ушел в тень на долгие четыре года.

Вспомнили о Люшкове в 1945 году. После победы над фашисткой Германией взгляды союзников по антигитлеровской коалиции обратились на Японию. Советская армия и спецслужбы сосредотачивались для решающего удара по почти миллионной Квантунской армии. Лучшие силы Смерша перебрасывались из Западной Европы на будущий театр боевых действий.

По указанию Абакумова, для оказания помощи военным контрразведчикам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, были направлены две особые оперативные группы в составе сорока пяти наиболее опытных сотрудников и следователей. Их возглавили: заместитель и помощник начальника Главка генерал-лейтенант И. Бабич и генерал-майор А. Мисюрев.

Перед оперативными группами, руководящим и оперсоставом Смерша на местах были проставлены задачи: поиск и захват сотрудников японской разведки и контрразведки, архивов и картотек на агентуру; пресечение диверсионных и террористических актов в тылу частей Красной армии; задержание ярых врагов советской власти атамана Семенова, оставившего

кровавый след в Сибири и Забайкалье, фюрера российских фашистов Родзаевский и его приспешников из «Российского фашистского союза», а также Люшкова.

Еще до начала боевых действий в охоту на бывшего комиссара включилась зафронтная агентура Смерша. И вскоре он засветился в Харбине. Предатель отирался при японской военной миссии и находился под покровительством ее главы — полковника Такеоко. Теперь дело оставалось за подготовкой операции по его захвату. Ее предстояло осуществить одной из 35 оперативно-розыскных групп, сформированных Бабичем из числа наиболее опытных сотрудников Смерша. Они ждали только команды.

9 августа 1945 года Советский Союз, выполняя свои союзнические обязательства перед партнерами по антигитлеровской коалиции, вступил в войну с Японией. Впереди советских войск шли десантники и оперативно-розыскные группы Смерша. Их действия были настолько стремительны, что во многих случаях японские разведывательные и контрразведывательные органы были застигнуты врасплох. В Мукдене и Хайларе рядовые сотрудники и руководители были захвачены почти в полном составе вместе со всей документацией.

Также успешно они действовали и на других направлениях. Казалось бы, что на этот раз Люшкову не уйти. На северных окраинах Харбина еще шли бои, а оперативно-боевая группа Смерша пробилась к японской военной миссии и блокировала ее. Штурм был коротким и прошел без больших потерь. В руках контрразведчиков оказалась большая часть сотрудников, но неуловимый Люшков и глава миссии полковник Такеока успели ускользнуть.

Поиски предателя продолжились. В процессе допросов попавших в плен сотрудников японских спецслужб сотрудники Смерша снова вышли на их след — он вел в Дайрен. Погоня за ним продолжилась. Теперь в охоту включилось несколько оперативно-розыскных групп. Они неумолимо сжимали вокруг него кольцо окружения, и когда оно замкнулось, то в руках кон-

трразведчиком оказался один Такеока и горстка пепла — все, что осталась от бывшего орденоносца, комиссара госбезопасности, палача, закончившего жизнь предателем. За семь лет сотрудничества с японской разведкой Люшков узнал слишком много такого, что могло стоить жизни его хозяевам, которых впереди ждал суд военного трибунала. Он стал опасным свидетелем и по приказу Такеока был убит, а затем кремирован под фамилией японского военнослужащего.

Примечания

¹ *Устинов И. Л.* Крепче стали. Записки ветерана военной контрразведки. М., 2005.

² *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Т. 1. Кн. 1. С. 22, 27.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 137, 145.

⁵ *Неподаев Ю.* Спецназ адмирала Канариса. М., 2004. С. 11–13.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1963. Т. 1. С. 206.

⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 351.

⁹ Там же. С. 99–101.

¹⁰ Там же. С. 285.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же. С. 141.

¹³ Имеется в виду договор, заключенный 16 апреля 1922 г. в г. Рапалло (Италия) между РСФСР и Веймарской республикой во время Генуэзской конференции; поводом и основой его заключения послужило неприятие обеими странами Версальского договора. (*Ред.*)

¹⁴ Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 13.

¹⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. Т. 4. С. 522.

¹⁶ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1979. Т. 2. С. 148.

¹⁷ *Устинов И. Л.* На рубежах исторических перемен. Воспоминания ветерана спецслужб. М., 2008. С. 68.

¹⁸ Там же. С. 47.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 52, 53.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 49.

²³ «Валли-1» — Специальный орган управления «Абвер-заграница», созданный в июне 1941 года для ведения разведывательно-диверсионной работы против Советского Союза. (*Авт.*)

Содержание

От редакции.....	5
Крепче стали.....	8
Враг силен и коварен.....	24
Слово и дело.....	47
И шпионов ловили, и здорово помогли.....	75
«Большое сито» Смерша.....	102
«Чистилище».....	118
Последний прыжок «самурая».....	134
Несостоявшееся «сватовство» оберлейтенанта Биттига.....	150
Две истории дневника полковника Бойе.....	162
По следу «оборотня».....	177
Капкан для «арийцев».....	190
«Загадка» Смерша.....	209
Часть первая. На пути в Берлин.....	209
Часть вторая. Визит к Кальтенбруннеру.....	221
Часть третья. «Загадка».....	244
Охота на комиссара.....	283
Примечания.....	301

Лузан Николай Николаевич

СМЕРШ БЕЗ ЛЕГЕНД И МИФОВ

Сборник документальных очерков и рассказов

Редактор *А. П. Аристов*

Художественное оформление *А. П. Зарубин*

Компьютерная верстка *И. В. Белоусенко*

Корректор *Е. Р. Арозн*

Издательство «Кучково поле»

123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.

Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.

E-mail: kuchkovopole@mail.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 15.02.13. Формат 84 × 108/32.

Усл. печ. л. 15,96. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 9785995002857

9 785995 002857